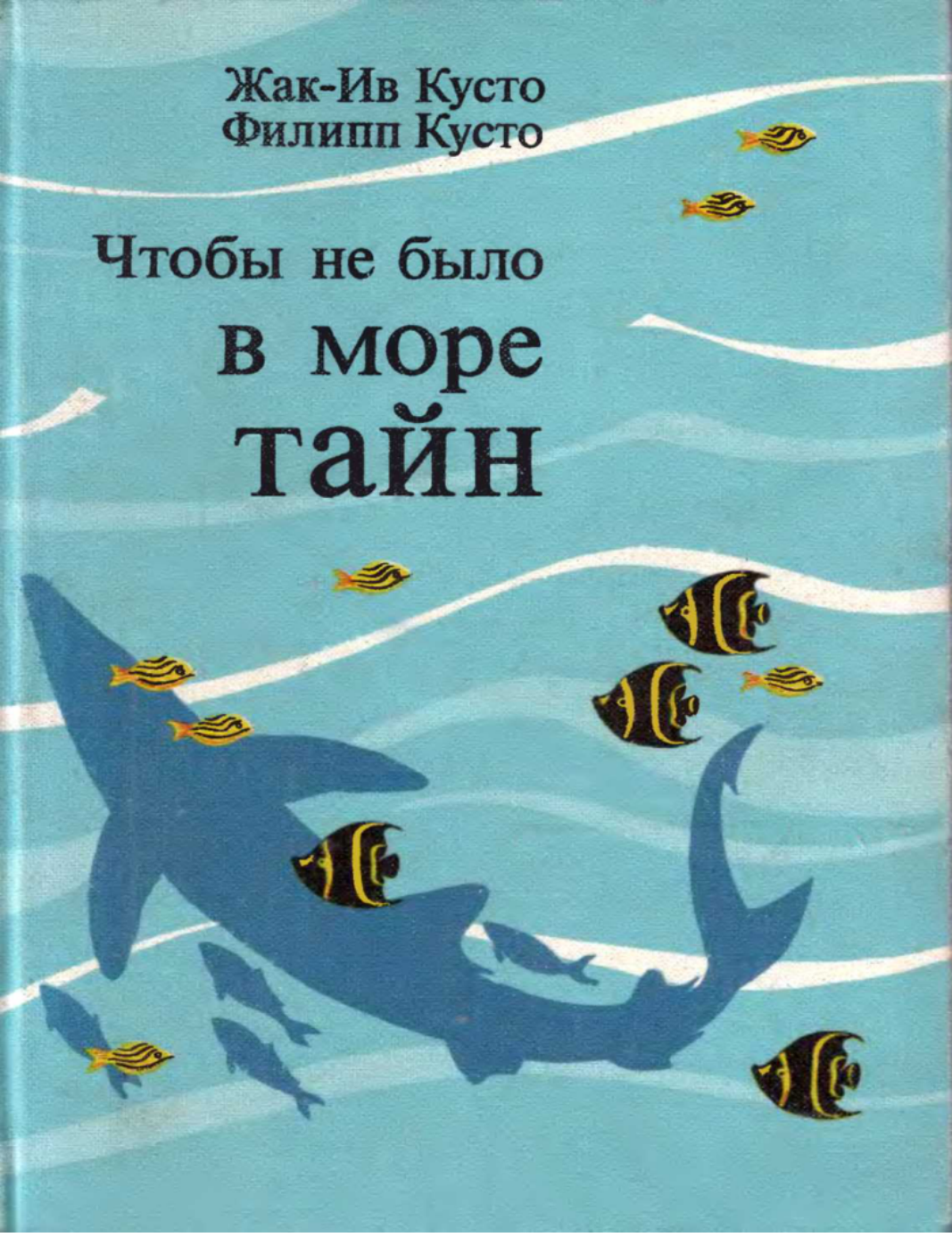
Жак-Ив Кусто
Филипп Кусто

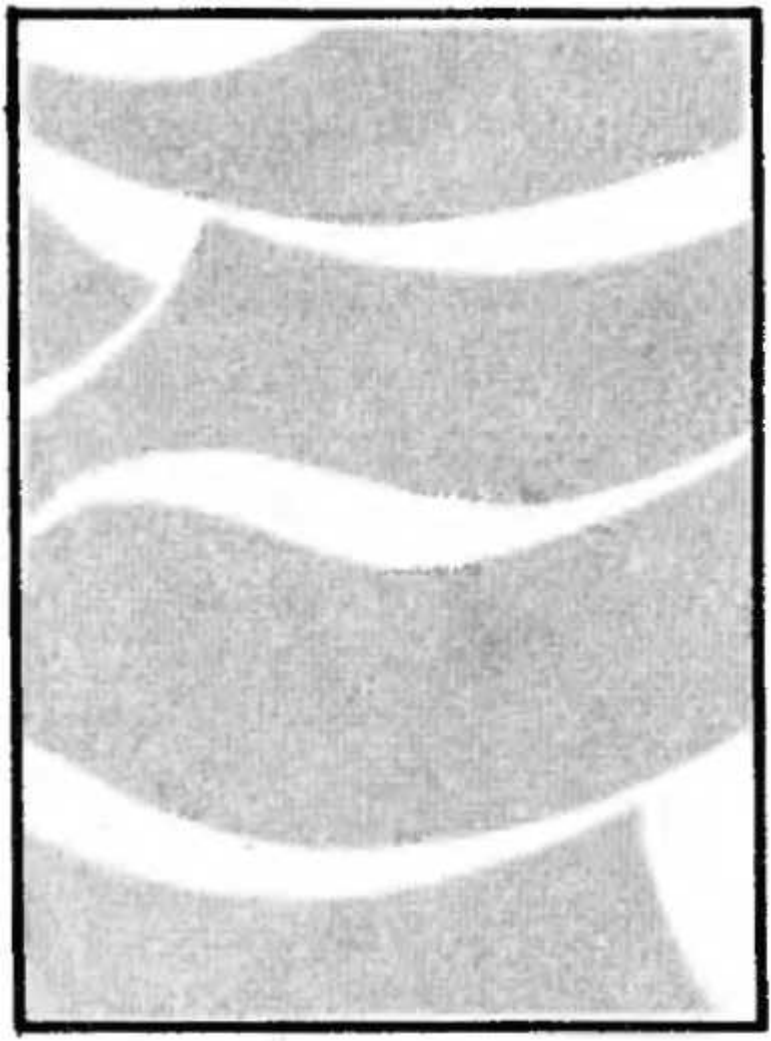
Чтобы не было в море тайн



SHOUT
SHARE
IT

- ВСТУПЛЕНИЕ
- ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
- ДЛЯ ЧЕГО РАССКАЗЫВАТЬ ОБ АКУЛАХ?
- ИДЕАЛЬНЫЙ УБИЙЦА
- ТЕПЛАЯ КРОВЬ И ХОЛОДНАЯ КРОВЬ
- АКУЛЬЯ ОБСЕРВАТОРИЯ
- КОРРИДА В ПУЧИНЕ
- ВСТРЕЧА АРТУРА С БЕЛОПЕРОЙ
- ОСТРОВ ДЕРРАКА
- БУРНЫЙ ИНЦИДЕНТ У ШАБ-АРАБА
- АКУЛЫ И ПОДВОДНЫЕ КОЛОНИСТЫ
- МИРОЛЮБИВЫЙ ИСПОЛИН
- ИЗУЧЕНИЕ АКУЛЫ
- ВЫВОДЫ О ПОВЕДЕНИИ АКУЛ
- ПРИЛОЖЕНИЕ
- ПРИМЕЧАНИЯ
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АКУЛАХ И О ЖИЗНИ В МОРЕ

ВСТУПЛЕНИЕ



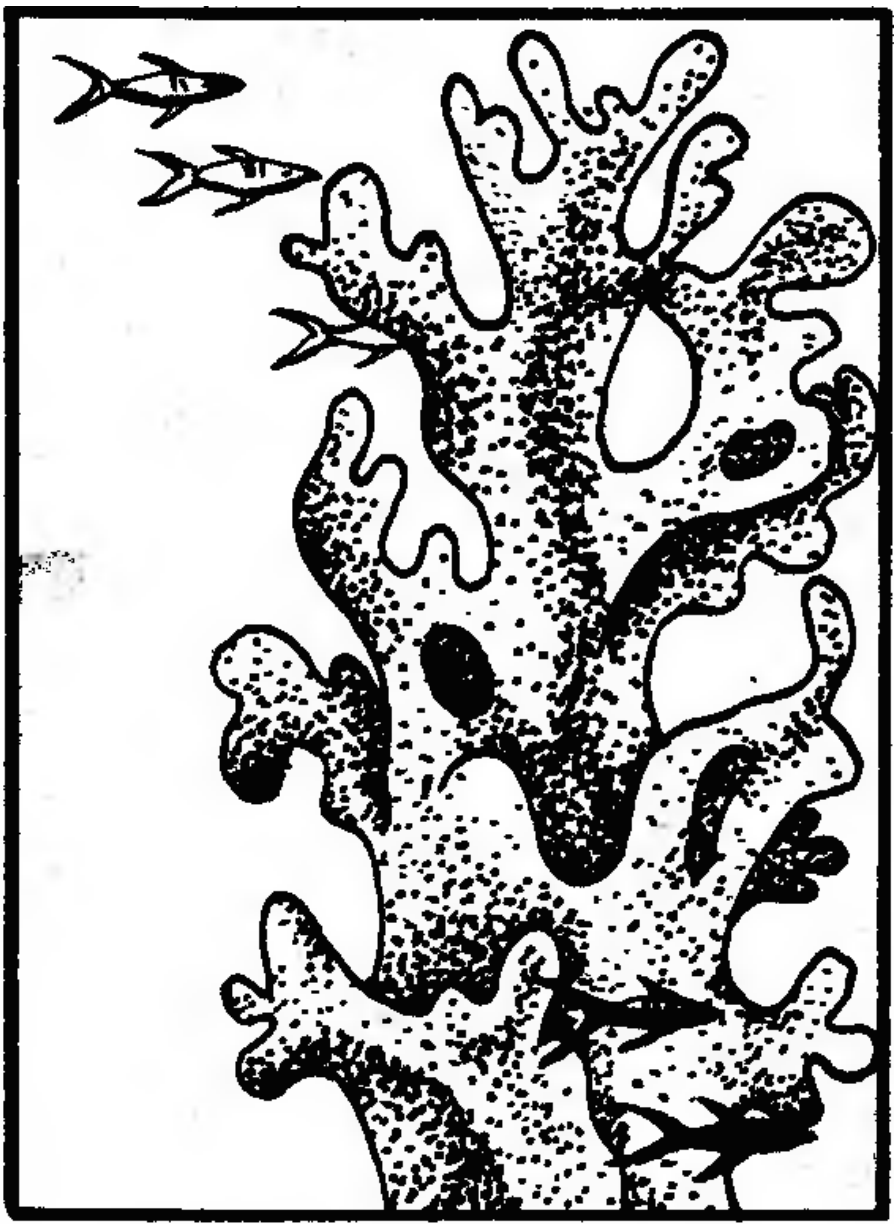
Жак Ив Кусто:

Вот уже больше двух лет, как мое судно «Калипсо» вышло из Монако в свое самое долгое и увлекательное плавание. Мы погружались с кинокамерой к акулам Красного моря и Индийского океана. Исследовали архипелаги и уединенные острова -Мальдивские, Сейшельские, Сокотра, Альдабра, Глорьез, атолл Европа. На склонах рифов обнаружили древние слои, ушедшие под воду во время ледниковых периодов; танцевали с морскими обитателями, похожими на участников бала-маскарада; цеплялись за ласты усатых и зубатых китов, даже вели дневник

странствий некоторых из них. Нашли морские окаменелости в горах Мадагаскара; возле мыса Доброй Надежды приручили Пепито и Кристобаля – двух морских львов; исследовали затонувшие корабли у острова Св. Елены; искали сокровища на Серебряной банке в Багамском архипелаге; погружались в нашем «ныряющем блюдце на дно озера Титикака; плавали в обществе морских сло-нов острова Гваделупа. Теперь мы готовимся пересечь Тихий океан, погружаться и снимать у островов Галапагос и Общества, у Нумеа, на Большом Барьерном рифе и среди Зондских островов между Индийским и Тихим океанами. Я задумал отразить это долгое чудесное плавание в большой красочной «кинематографической фреске», предназначенной для телевизионных экранов всего мира. В этот замысел вложен весь мой опыт тридцати трех лет работы под водой, вся моя любовь к природе и к океану.

На экране вы не увидите всех трудностей, связанных с таким делом: я подразумеваю годы, потраченные на техническую подготовку, исследования и разработку документации; финансовые проблемы, требующие известных жертв от ста пятидесяти человек, составляющих команду; тысячи погружений с обычным снаряжением и сотни погружений в «блюдце»; многие часы, проведенные в холодной воде или декомпрессионной камере; ночи, потраченные на ремонт необходимого снаряжения или кинокамеры, в которую попала вода; песчаные бури и тропические циклоны; аварии и поломки на судне посреди океана; наши терзания, когда потеряна связь с аквалангистом или «блюдцем»... Наконец, за кадром останется самая осязаемая из всех опасностей – о ней здесь расскажет Филипп – опасность, с которой сопряжена каждая наша встреча **с** акулами.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА



Встреча с большой голубой акулой.

Предыстория фильма о поведении акул.

О «Калипсо» и о команде.

Рассказывает Филипп Кусто

Она не плывет, а струится, течет, и голова ее плавно ходит слева направо, справа налево в лад с движением всего тела. Только глаз кажется неподвижным, хотя он вращается вместе с головой, – он фиксирует меня, ни на миг не отрываясь от добычи или возможного противника.

При каждом ее движении кожу бороздят тысячи шелковистых морщин, оттеняя ту или иную могучую мышцу. Кристально чистая вода словно не существует – она висит в абсолютной, ничем не замутненной пустоте, нас больше ничто не разделяет.

Никакой угрозы, никакого намека на агрессию. Движения и поведение акулы выражают только подозрительность с оттенком пренебрежения. Тем не менее она вселяет страх. Я изумлен и испуган, душа полна тревоги. Стараясь не шуметь, непрерывно плаваю по кругу, чтобы все время видеть ее перед собой.

Есть что-то волшебное в ее внезапном появлении и царственном величии. До поверхности воды далеко, я ее не вижу, и от этого впечатление чуда еще сильнее. Новый поворот... Круг, описываемый акулой, то растет, то сужается под влиянием ее примитивных импульсов или ничтожных перемен течения. Это беззвучное вращение – словно танец, подчиненный непостижимым законам. Эти холодные голубые линии внушают мне такое чувство, как будто меня окружает паутина, сотканная из жестокой и в то же время прекрасной силы. Мне чудится, что я с начала времен кружусь вместе с ней в хороводе. Рисунок танца безупречен. Вдруг меня точно громом поражает мысль, что передо мной слуга смерти. И сразу очарование разрушено. Да, эти идеальные обводы, этот льдисто-голубой камуфляж и могучий, грозный хвост – все предназначено для убийства. Я снова воспринимаю воду, она мягко течет между пальцами, но сопротивляется ладоням. Я нахожусь на глубине тридцати пяти метров в прозрачной толще Индийского океана. С запасом воздуха на тридцать минут и с кинокамерой в руке я отнюдь не легкая добыча. Мы кружимся всего-то несколько секунд, и сверху доносится неровный стук мотора: за мной наблюдают с катера.

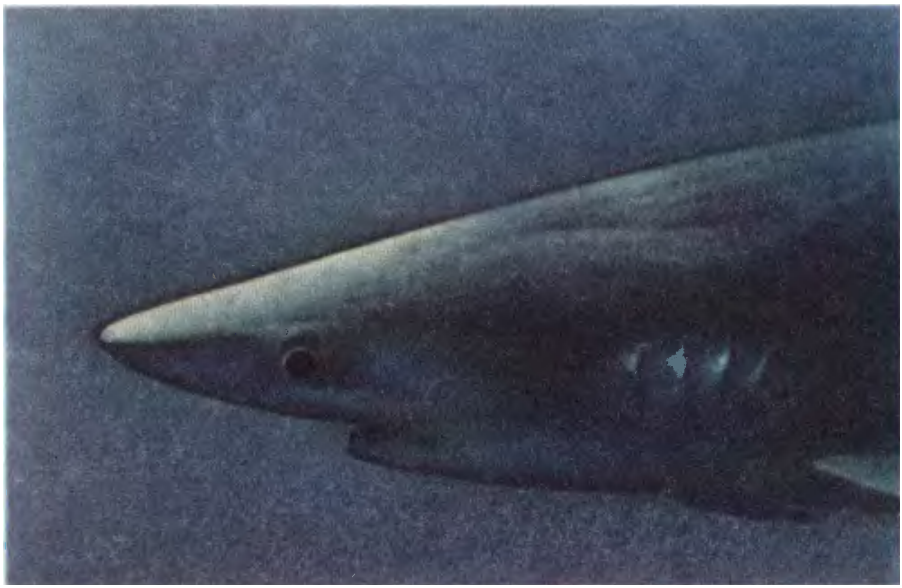
Большая голубая акула продолжает наступление, придерживаясь тактики, искони присущей ее племени. Поистине, великолепный экземпляр – больше двух метров в длину; и челюсти ее (я это знаю, приходилось видеть) оснащены семью рядами острых, как бритва, зубов. Я уже начал не спеша всплывать, имитируя атаку каждый раз, когда голубая подходит достаточно близко. Она воспринимает вибрацию от малейшего

моего движения, улавливает даже самые незначительные изменения кислотности, даже самые слабые запахи и, конечно же, не даст застигнуть себя врасплох. Акула развивает скорость больше тридцати узлов; пойдет в атаку – вряд ли отобьешься. Но она продолжает медленно ходить по кругу, верная осторожности, которая сохраняет ее род с тех пор, как он появился на земном шаре больше ста миллионов лет назад. Я знаю, что круги неумолимо сужаются и что я, вероятно, смогу отразить первый выпад, но знаю также, 7 что это ее не обескуражит. На минуту она опешит, но тут же снова примется описывать хищные круги, выпады участятся, в конце концов она прорвет ненадежную оборону и вонзит свои челюсти в мою плоть. Привлеченные незримыми сигналами, поднимаясь из глубины или рассекая поверхность лезвием спинного плавника, явятся другие акулы. И начнется драка из-за остатков, свирепый пир, кровавая демонстрация жуткой, необоримой силы. Так заведено у больших акул открытого моря.

Последний взгляд на силуэт с безукоризненными обводами и на большой, зоркий глаз, и я забираюсь в наш катер «Зодиак», уже сожалея, что кончилась волнующая встреча с этим воплощением неодолимой мощи, кляня свою слабость и благословляя свой страх. Смотрю на загорелых, обветренных товарищей, с которыми ходил на такие же погружения, и они с первого взгляда все понимают: под нами акула.

Лежу на горячей банке, уже разморенный жарой и солнцем, и перебираю в памяти цепь событий, которые привели нас сюда, в Индийский океан. Требуется известное усилие – это приятное усилие, – чтобы вспомнить, как началось наше приключение.

Самая красивая акула - голубая. Ее сопровождают два лоцмана. Голубая вдруг возникает из пучины. Она относится к опасным видам. Ходит всегда в одиночку.



Голубая в профиль. Виден большой черный глаз и постоянно открытый рот, через который вода поступает на жабры. У нее белое брюхо, зубов не видно, они скрыты во рту

Весной 1966 года я был в Голливуде, заканчивал работу над фильмом об исследованиях на «Коншельфе-3». Фильм был снят для Национального географического общества в Вашингтоне за

месяц, который я провел вместе с пятью другими подводными пловцами на глубине ста десяти метров, в нашем «доме» на скальной полке в толще Средиземного моря. Получалась 58-минутная документальная лента, предназначенная для телевидения. Фирма, делающая фильмы для Национального географического общества, называется «Вольпер Продакшнс», ее главная контора находится на Сансет-Бульвар в Лос-Анджелесе. Так мы познакомились с Девидом Вольпером; его энтузиазму и доверию мы обязаны многими незабываемыми приключениями, которые нам затем довелось пережить.

Мой отец давно мечтал о серии телевизионных фильмов, посвященных морю, но его наметки шли вразрез с укоренившимися взглядами и не были осуществлены. А тут Девид Вольпер вдруг предлагает нам сделать двенадцать часовых фильмов – темы по нашему выбору, – гарантируя финансовую поддержку, которая позволяла нам приобрести все нужное снаряжение. Конечно, мы понимали, что понадобятся еще деньги на другие расходы, но мы не сомневались, что, отсняв по соглашению с Девидом три-четыре фильма, сможем пополнить свой бюджет средствами, вырученными за эти ленты в Других странах.

Условия контракта обсуждались в Нью-Йорке. Помню, как мы сидели вечерами допоздна, совещаясь с техниками и юристами, да потом еще продолжали с отцом дискуссию в номере отеля, развивая фантастические проекты. Ничто не сдерживало полет нашего воображения... Вооруженные самым современным оборудованием, мы посетим все моря земного шара, выследим и снимем целаканта в его подводных тайниках, нырнем в обитель гигантского кальмара в течении Гумбольдта, отыщем галеоны Христофора Колумба. Благодаря энтузиазму Девида и его преемника Бада Рифкина мы осуществим все волнующие нас замыслы, и притом с камерой в руках; значит, мы сможем запечатлеть на пленке все, чем нас так привлекает и восхищает море.

Первая серия должна как следует увлечь и заинтриговать зрителей, а что в море может быть занимательнее и увлекательнее акулы? Об этом легендарном животном все слыхали, даже люди, живущие вдали от моря.

... И вот мы на «Зодиаке» возвращаемся на «Калипсо» после захватывающего погружения. «Калипсо» – то самое судно, переоборудованное из 45-метрового минного тральщика, на котором мы уже провели много работ, правда, более научного характера. Гидрология, биология, геология – все науки, занимающиеся морем, и многие серьезные, преданные своему

делу исследователи составляли, так сказать, смысл существования «Калипсо». Теперь судно переоснастили, приспособили для киносъемок. Специальные лебедки и черпалки уступили место маленьким подводным лодкам, исследовательские лаборатории превратились в кинофотолаборатории.

Два мотора по 500 лошадиных сил прошли капитальный ремонт до начала нашего пятилетнего плавания. Помещения для команды в носовом отсеке расширили так, чтобы можно было разместить еще шесть человек – кинотехников или аквалангистов. В кормовом трюме лежали две одноместные подводные лодки рассчитанные на погружения до пятисот метров, а на палубе над ними установили гидравлический кран, который извлекал их из трюма и опускал на воду, освобождая нас от тяжелого и даже рискованного при сильном волнении ручного труда. На главной палубе размещался наш «водолазный центр» с новехоньким снаряжением; здесь же обосновались электрики. Кают-компания, камбуз и все остальные помещения тоже были оборудованы заново.

«Калипсо» в Индийском океане. Могучие валы предвещают начало муссона

На верхней палубе к капитанскому домику добавили новую рубку, а около радиорубки устроили телевизионную аппаратную. Новый радар, расширенные иллюминаторы и два высоких штурманских стола совершенно преобразили вид мостика. Установленные повсюду, в том числе в подводной обсерватории

на носу, телевизионные камеры ограниченной сети позволяли следить с мостика за всем происходящим, будь то на борту или под водой. Словом, корабль представлял собой идеально отвечающий своему назначению инструмент. Маленькие быстрые катера могли в любую минуту доставить в нужное место кинооператора. В трюме помещался наполняемый горячим воздухом воздушный шар, с него я мог снимать сверху и даже замечать вещи, ускользающие от внимания впередсмотрящего на судне. Кроме необходимой мелкой аппаратуры (линзы, портативные камеры) мы располагали двумя 35-миллиметровыми и двумя 16-миллиметровыми камерами «аррифлекс», двумя 16 миллиметровыми камерами «эклер» и тремя звукозаписывающими аппаратами «перфектон» с кварцевым синхронизатором, позволяющими разделять кинокамеру и рекордер.

Подводное снаряжение включало двенадцать кинокамер, изготовленных в наших мастерских в Марселе. Из них четыре были рассчитаны на 35-миллиметровую пленку, остальные – на 16-миллиметровую. Для освещения на воздухе и под водой мы применяли кварцевые лампы на 1000, 750 или 250 ватт, с питанием либо автономным, от аккумуляторов, либо от 110-вольтового источника на борту «Калипсо».

Наши акваланги стали совсем обтекаемыми благодаря пластиковому кожуху, который закрывал не только четыре баллона из спецстали, но и ультразвуковой телефон для связи между аквалангистами. На шлеме, тоже сделанном из пластика, – радио для связи с поверхностью и аккумуляторы для светильников. Внутри шлема помещались приемные узлы обоих связных устройств и точный кварцевый прибор для ориентирования, включаемый тумблером сбоку. Довершал снаряжение подводного пловца гидрокостюм.

Все эти новинки увеличивают подвижность аквалангиста на 30 процентов и позволяют с меньшими усилиями плыть быстрее. Новый комплект разработан и изготовлен инженерами исследовательского центра в Марселе и воплощает давнюю мечту моего отца о более эффективном акваланге, объединяющем все узлы в одной конструкции. И хотя наши «старики», привыкшие к обычному снаряжению, не проявили большого восторга, тем не менее новый автономный аппарат представляет собой первый существенный шаг вперед со времени изобретения акваланга Кусто-Ганьяна.

Жак-Ив Кусто (справа) и Филипп Кусто обсуждают на кормовой палубе «Калипсо» планы на день. Виден гидравлический кран и одноместная подводная лодка

В октябре 1966 года мы решили совершить небольшое плавание, чтобы испытать материально-техническую часть. Для этого выбрали судно поменьше, бывший траулер «Эспадон», оснастив его прототипами снаряжения, которое собирались использовать на «Калипсо». Мы собирались также проверить наши 16-миллиметровые камеры и два новых типа пленки – «эктахром 7241» и «эктахром 7242», только что освоенные фирмой «Истмен Кодак». Экспедиция была рассчитана на три месяца. В ее состав входило десять человек под командованием Альбера Фалько; они изучали акул Красного моря.

В феврале 1967 года, обогатившись опытом экспедиции на «Эспадоне» и устранив изъяны в снаряжении, мы погрузились на «Калипсо». Когда мы выходили из Монако, толпы провожающих на пристани осыпали нас цветами и конфетти. Князь Ренье и княгиня Грейс посетили судно и подарили нам на счастье чудесного пса породы сенгубер, выведенной французскими монахами в средние века. Мы назвали его Зум.

Выход в плавание – всегда большое событие, но это было нечто из ряда вон выходящее. Как-никак, произошло чудо. В наш век рациональности, научности и окупаемости мы отплывали без какой-либо конкретной цели, без драконовских ограничений во времени, не обязанные ни перед кем отчитываться. Плыви, куда тебя поманит. Наша единственная задача, единственное дело – смотреть и видеть. В эпоху сверхспециализации мы будем вездесущими глазами всех тех, кто сам не может или не хочет

путешествовать. Станем чем-то вроде странствующих рыцарей прошлого, которые скитались по свету и возвращались, чтобы поведать своему королю о Святой стране или о Мавритании. Нас отличало то, что рассказ о наших приключениях будет адресован не какому-то одному королю, а миллионам людей. Исполинская задача, если вдуматься. Мы представляли себе каждого из наших будущих зрителей. Они будут ждать от нас правдивого рассказа о прекрасных и познавательно ценных вещах. И доверие зрителей возлагает на нас огромную ответственность. Обмануть это доверие, это внимание, эту потребность в информации о чудесах подводного мира – все равно что пройти мимо слепого, который ждет, кто бы помог ему перейти оживленную улицу. Словом, хотя у нас не было никакого графика, никакого определенного маршрута, мы чувствовали, что на нас как бы возложена миссия, и были полны решимости вложить в это дело все наши силы, весь наш энтузиазм.

Очень скоро исчезли вдали Монакская скала и венчающий ее Океанографический музей. Все на борту разделяли мою радость и мое воодушевление. Это были мои старые товарищи, кое-кто из них работал вместе с отцом еще с 1951 года; все они в совершенстве знали свое дело, и большинство успешно совмещали три-четыре функции. Роже Маритано занимал должность капитана «Калипсо» не один год; не меньшим опытом обладал и сменивший его капитан Бугарэн. Первый и второй помощники – Жан-Поль Бассаже и Бернар Шовеллен – молодые, опытные моряки, да к тому же отличные подводные пловцы. Машиной заведывал старейший член команды – Рене Робино; он с первого нашего плавания ходит с нами. Морис Леандри, человек неистощимой энергии и великой добросовестности, возглавлял бригаду, отвечавшую за состояние судна. Два старших водолаза – Раймон Кьензи и Альбер Фалько (прозвища – Каноэ и Бебер) – пришли на «Калипсо», когда мы были заняты увлекательнейшим делом – поднимали со дна моря под самым Марселем затонувший древнегреческий корабль. Моими партнерами по съемкам под водой стали Мишель Делуар и Ив Омер, на борту – Жак Ренуар. Все – от Эжена Лагорио, нашего радиста и звукооператора (прозвище – Жежен), до Жана Моргана, нашего кока, – знали и уважали своих товарищей

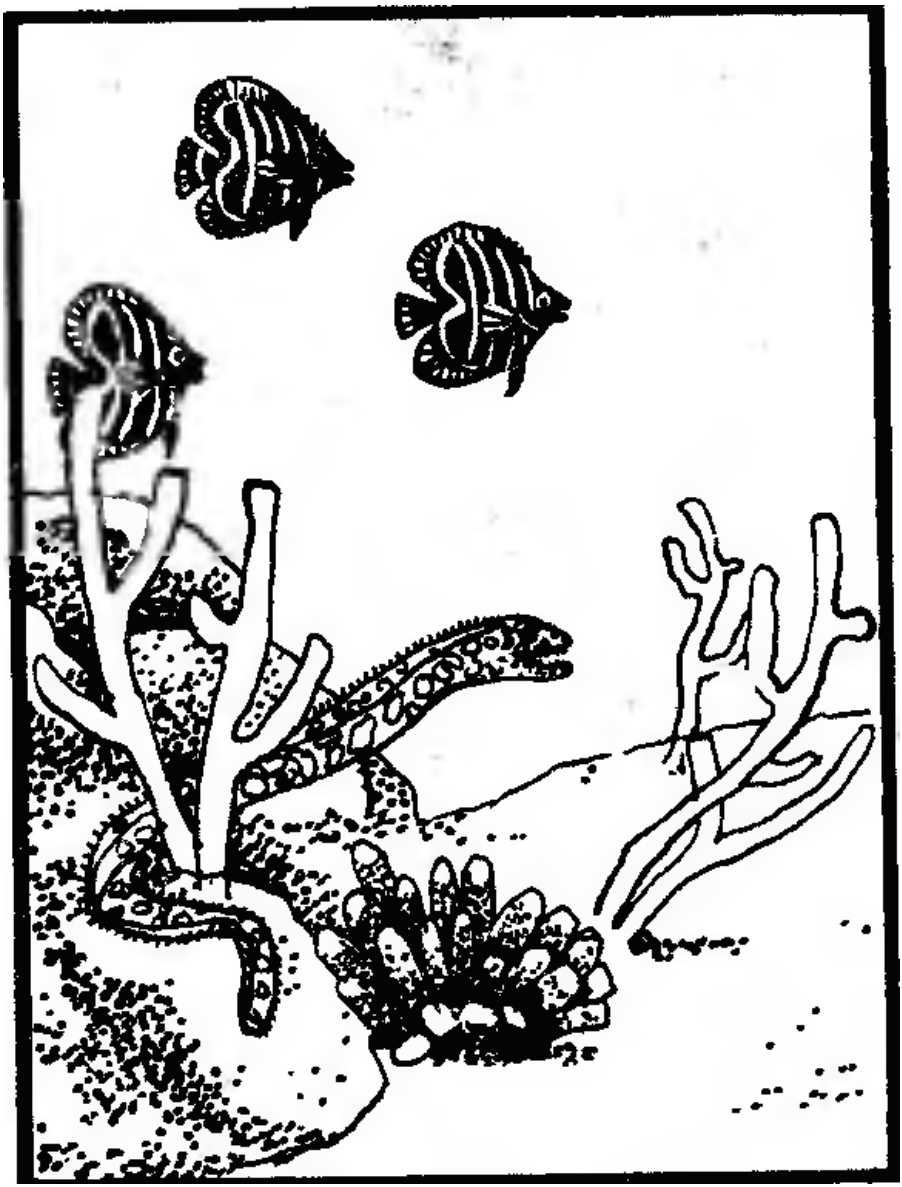
Мы могли гордиться монолитной командой с высокой профессиональной выучкой. Фредерик Дюма, с первых дней помогавший моему отцу, стал всемирным авторитетом по подводной археологии; и теперь советы этого человека, обладающего громадным опытом во всем, что касается моря и его обитателей, чрезвычайно увеличивали наши шансы на успех.

В 1951 году, когда мне было всего десять лет, Дюма и Робино брали меня с собой под воду в Красном море. Вместе с Кьензи я погружался в подводные леса Альборана, с Фалько опускался в затопленные кратеры Азорских островов. Через пятнадцать лет Делуар был моим помощником и дублером в месячном эксперименте на станции «Коншельф-3», когда проверялась способность человека жить и работать на глубине ста десяти метров. В этом опыте участвовал также Омер и еще четверо, в том числе Андре Лабан, руководитель маленькой группы океанавтов. Все мы знали по опыту, что можем положиться друг на друга в трудную минуту, встречались с одинаковыми трудностями, изведали одинаковые переживания. Мы составляли единый отряд, сколоченный моим отцом, сплоченный его тягой к романтике и уважением ко всему живому.

В день старта я пришел вечером к отцу на капитанский мостик, и мы долго стояли вместе, толкуя о мировых проблемах и восстанавливая телесный контакт с кораблем, от которого успели отвыкнуть за месяцы подготовительной работы в Париже и Нью-Йорке. Я упорно думал о легендарном животном, грозном людоеде, о металлической красоте и необоримой мощи таинственного чудовища – акулы.

Через шесть дней мы приступим к работе в Красном море, дело начнется всерьез.

ДЛЯ ЧЕГО РАССКАЗЫВАТЬ ОБ АКУЛАХ?



Прелюдия.

Встреча в открытом море с великим лонгиманусом.

Угроза современному подводнику.

Филипп Кусто продолжает:

Однажды летом 1945 года, на берегу скалистого заливчика между Санари и Бандолем на Средиземноморском побережье Франции, отец надел нам с братом на плечи миниатюрные автономные легководолазные аппараты. Потом он взял нас за руки и завел в воду под скалами, на глубину одного-двух метров. Моему брату, Жану-Мишелю, тогда было шесть с половиной лет, мне – четыре года. Я совсем не помню этого первого погружения, но мне часто про него рассказывали: как мы, изумленные подводным миром, принялись наперебой описывать друг другу увиденное и наглотались морской воды.

После того дня ни один из обитателей моря, с которыми мне доводилось сталкиваться, не внушал мне безотчетного страха. Ни один, кроме акулы. А ведь мне пришлось испытать и ожоги от медуз, и укус мурены, меня даже колол симпатичный морской еж. Я встречал немало устрашающих с виду созданий – хвостокола, манту, морского слона, косатку, кашалота. Но укусы и уколы были вызваны моей собственной неуклюжестью, а не злым умыслом животного. Это относится и к акуле; она тоже, на мой взгляд, не убивает беспричинно, но я никогда не забываю, что это единственный из морских обитателей, у которого есть все необходимое, чтобы искалечить, а то и убить меня: и сила, и средства, и побудительные причины. Разумеется, акула – не единственный житель моря, способный убить человека; реестр таких животных достаточно велик. Я могу привести несколько общеизвестных примеров, но такой перечень будет далеко не исчерпывающим. Только биологу под силу составить полный перечень. Есть книжка под названием «Опасные и ядовитые животные моря», она как будто достаточно полно освещает этот вопрос, во всяком случае на современном уровне знаний. В Персидском заливе и водах Индонезии водятся морские змеи длиной до метра, их яд смертелен, но они избегают человека. Смертельным может оказаться также укус некоторых австралийских осьминогов или ожоги от нитей сифонофоры физалии. Кашалот или косатка способны перекусить человека пополам; другие китообразные вполне могут ударом хвоста переломить вам позвоночник. Даже миролюбивый дельфин в принципе может убить пловца тем же способом, которым он

расправляется с акулой. Есть также морские крокодилы – гроза обитателей индонезийского побережья. И все-таки ни одно из названных животных не представляет подлинной опасности для аквалангиста. Большинство из них живет либо слишком далеко в открытом море, либо чересчур глубоко, например гигантский кальмар в течении Гумбольдта.

А вот акулы водятся всюду в тропических и умеренных водах; некоторые виды, скажем гренландская акула, обитают даже в полярном океане. Акул находят и на больших глубинах, и у поверхности, даже в эстуариях рек и в некоторых озерах Латинской Америки. Так что акулу можно встретить где угодно, плавая на воде или под водой, и встреча эта может оказаться фатальной.

Человек сумел очистить поверхность земли от большинства животных и многих крупных насекомых, представляющих угрозу его жизни. Если вид не истреблен совсем, остатки его, как правило, заточены в резерват – примером могут служить крупные дикие животные Африки и Индии. Но во многих случаях интенсивная охота свела численность вида до такого минимума, что он практически перестал быть опасным.

Я отнюдь не собираюсь здесь философствовать о поведении человека, хочу только выразить свое сожаление, что столько красоты и богатства уничтожается подчас без достаточных причин. Мне стыдно, как подумаю о чудовищном ханжестве тех, кто якобы принимают меры для охраны вида, а на деле организуют продажу львиного или слоновьего мяса по бешеной цене богатым привилегированным субъектам, место которых скорее в психиатрической клинике, чем в «спортивном клубе». И я не могу не сказать о том, какую боль мы с отцом испытываем, беспомощно наблюдая истребление китообразных, например большого синего кита – от этого самого крупного животного в истории Земли скоро останется одно воспоминание.

Акуле не грозит такая участь. Большинство, из селахий, к которым принадлежат акулы, великолепно приспособлены к своей среде, и огромная численность акул чрезвычайно затрудняет их истребление, даже делает его невозможным. В итоге акула остается одним из последних в ряду опасных для человека животных, с кем он еще не совладал. Селахии распространены буквально всюду, почти все они представляют серьезную, а то и смертельную угрозу для человека, и пока что не придумано надежных средств индивидуальной защиты.

Если добавить, что люди наконец-то задумали всерьез осваивать море и вероятность встреч акулы с человеком намного возрастает, нетрудно понять, как важно узнать побольше о

повадках акул. Во многих странах уже учреждены для этого специальные лаборатории.

Отношение человека к акуле окрашено налетом мистики, и, пожалуй, больше всего в этом виновен сам человек. Долго люди вообще не знали, что на свете есть акулы; в английском языке до середины XVI века не было даже термина для их обозначения, пользовались испанским словом «тибурон». К этой лингвистической справке можно добавить, что французское название акулы – «рекен» – происходит от «реквиема» (заупокойная месса); уже из этого видно, какой страх вызывало у моряков появление хищницы около судна. Иные были убеждены, что встреча с акулой предвещает смерть кого-нибудь из членов команды. Из античных авторов только Геродот, Аристотель и Плиний говорят об акулах. Правда, Плиний даже различал четыре рода акул. В более древних сочинениях нет упоминания об акуле, как таковой, хотя не исключено, что первая легенда о селахиях вошла уже в Библию. Линней, выдающийся шведский натуралист XVIII века, твердо верил, что чудовище, проглотившее Иону, было не китом, а большой белой акулой. И после Библии об этом поразительном животном рассказывалось немало историй, главным образом страшных. Верные или неверные, истории эти породили подлинный акулий психоз у всех моряков мира, и не только у них, но и у людей, которые просто интересуются морем, отнюдь не помышляя о плаваниях.

Слепая ненависть человека к акулам уступает по силе разве что чудовищному бешенству стаи голодных акул. Я наблюдал и снимал жуткие сцены жесточайших расправ, когда обычно рассудительные и уравновешенные люди рубили топорами пойманных акул и запускали руки по локоть в окровавленные внутренности, чтобы извлечь крючок с приманкой. Часами возясь с изрубленными тушами, выдергивая крючки в нескольких дюймах от судорожно дергающихся челюстей, от которых они в других условиях старались бы держаться подальше, эти люди словно утоляли некую смутную жажду мести.

Пожалуй, этот психологический феномен, когда даже самый выдержанный человек почти автоматически теряет власть над собой при встрече с акулой, и является причиной многих атак с роковым исходом.

То ли изучая человеческие реакции, то ли исследуя повадки селахий, но человечество должно теперь разработать надежные способы защиты от акул. Иначе освоение океана будет задержано или затруднено, потому что страх будет сковывать большинство непрофессиональных подводников.

К тому же акулы представляют особый научный интерес. Судя

по окаменелостям, прямые предки современных акул появились в океанах в начале мелового периода – в мезозое, то есть около ста сорока миллионов лет назад. С тех пор селахий очень мало изменялись. Они перенесли изменения температуры, солености, уровня воды, типа питания. Они представляют собой живой абсурд в том смысле, что их хрящевой скелет сравнительно примитивен, тогда как органы размножения более сложны и развиты, чем у любых других рыб.

В отличие от костистых рыб акулы принадлежат к хрящевым. В свою очередь хрящевые рыбы делятся на подклассы цельноголовых и пластиножаберных. К второму подклассу относятся акулы, в том числе довольно мелкие, известные под названием катранов, и различные скаты, например электрический и скат-гитара.

Рассказывает Жак-Ив Кусто:

Реакции человека при встрече с акулой я бы отнес к числу неуправляемых. Они порождены легендами и питаются рассказами, не заслуживающими никакого доверия. Тщетно доискиваться объективности. Я встречал многих людей, покусанных акулой и выживших, несмотря на опасные раны. Их шрамы выглядят страшно, особенно для меня, подводника, который невольно ставит себя на место жертвы. Каждый раз у меня возникала тьма вопросов, и я жадно слушал ответы, как бы надеясь наконец-то узнать истину. Увы. Большинство жертв не могут описать, что происходило на самом деле, другие же более или менее сознательно приукрашивают. Вот почему я теперь могу сослаться лишь на свои собственные воспоминания, хотя отлично знаю, что они вызовут у других подводников такое же недоверие, как рассказы, слышанные мной.

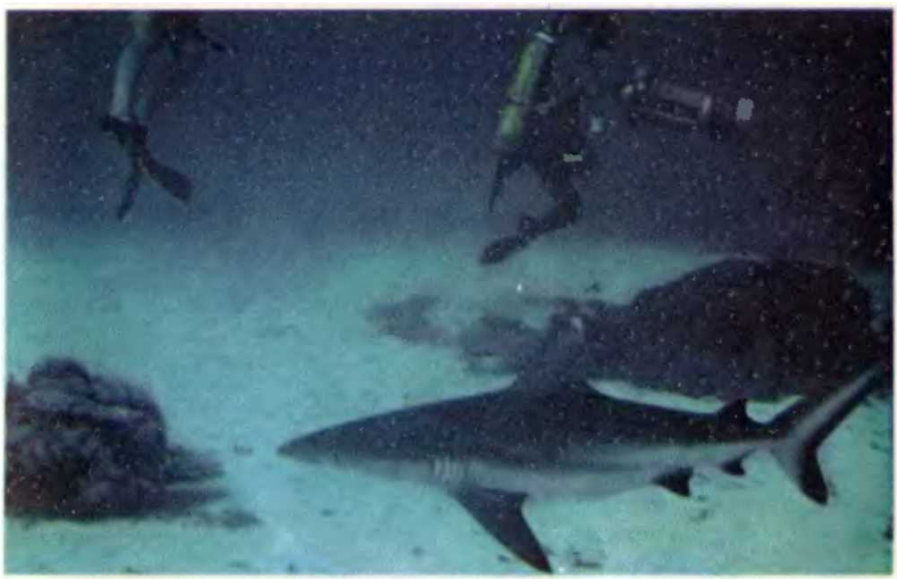
Вот уже тридцать три года, как я занимаюсь подводным плаванием – с защитой и без, один и в группе, в теплых и холодных водах. И не раз мне приходилось плавать в обществе акул. Акул разного рода, разного нрава, акул, слывущих безвредными, и акул, пользующихся репутацией людоедов. Я и мои товарищи-подводники страшимся акул, смеемся над ними, восхищаемся ими, но так или иначе мы вынуждены работать с ними в одних водах. Олицетворяемая ими скрытая угроза – наш неизменный спутник, и акулам – иногда – удавалось прогнать нас из моря.

Но после тридцатилетнего опыта не пора ли подвести итоги, просеять все свои воспоминания и отделить эмоции от неоспоримых фактов?

В Средиземном море акул мало и несчастные случаи редки.

Но уже то, что их мало, придает какую-то особенную торжественность каждой встрече. Моя первая встреча с средиземноморскими акулами (и акулами вообще) состоялась у Джербы, и они произвели на меня чрезмерно сильное впечатление, потому что я не ожидал их увидеть. А вот в Красном море, когда погружаешься среди рифов, встречи с акулами почти неминуемы, там поневоле надо было с ними сосуществовать, и мы вскоре до того расхрабрились, что перестали их замечать. Дошло до того, что у ребят появилось панибратское отношение к этим смирным бродягам, склонность пренебрегать ими и говорить о них только в шутливом тоне. Я восставал против такого снобизма, зная, что он может привести к плачевным последствиям, а ведь и сам не был от него свободен. Человек под водой – существо неуклюжее и уязвимое, и воображать себя сильнее животного, которое вооружено куда лучше тебя, весьма опрометчиво. Опьяненный тщеславием и 19 самоуверенностью, я первое время сам работал под водой и другим разрешал погружаться без защиты в крайне опасных районах. На рифе Хоао Валенте (острова Зеленого Мыса) мы отталкивали и дергали за хвост почти четырехметровых бестий, куда более сильных и проворных, нежели мы, несуразные пришельцы со стальными баллонами на спине, в ограничивающих поле зрения масках, с карикатурными ластами на ногах. В тот день, когда мы с Дюма увидели у Хоао Валенте вдали силуэт великой белой акулы, которую все специалисты считают людоедом, мы похолодели от ужаса и непроизвольно придвинулись поближе друг к другу. Мы заметили акулу раньше, чем она нас. Но как только мы попали в ее поле зрения, акула... перетрусила. Опорожнила кишечник и исчезла, вильнув хвостом. Потом такая же история дважды повторилась в Индийском океане. Оба раза сильное потрясение при виде большой белой акулы сменялось необоснованным триумфом, когда она обращалась в бегство. Каждый такой эпизод внушал нам сильный восторг, а с ним и излишнюю самоуверенность с вытекающим отсюда послаблением защитных мер.

Акула-молот редко встречалась нам в Красном море. Хотя рот у нее, казалось бы, невелик, эта акула относится к опасным видам. Отвратительное чудовище, один вид ее навевает ужас.



Черноперая рифовая акула идет над песчаным дном Красного моря, а Мишель Делуар в это время снимает другую акулу. Рифовая акула очень раздражительна, ее лучше остерегаться.

Когда погружаешься на большую глубину с автономным аппаратом, наступает наркотическое состояние, которое мы назвали «глубинным опьянением». Оно дает себя знать примерно

с сорока метров, а глубже шестидесяти метров не только мешает работать, но даже становится опасным. «Опьянение» проявляется в своего рода эйфории: обостряется слух, а чувство реальности притупляется, и вместе с ним – инстинкт самосохранения. Во время всплытия все эти симптомы исчезают, как по мановению волшебной палочки. Естественно предположить, что глубина погружения, раз она так отражается на психике, может повлиять и на реакции аквалангиста, встретившего акул.

Однажды, идя посреди Атлантики на «Эли Монье», мы увидели большие стаи дельфинов. Застопорили мотор и нырнули к ним, на глубину до тридцати-сорока пяти метров. Дельфины через несколько минут ушли, но метрах в тридцати ниже нас мы видели желтоперых тунцов и больших океанских акул. Помню, как жутко было на душе во время этих безрассудных погружений. На глубине сорока пяти метров поверхности моря практически не было видно, вода кругом была какая-то сумрачная, иссиня-черная. Глубинное опьянение уже наступило, но мне, как наркоману после первой затяжки опиумом, казалось, что я еще владею собой. С дурманом в голове, невесомый, полностью отрешенный от мира, слушая в пелагической тишине биение собственного сердца, я был способен на любое безрассудство. Теперь я сознаю, что так оно и вышло.

Вдали от поверхности и солнечного света, более чем в двух милях от морского дна, в толще воды, которая была темна, как чернила, и вместе с тем удивительно прозрачна, потому что свет пронизывал ее без помех, я утратил всякое понятие о горизонтали и вертикали, не различал, где верх и где низ. У меня был только один указатель – пузырьки воздуха, вырывающиеся из аппарата на моей спине. Пожалуй, то, что я испытывал во время этих опрометчивых подводных вылазок, было еще более странным и необычным, чем впечатления космонавтов, которые первыми вышли из своего корабля «прогуляться» в космосе. Ведь космонавт, покинувший капсулу, ясно видит знакомые звезды и планеты, я же чувствовал себя затерянным в бесконечности без каких-либо твердых ориентиров. Лишь мысль о лодке, которая находилась – должна была находиться! – где-то вверху, неотступно следя за моими пузырьками, как-то поддерживала меня в моем • уединении. И в такой вот атмосфере состоялся драматический выход акул на сцену.

Тогда я еще очень мало знал об океанических акулах, и меня пленил их царственный вид. Большинство из них было намного крупнее рифовых акул. Некоторые виды я даже не сумел опознать. Более острое рыло и поджарое, что ли, тело отличало их, скажем, от тигровой акулы. Похоже было, что они

сопровождали дельфинов, правда соблюдая почтительное расстояние. Возникнув словно из небытия, они не стали подходить близко, а метрах в пятнадцати от меня изменили курс, как будто решили последить за мной на расстоянии. Появление первой акулы потрясло меня до глубины души, ведь я впервые был свидетелем этого чуда. Обрамленная световым ореолом в темной толще воды, она выделялась очень четко и казалась до жути нереальной. Вдруг – вот вам эффект глубинного опьянения – восхищение и страх сменились нелепым ликованием. Вооруженный одной лишь камерой, я поплыл прямо на большую акулу, но она отступала, сохраняя между нами постоянную дистанцию. А я плыл все дальше сквозь иссиня-черную толщу, упорно преследуя таинственный силуэт, пока он не исчез, нырнув еще глубже.

И вот я опять один: дышу, как паровоз, в висках стук, в душе смятение, я смутно отдаю себе отчет в том, что вел себя по-дурацки, и в то же время горжусь тем, что обратил в бегство такое чудовище. Кругом была чужеродная среда, где меня на каждом шагу подстерегали ловушки, а я самонадеянно воображал себя завоевателем, хозяином. Как же, я заставил (мы заставили) отступить большую океаническую акулу! Человек непобедим не только на земле, но и под водой. Конец легенде об акулах-людоедах.

Правда, я недолго пыжился. Нелепое самодовольство улетучилось уже через несколько недель, при первой нашей встрече с Carcharhinus longimanus – акулой, которая является неоспоримым владыкой тропического океана. В одной из прежних книг я уже рассказал во всех подробностях об этой первой встрече, чуть не ставшей последней для Фредерика Дюма и меня. Находясь на «Эли Монье» в тропической Атлантике, поблизости от островов Зеленого Мыса, мы загарпунили гринду, или шароголо-вого дельфина, весом около тонны. Наша жертва билась на конце стометрового линя, и другие гринды кружили возле судна, не желая бросать еще живого товарища. И сразу начали появляться большие акулы. Машина была застопорена, и мы с Дюма пошли в воду с трехбаллонными аквалангами; я взял кинокамеру, чтобы поснимать гринд. Начало драмы не заставило себя ждать.

Не успели мы погрузиться, как на глубине пяти-шести метров увидели лорда Лонгимануса, или, как мы его потом назвали, князя Долгорукого. Он был не похож на акул, виденных нами ранее. Массивный коричневато-серый силуэт отчетливо проступал на ярком фоне голубой воды. Широкая округлая голова, огромные грудные плавники, закругленный на конце

спинной плавник. На концах плавников – большие белые пятна. Впереди, у самого носа акулы, шла маленькая рыбка-лоцман; казалось, ее несет волна сжатия. Чрезмерно самонадеянные, мы выпустили связывающую нас с судном веревку и пошли прямо на акулу. Нам понадобилось какое-то время – слишком много времени! – чтобы сообразить, что Долгорукий уводит нас за собой, что он отнюдь не напуган нашим появлением. Поняв это, мы смертельно испугались. Теперь мы думали только о том, чтобы поскорее вернуться на судно. Поздно... «Эли Монье», по-прежнему связанный с гриндой, не мог следовать за нами, и наблюдатели перестали различать наши воздушные пузырьки среди пенных гребней.

Судно сносило все дальше от нас. Берега не видно, до дна около двух миль. Две синие акулы, очень стройные, несмотря на крупные размеры, присоединились к нашему лонгиманусу, и вместе вся тройка затеяла хоровод вокруг нас, постепенно сужая круги. Двадцать минут – они показались нам бесконечными – три акулы расчетливо, но достаточно упорно шли в атаку всякий раз, когда мы поворачивались к ним спиной или кто-то из нас всплывал к поверхности, чтобы подать нашим товарищам сигнал, которого на судне все равно не замечали. Каким-то чудом лодка, спущенная на воду капитаном «Эли Монье», отыскала нас и спасла от неминуемой гибели. Незадолго перед тем, как нас вытащили из воды, я разбил кинокамеру о голову лонгиманус в жалкой попытке отразить штурм и выиграть хоть немного времени.

Это происшествие – сегодня я расценил бы его, как очень серьезное, – было следствием непомерной самоуверенности, которая развилась у нас в предшествующие недели. Нрав князя Долгорукого тоже сыграл свою роль. С тех пор мы сотни раз встречали этих круглоголовых акул с закругленными плавниками и круглыми пятнами на плавниках. Это единственный представитель селахий, ни капли не боящийся подводных пловцов.

У нас и потом не раз бывали конфликты с акулами. Однажды у восточного берега вулканического острова Джебель-Таир в Красном море Фалько и Дюма пришлось прятаться в коралловом гроте от стаи акул, одержимых каким-то массовым остервенением. А южнее того же острова мы с Дюма как-то попали в окружение нескольких десятков мелких, около метра длиной, акул, которые явно были чем-то взбудоражены и вели себя точно стая молодых волков. Нам пришлось тотчас выходить из воды. Вообще мы убедились, что молодые акулы часто ведут себя агрессивнее старших. Иногда, охваченные коллективной

паникой, они обращаются в бегство, но иногда от них просто спасу нет.

Здесь мне вспоминается случай, происшедший поблизости от острова Боавишта в Южной Атлантике. Мы поймали тигровую акулу, самку, которая была, что называется, на сносях. Доктор Лонже сделал обреченной мамаше кесарево сечение, и десятка два вполне сложившихся акулят выпустили в воду. Я в это время находился в воде, вооруженный деревянной палкой, которой разгонял морских ежей на участке, где работал. Один из новорожденных с хода впился зубами в палку и затряс ее, дергаясь всем телом: точная имитация движений взрослой акулы, когда она отхватывает куски мяса от тела раненого дельфина или кита.

Жена Филиппа Кусто помогала делать кесарево сечение акуле. Ей удалось спасти акулят, их поместили в цистерну и изучали.

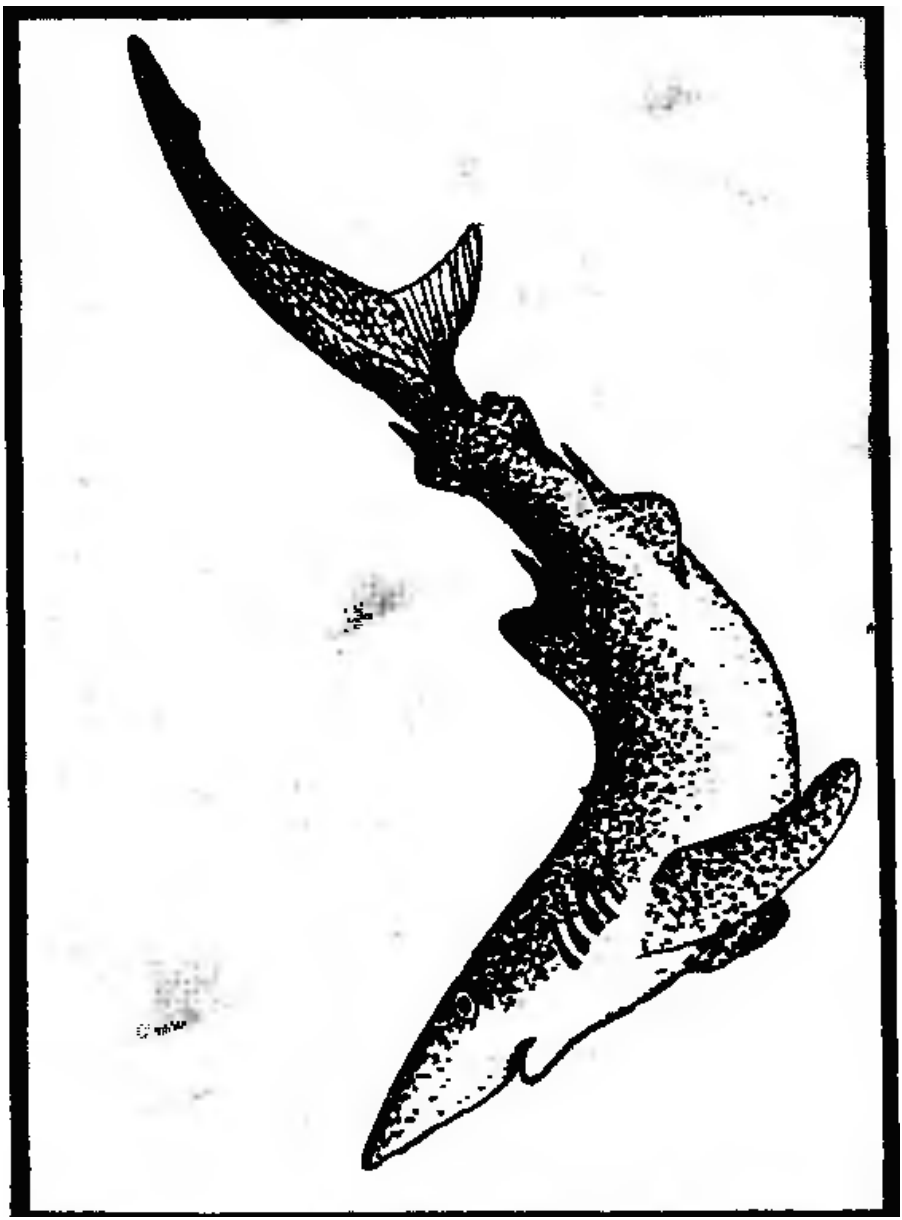
Размышляя об акуленке, атаковавшем палку, и о камере, которой я пытался отбить нападение Carcharhinus longimanus, я и решил снабдить наших аквалангистов так называемой акульей дубинкой. Это всего-навсего метровая палка с тупыми шипами на конце, чтобы не скользила. Наряду с защитной клеткой дубинка по-прежнему остается единственным более или менее эффективным средством охраны от акул.

В наших коллекциях в Океанографическом музее в Монако есть окаменелые зубы вымершей акулы Carcharodon megalodon.

Острые, как бритва, треугольные зубы напоминают вооружение большого белого «людоеда» Carcharodon carcharias, с

той разницей, что они в десять раз больше зубов современной акулы. Воображение рисует нам «сверхлюдоедов» длиной около двадцати метров, которые, слава богу, жили на земле задолго до появления человека. К сожалению, мы располагаем только зубами этого титана, ведь хрящевой скелет акулы не сохраняется. Так что нашим чучельникам надо было работать с предельной научной осторожностью, когда они делали модель в натуральную величину. Пасть этого вымершего гиганта могла бы проглотить небольшой грузовичок!

ИДЕАЛЬНЫЙ УБИЙЦА



Раненый кашалот и свирепые акулы Индийского океана.

Восприятие акулой вибраций воды.

Обоняние акулы.

Акула и подводный охотник.

Острое зрение акулы.

Жак-Ив Кусто продолжает:

Вот уже двадцать лет мы сажаем людей в клетки, чтобы защитить их от акул; куда логичнее было бы делать наоборот, но это неосуществимо. Стальные или алюминиевые клетки подвешиваются под «Калипсо» или под каким-нибудь из катеров, чтобы аквалангистам было где укрыться. Если все идет гладко, убежищем не пользуются. Если отношения между людьми и акулами становятся натянутыми, подводники отступают к клетке. И когда уж обстановка совсем накаляется, аквалангисты заходят в клетку и подают сигнал, чтобы их поднимали наверх. Именно клетки позволили нам наблюдать и снимать кровавые оргии акул, пожирающих добычу.

«Идеальный убийца» вооружен могучей пастью с невероятно острыми зубами, мощными и эффективными движителями и очень чувствительными органами восприятия. Однако железные мышцы опираются на сравнительно слабый хрящевой скелет, рот в нижней части головы отнесен назад, нижняя челюсть не очень-то прочно закреплена, и зубы, строго говоря, не часть челюсти. Как совмещаются эти противоречия?

Только пятнадцать лет назад, когда «Калипсо» оказалась втянутой в одну из драм океана, я смог проследить вблизи, как действует смертоносный механизм в лице акулы. В ста милях к северу от экватора, посреди Индийского океана «Калипсо» встретила кашалотов, которые шли группами от трех до семи штук довольно медленно, вероятно, потому, что среди них было много детенышей. Целое утро мы сопровождали их, подходя порой совсем близко – настолько близко, что, идя со скоростью всего восемь узлов, не сумели избежать столкновения и врезались носом в крупную китиху весом около двадцати тонн. Основной удар пришелся по нашей драгоценной подводной обсерватории, и Луи Маля, снимавшего из нее китов, основательно тряхнуло. Только мы снова развили ход, как юный кит, меньше четырех метров длиной, попал под наш левый винт. Острые лопасти распороли тело злополучного китенка, словно машинка для резки ветчины, и хлынула кровь. Несмотря на раны, малыш, которому было от силы несколько недель, поплыл к родителям, и взрослые

киты окружили беднягу, пытаясь как-то помочь ему. Вдруг здоровенный кит – очевидно, вожак стада, – сильно работая хвостом, на несколько секунд поднялся вертикально над водой на треть своей длины. При этом он повернулся в нашу сторону, и мы прочитали явный гнев в его маленьком сверкающем глазу. «Калипсо» серьезно ранила двух его подопечных, и теперь он словно присматривался к нам, взвешивая возможности для мести. Видно, он решил, что опасность чересчур велика. Кит нырнул, и все стадо ушло за ним в глубину, оставив смертельно раненого китенка. Пуля в голову положила конец страданиям животного, после чего мы зацепили его тросом с крана на юте.

Вскоре показалась первая акула, потом их стало две, десять, двадцать. Это все были **Carcharhinus longimanus**, длиннокрылые владыки глубин длиной от двух с половиной до четырех метров. К ним присоединилась великолепная голубая акула длиной около четырех с половиной метров, стройная, с острым удлиненным рылом и огромными бессмысленными глазами. Почти у каждой акулы висело около рта с полдюжины прилипал, до смешного похожих на ордена, украшающие грудь генерала; кроме того, хищниц эскортировали лоцманы. Пока готовили клетки и снаряжение для погружения и съемок, я наблюдал поведение шайки акул, окруживших истекающую кровью тушу. Откуда эти мародеры, эта орда, в полутораста милях от ближайшего острова, при глубине около трех миль? Они явно сопровождали кашалотов, осторожно следовали за ними в кильватере, питаясь объедками великанов, страшась их мощи, но готовые использовать малейший признак слабости.

Идя на сближение с жертвой, акулы строго соблюдали определенный ритуал. С величайшей осторожностью они ровно, как бы с ленцой, кружили около еще не остывшего китенка. Вместе с тем они держались очень уверенно, ничуть не боялись нас: отгонишь одну багром – через секунду уже вернулась. Время работало на них, и они это знали. Добыча не уйдет.

Вот уже час, как продолжается этот маневр, а еще ни одна акула не подходила к китенку вплотную... Наконец они начали касаться его рылом, чуть-чуть, одна за другой, снова и снова, сотни раз, но зубы в ход не пускали. Точно так же они поступали с нашей защитной клеткой.

Вдруг голубая метнулась вперед. Одно движение могучих 27 челюстей, и будто огромная бритва отсекла несколько килограммов кожи, мяса и жира. Это послужило сигналом к началу оргии.

Без какого-либо видимого перехода плавное кружение мгновенно кончилось, остервенелые акулы спешили ухватить

свою часть добычи, и каждый укус оставлял в туше яму величиной с ведро. Я не верил своим глазам. И с ужасом представлял себе, что творится после крушения корабля или самолета в океане.

Защищенные клеткой, которую без конца толкали и задевали эти хищницы, мы смогли снять эту сатурналию в упор, с расстояния одного-двух метров. Этот случай помог мне узнать, как именно действует грозное оружие акулы.

Большая голубая с двумя лоцманами и прилипалой. Виден водолазный трап «Калипсо»

Хотя рот акулы отнесен назад, это не мешает ей с ходу вонзать зубы в тело жертвы. Когда акула разевает пасть, нижняя челюсть подается вперед, а рыло поднимается вверх так, что образует почти прямой угол с продольной осью тела, и раскрытая пасть оказывается в передней части головы. Словно волчий капкан, усаженный множеством блестящих острых зубьев, впивается в жертву. Все силы, весь свой вес акула вкладывает в яростные рывки, и зубы работают, точно пила. Мощь этой пилы такова, что акула в одно мгновение отрывает изрядный кусок мяса. И отходит, оставив в туше глубокое, четко очерченное

отверстие. Отвратительное, жуткое зрелище...

Рассказывает Филипп Кусто:

Одна из тайн природы, чрезвычайно волнующих наше воображение, – как животные общаются между собой. Возьмем сушу: все обитатели леса тотчас узнают о появлении кровожадного хищника. Грифы и другие падальщики собираются около больного или раненого животного еще раньше, чем оно успеет умереть. В нашем мире света и воздуха сигналы распространяются посредством зрения, обоняния и слуха. Под водой зрение и обоняние играют такую же роль и действуют примерно так же, как на поверхности. То же можно сказать о слухе, но тут появляется новый фактор. Пожалуй, можно сказать, что все морские животные, как и их наземные собратья, могут издавать звуки, и в этом они схожи между собой, но жители моря наделены уникальной способностью перемещаться в жидкой среде без слышимых звуков. Отсюда выражение «мир безмолвия». И однако морские животные тоже как-то улавливают беззвучное появление, проход или атаку других обитателей подводного царства. Это свойство, присущее, насколько я могу судить, всем рыбам, я бы назвал «восприятием» или «ощущением» воды. Двигаясь в жидкой среде, тела – более или менее плотные – порождают вибрацию, или так называемую волну сжатия. Эту волну можно сравнить с порывом ветра, который ощущает человек на улице, когда мимо на большой скорости проносится автомашина. В жидкостях с низким удельным весом волны или зоны сжатия распространяются недалеко, подобно тому как воздушная волна от автомашины не ощущается, если отступить назад на несколько шагов. Зато, чем плотнее среда, тем лучше распространяются вибрации, тем большее расстояние проходят, тем выше их скорость. В море каждое движущееся тело окружено присущей ему системой волн сжатия, варьирующих в зависимости от всех характеристик данного тела и его движения: скорости, плотности тканей, размеров, формы и прочих специфических данных. Естественно, разные животные по-разному улавливают и анализируют волны сжатия. Даже высокоразвитые морские млекопитающие, скажем дельфин, не могут определить происхождение и причину вибраций, воспринимаемых их чувствительной кожей. А вот костным рыбам волны сжатия сообщают всю информацию, необходимую для их выживания. То же можно сказать о хрящевых рыбах, в том числе об акулах, хотя тут действует несколько иной механизм.

Принято считать, что предназначенная для восприятия и анализа волн сжатия сенсорная система у селахий сосредоточена

в узкой полосе, протянувшейся вдоль боков от глаза до стебля хвоста. Это так называемая боковая линия, составленная из подкожных канальцев, которые сообщаются с внешней средой через множество маленьких пор, открывающихся прямо в воду. Наполняющее канальцы студенистое вещество проводит, а возможно, и усиливает вибрации; кроме того, они выстланы нервными клетками с миниатюрными крышечками. Смещаясь из положения покоя, крышечка раздражает нерв, и сигнал тотчас передается в мозг. Поступающая таким образом информация анализируется и определяет реакцию акулы. Я видел, как акулы стремительно появлялись из-за скалы или глыбы коралла, привлеченные вибрациями, которые были вызваны хлопками в ладони.

Некоторые биологи считают, что акула воспринимает волны сжатия на расстоянии не больше тридцати метров. А слух развит у нее несравненно лучше и позволяет уловить информацию на гораздо большем удалении. Я возвращусь к этому вопросу в предпоследней главе.

Среди органов чувств морских животных меня особенно поражает их обоняние. Трудно себе представить, как это можно различать запахи в такой нейтральной среде, как вода. А ведь акула способна идти в океане за запахом много миль и найти его источник. Вероятно, именно это свойство позволило хищницам обнаружить нашего злополучного китенка, из ран которого попадало в море огромное количество крови.

Ноздри акулы устроены так, что сенсорные клетки постоянно омываются встречным потоком воды. Эти ноздри образуют как бы желобки на голове, обычно направленные продольно или диагонально, чтобы увеличилась площадь соприкосновения между слизистой оболочкой и средой. У тех акул, которые подолгу остаются неподвижными на дне, ноздри омываются током воды, проходящим через рот при дыхании. Обоняние селахий работает по тому же принципу, что наше, только оно во много раз острее. На воздухе запахи создаются летучими частицами, которые растворяются в жидкости на слизистой оболочке носа. Это химическое соединение раздражает обонятельные нервы.

В подводном царстве сама вода служит растворителем и переносит химические раздражители к нервным клеткам органа обоняния. Коренное отличие и замечательная особенность обоняния акул по сравнению с нашим заключается в острой направленности его действия. Чаще всего ноздри акулы расставлены очень широко, и, улавливая малейшие различия в концентрации запаха, акула направляется туда, где запах сильнее.

К тому же акула на ходу водит головой из стороны в сторону, а это позволяет ноздрям исследовать более широкий сектор и еще точнее определять, где находится источник запаха. Понятно, чем шире расставлены ноздри, тем сильнее направленное действие органа обоняния; есть догадка, что это может быть одной из причин, почему эволюция снабдила такой странной головой рыбу-молот (Sphyrnidae). У молотоголовой акулы ноздри помещены на концах торчащих в разные стороны долей головы. У взрослого экземпляра расстояние между ноздрями достигает полуметра.

Мы провели на «Калипсо» опыт, чтобы проверить удивительную чувствительность и направленность акульего обоняния. На гладком песчаном дне возле одного рифа в Красном море, на глубине около двадцати метров, выпустили в воду зеленый раствор и несколько сот метров шли за струей. Направление струи не было прямым, потому что течение, огибая кораллы, образовало небольшие завихрения. Мы обозначили его метками на песке. А затем там же, где была выпущена краска, спустили в воду полиэтиленовый мешочек с почти бесцветной жидкостью, которую выжали из наловленной рыбы.

Нам не пришлось долго ждать. Почти одновременно появились две акулы, их разделяло не больше метра-двух. Шли они стремительно, с явным нетерпением, и быстро водили головой из стороны в сторону. Чуть не по пятам за ними плыли еще четыре акулы, не очень крупные, около метра в длину. Они шли, как на бреющем полете, над самым песком, и его ребристая поверхность причудливо искажала их тени. Акулы были поглощены поиском и совершенно не замечали нас. В море, как и повсюду в природе, голод уступает только половому влечению. У каждой коралловой глыбы они слегка терялись, и возбуждение росло; очевидно, завихрения на миг сбивали их со следа. Весь поиск был завершен в восемь минут и закончился метрах в трех от конца размеченной нами трассы. Глядя на этих хищниц, которые вели себя в точности, как свора охотничьих собак, я вспомнил имя, данное им греками, – «гончие морей».

Проводя этот опыт, мы моделировали достаточно обычную и крайне опасную ситуацию. Известно, что подводный охотник, подстрелив рыбу, как правило, снимает ее со стрелы, подвешивает к поясу и продолжает охоту. Теперь за ним тянется след крови и пахучих частиц, выделяемых раненой или убитой рыбой. Если поблизости есть акулы, они сразу примчатся, привлеченные вибрациями воды от судорожно бьющейся добычи. А затем, взяв след обонянием, они настигнут безрассудного пловца – и вот вам очередной случай «нападения акул». Правда, я

еще не слышал, чтобы акулы атаковали подводника, защищенного гидрокостюмом.

Когда читаешь рассказы о нападениях акул на опрометчивых подводных охотников в разных концах света, бросается в глаза, что все или почти все ранения наносились на уровне поясницы, то есть там, где подвешивают убитую рыбу. Невольно склоняешься к выводу: если обычно подводный пловец является для акулы своего рода загадкой, побуждающей ее вести себя осторожно, так как она не получает позитивной информации, то подводный охотник, окруженный запахом своего улова, воспринимается хищницей как естественная добыча, и она уже не колеблется. Прекрасно сознавая, что им грозит в море, некоторые любители подводного избиения, которое они называют спортом, предусмотрительно привязывают улов на шнур длиной пять-шесть метров. Для них встречи с акулами, как правило, оканчиваются вполне благополучно.

В своей отличной книге «Акула нападает» Копплесон пишет: «Чаще всего подводных пловцов ранят акулы, отнимающие у них рыбу. Подводный охотник, плывущий с уловом, не должен удивляться, обнаружив, что его сопровождает акула».

Разумеется, никто из нашей команды не допустит такой опрометчивости. Если мы решили подстрелить рыбу для исследования или для того, чтобы внести разнообразие в наш стол, охотник тотчас всплывает к поверхности и передает добычу и ружье на сопровождающую лодку. Заметив поблизости акул, он немедленно выходит из воды.

К числу самых живучих легенд, связанных с акулой, относится утверждение, будто она плохо видит. Как и всякая ложная информация, эта легенда опасна, потому что верящий в нее подводник может подпустить акулу близко, надеясь, что она его не заметит. Наш опыт работы на «Калипсо» учит совсем другому. Так, однажды я погружался на рифовом мелководье вблизи островов Зеленого Мыса у побережья Африки и заметил вдали акулу. Я с трудом ее различал, да и то лишь потому, что сероватое тело четко выделялось на фоне ослепительно белого песка. Я парил неподвижно на небольшой глубине, так что журчанье пузырьков воздуха из моего акваланга заглушалось плеском волн на поверхности. На несколько секунд я отвел глаза в сторону, привлеченный симметричными очертаниями огромного ската, который наполовину зарылся в песок как раз подо мной – обычный прием маскировки скатов. Не знаю, то ли инстинкт сработал, то ли я уловил какое-то движение, но я тут же резко повернулся в ту сторону, где видел акулу. **И** весь напрягся: акула находилась метрах в десяти, она шла прямо на меня со

скоростью и неотвратимостью торпеды. Я погружался один, и у меня не было чем защищаться.

Когда акула мчится прямо на вас, это совсем не обычное зрелище; пожалуй, анфас она выглядит всего грознее. Глаз почти не видно из-за их бокового расположения, а щель полуоткрытой пасти и три симметрично расставленных плавника делают ее похожей на какого-нибудь устрашающего злого духа, вызванного ацтекским колдуном. В полуметре от резиновых ластов, которые я метнул в акулу, пытаясь хоть как-то оборониться, она вдруг круто свернула в сторону и ушла на глубину. Откровенно говоря, мне было не до того, чтобы определять ее видовую принадлежность, я успел только заметить, что в ней около двух-трех метров длины.

Ни звуков, ни запахов не было, так что атакующая акула, несомненно, руководствовалась зрением.

Профессор Перри Джильберт, изучив работу органов зрения двух десятков акул, пришел к такому выводу: в сетчатке акульего глаза очень много палочек и сравнительно мало колбочек, отсюда – высокая светочувствительность, но относительно слабая разрешающая способность и плохое восприятие цветов. Чувствительность системы усиливается за счет серебристых пластин – tapetum lucidum, —которые расположены позади сетчатки и отражают свет так, что каждый луч возбуждает ее дважды. Для защиты глаз от чрезмерно яркого света рефлекторы перекрываются шторкой в виде пигментированной пленки. Зрачок очень подвижен и смыкается до такой степени, что остается лишь маленькая точка или щелочка, смотря о каком виде акул идет речь. Хрусталик почти сферический, и форма его не изменяется. У него очень высокий коэффициент преломления, и в состоянии покоя он дает четкое изображение далеких предметов. Чтобы сфокусировать зрение на близких предметах, мышцы хрусталика подают его вперед, не изменяя выпуклости. Таким образом, акула вполне способна видеть далеко и различать очертания предметов, особенно если они образуют световой контраст с окружением. Высокая чувствительность глаза акулы делает его достаточно восприимчивым даже при очень слабом освещении.

В описанном мной случае акула находилась гораздо ниже меня, и мой силуэт четко проступал на фоне светлой поверхности моря, то есть условия были самыми благоприятными для хищницы.

Все названные свойства и уникальные особенности плюс ряд других, о которых я буду говорить дальше, делают акулу чрезвычайно грозным хищником. В своем царстве она кажется непобеди

мой. Так оно, очевидно, и есть, во всяком случае так было.

Миллионы лет, пока в ее мир не вторглись теплокровные животные – китообразные. Только эти, более совершенные создания смогли взять верх над акулой.

На суше огромные рептилии, весившие десятки тонн, были истреблены сравнительно небольшими млекопитающими. В подводном мире обошлось без истребления. Достаточно было просто появиться существам с более развитым мозгом и большей приспособляемостью, и акула лишилась ореола непобедимости.

ТЕПЛАЯ КРОВЬ И ХОЛОДНАЯ КРОВЬ

Что случилось в море с раненым дельфином.

Акулы идут за дельфинами и другими морскими млекопитающими.

Дельфины убивают акулу в аквариуме.

Как акулы поедают китов.

Филипп Кусто продолжает:

Восход солнца. Вечно новый рисунок прибоя. Снегопад. Звездное небо. Все это повседневные картины, и однако я никогда не устаю ими любоваться. Созерцание и самая целеустремленная деятельность одинаково настраивают меня на размышление, и я постигаю волшебный хаос Вселенной, управляемой случаем и преходящими, изменчивыми законами. Мысли уходят в чудесные странствия, и суетное желание доискаться сути вещей пропадает, остается только спонтанный восторг и радость. И ни одно зрелище не располагает меня так сильно к беспечным думам, как вид дельфинов, играющих в воде перед носом судна.

Если стая большая, кажется, что они мгновенно слетелись со всех сторон. Пришедшие с кормы напрягают все силы, чтобы не отстать от волн, расходящихся от форштевня. Они прыгают с гребня почти вертикально и возвращаются в воду там, где кривизна бегущей волны наиболее благоприятна для них. Дельфины, приближающиеся с носа, идут медленнее, выписывают изящные пируэты и ждут минуты, чтобы занять то место в нескольких дюймах от форштевня, где создаваемые судном волны сжатия будут лучше всего толкать их вперед. И начинается игра.

Они плывут легко, непринужденно, будто струятся в толще воды, время от времени поднимаясь к поверхности за воздухом. Подобно искусному пловцу-спортсмену, они предельно сокращают дыхательный цикл и выдох делают под водой, так что из дыхала в верхней части головы вырывается серебристая цепочка воздушных пузырьков. Подводные выдохи служат также признаком оживленной беседы играющих дельфинов, ведь прогоняемый через более или менее плотно сжатое дыхало воздух рождает модулированные вибрации, которыми животные сообщаются меж

ду собой. Лучшее место для игр – ложбина под волной у форштевня, но там тесновато, поэтому участники занимают его поочередно.

Из подводной обсерватории в носовой части «Калипсо» вам открывается какая-то фантастическая картина. Вода рассекается

судном, а дельфины кажутся недвижимыми, будто их увлекает вперед некая магическая сила. Какие только акробатические трюки не входят в их репертуар: вращения и сальто, высокие прыжки над водой и вертикальное погружение. Иногда они предоставляют судну толкать себя, прижимая хвост к носовому обводу. Сам дельфин при этом не делает никаких усилий, он как бы сливается с осью движения судна, и его влекут вперед тысячи лошадиных сил, заключенных в наших дизелях.

Самым молодым разрешается только недолго играть в эту игру, и рядом непременно идет мамаша. Может быть, это простая предосторожность, а может быть, у малышей еще не хватает сил, чтобы долго сохранять трудное и утомительное положение. Я никогда не видел, чтобы дельфиненок один включался в эту игру: это явно запрещено.

Дельфины глядят на нас сквозь воду и стекло смеющимися глазами, как будто ждут ободряющих возгласов или аплодисментов. Меня больше всего привлекает тепло и буйная радость, выраженные в их взгляде.

Однажды мне пришлось наблюдать, как наш судовой врач производил вскрытие самки дельфина, которую мы подобрали, умирающую, у берегов острова Стромболи в Средиземном море. Спасти ее не удалось, тогда доктор решил найти причину недуга и обнаружил прободение язвы. Во время этой операции он не произнес ни слова, но суровое лицо отражало его чувства. Анатомия дельфина оказалась настолько похожей на нашу, что ему даже стало не по себе.

Дельфины – млекопитающие, как и мы; и у них тоже теплая кровь. Размеры и вес мозга, а также число извилин близки к нашим; то же можно сказать о других органах. Из-за особенностей внутреннего строения дельфины куда более уязвимы, чем костные рыбы или селахий. Однако они не хуже рыб приспособлены к морской среде. Подобно акулам, они достигли почти идеальной обтекаемости. Те и другие развивают на короткие расстояния одинаково высокую скорость, те и другие широко распространены во всех морях земного шара. Питаются они одинаково, в основном рыбой. Но есть одна разница: дельфин не ест мяса, акула иногда ест. Отсюда их вражда. Два соперничающих сюзерена не могут ужиться в одном владении, кто-то из них должен подчиниться другому. Под водой коренное различие заключается в том, что акула, поскольку она питается мясом, представляет естественную угрозу дельфину, а тому мясо селахий не нужно, и он им никак не угрожает. Когда-то, за много миллионов лет до появления человека, голодная акула впервые атаковала дельфина. Можно представить себе, что акула вышла

победителем из этого первого поединка и стала воплощением зла в подводном царстве. Сходные случаи известны в библейской истории, но аналогия на этом кончается, ведь акула, хотя она для большинства людей остается морским Каином, не преуспела в своих владениях так, как преуспели на суше потомки Авелева брата.

Как ни парадоксально, изменения, которые произошли в организме дельфина, когда он постепенно приспосабливался к водному образу жизни, его не ослабили. Напротив, унаследованный от наземных животных позвоночник позволяет ему лучше плавать в вертикальном направлении, что особенно важно для животного, поднимающегося к поверхности за воздухом. Гладкая кожа с жировой прослойкой способствует лучшей обтекаемости, даже управляет ею (ламинарное течение), сводя до минимума сопротивление среды движению дельфина. Наконец, как теплокровное животное, дельфин способен на гораздо более длительные мышечные усилия, чем любые рыбы, включая акул. У млекопитающих кровь обращается быстрее и под большим давлением, чем у холоднокровных рыб. Следовательно, больше приток обогащенной кислородом крови к мышцам теплокровного животного и выше эффективность мышечной ткани. И хотя дельфин и акула развивают одинаковую скорость на небольшом отрезке, у дельфина скоростная выносливость намного выше. Отмечу кстати, что наибольшая зарегистрированная скорость дельфина приближается к тридцати узлам, но, возможно, он при опасности плывет еще быстрее. К тому же максимальная скорость может быть различной для разных видов дельфинов, а их больше шестидесяти.

Другое фундаментальное различие – уже в пользу акулы – в устройстве рта. У нее огромная пасть, а челюсти оснащены грозным оружием – острейшими зубами, которые рассекают и мясо, и кости. Маленькие наклоненные назад клыки дельфина годятся для того, чтобы поймать и удержать рыбу, но не для того, чтобы рассекать и рвать мясо. Тем не менее рыло дельфина – его главное наступательное и оборонительное оружие в борьбе с акулой. Несколько дальше мы остановимся на этом подробнее.

Наконец, главное преимущество дельфина – более развитый мозг и умение общаться со своими товарищами. Акула – одинокий зверь, вроде аляскинского волка. Ее контакт с другими представителями рода носит характер случайный и непреднамеренный. Акулы собираются вместе преимущественно для раздела добычи. А дельфины живут в высокоорганизованных коллективах, способных разработать и применить единую для всей группы линию поведения. И однако я много раз замечал, что

в открытом океане за стаей дельфинов непременно – через несколько часов – следуют крупные акулы. Видимо, селахий находят искомое. Спрашивается: как? Вряд ли кто-нибудь знает точный ответ, но я могу представить себе такую картину.

С приходом сумерек в океане начинается таинственный балет, суровый и достоверный, как никакой другой спектакль. Происходит переоценка ценностей, настолько радикальная и полная, что все – и люди, и звери чувствуют ее. В просторах гидрокосмоса, пронизанных неоднородными вибрациями, отряд дельфинов сбавляет ход и плотнее смыкает ряды, как и всякая орда кочевников при наступлении ночи. Гребни длинных ленивых волн розовеют – кровавое предвестье для дельфинов, ведь по следам ночи часто идет смерть. В пронзительном ритме трелей и чириканья угадываются возгласы предупреждения на дельфиньем языке. Ряды сомкнулись, детеныши заняли место около спинного плавника матерей. Чуть поодаль самцы образовали защитный круг. А в миле от дельфинов перестраиваются акулы. Предупрежденные меркнущим светом, подчиняясь смутному древнему инстинкту, они тоже собираются вместе. Среди пурпурных бликов тянутся длинные штрихи стального цвета от спинных и хвостовых плавников. Ночь. Дельфины спят в нескольких дюймах от поверхности воды, каждые полминуты всплывая во сне, чтобы вдохнуть прохладный, влажный ночной воздух. Детеныши приноравливают свои вдохи к дыханию матерей, ревностно сохраняя излюбленное место чуть позади материнского спинного плавника. Время от времени весь отряд открывает глаза и видит расшитый серебристыми стежками бархатный свод над океаном.

«Калипсо» ночью в Красном море

Из-за испарений, вызванных еще днем лучами солнца, ночью воздух над поверхностью моря кажется холодным, а вода – теплой и приятной. Какой-то дельфин позволил себе немного отстать от стаи. Ему положено просыпаться каждые несколько минут, но он спит крепче обычного. А ведь секунды бодрствования, необходимые, чтобы не потерять своего места в строю, нередко решают: жить или не жить? Может быть, это старый боец, сильнее прежнего утомленный долгим дневным переходом? Или беспечный юнец решил еще порезвиться на скатах ночной зыби? Или попросту больной дельфин, засыпающий вечным сном?

Серебристый глаз большой голубой акулы замечает неподвижный черный силуэт, а когда речь идет об одинокой жертве, акула не мешкает, акула атакует.

Из распоротой груди дельфина вырывается большой черный пузырь воздуха, унося с собой его жизнь. Одновременно этот пузырь – последний предсмертный сигнал тревоги и предупреждения товарищам. Отряд настораживается, но, ослепленный ночным мраком, может только слушать звуки, издаваемые акульей шайкой, которая неотступно сопровождает мертвого дельфина, медленно погружающегося в абиссаль в торжественном ореоле бледной фосфоресценции. В море

отдаются короткие, резкие крики— это голоса дельфинов; ловя отраженное эхо, они узнают, где находится враг, где – добыча, где – друг. Звуковые локаторы, для которых тьма не препятствие, сообщают дельфинам, что опасность миновала, акулья свора далеко позади и утолила свою алчность. И снова покой ночи нарушается лишь неистовой пляской светящихся микроорганизмов, непрерывно плетущих паутину из 39 эфемерных вспышек.

Не думаю, чтобы каждая ночь влекла за собой такие трагические последствия для дельфинов. Акулы идут за дельфиньей стаей прежде всего в расчете на отстающих больных или раненых животных, на мертворожденных детенышей, даже на куски пуповины или плаценты. Происшествия вроде описанного мной, наверное, редки, и я сам видел, как акулы бегут от дельфинов.

Это было в Красном море, у кораллового барьера, окаймляющего с запада острова Фарасан у Саудовской Аравии. В кристально чистой воде, тут и там пестрящей пятнами суетливых рыбок, я вдруг заметил какое-то резкое движение. Изрядной величины акула стрелой промчалась мимо меня, явно спасаясь от кого-то паническим бегством. Тут же показались два дельфина, преследующих ее. Они уже выходили из моего поля зрения, когда я увидел два других силуэта, они приближались с противоположной стороны и вынудили акулу свернуть влево под углом девяносто градусов. Она ушла в сторону моря, преследуемая объединившимися вместе четырьмя дельфинами. Похоже было, что мне довелось быть свидетелем одной из жестоких драм подводного царства, причем на сей раз козлом отпущения была акула. Не знаю, чем окончилась эта погоня, но, судя по наблюдениям, проведенным в большом калифорнийском океанарии, вряд ли акула вышла победительницей.

Случаи, о которых я сейчас расскажу, были отмечены в нескольких океанариях США, и дают мне повод верить, что, хотя акула и представляет постоянную опасность для дельфина, он может с ней справиться.

В большом бассейне, где держали дельфинов обоего пола, много недель с ними мирно сосуществовала акула. Дельфины играли по всему объему бассейна, не обращая на нее никакого внимания. Акула плавала над дном, регулярно поедая корм, который ей давали люди. Но вот пришла пора одной из самок родить, и сразу налаженный порядок поломался. То ли дельфинам надоело присутствие чужака, то ли, что более вероятно, они понимали, какая опасность грозит новорожденному, когда рядом находится их исконный враг, столь

чуткий к запаху крови. Так или иначе дельфины решили избавиться от акулы.

Стартуя в дальнем конце бассейна, они на всей скорости неслись прямо на ошеломленную рыбину и поочередно ударяли ее рылом в область брюха. Через несколько минут акула была мертва. Снаружи – никаких ран, но внутренности были искалечены так, словно ее колотили тараном.

В другом случае дельфины так яростно атаковали помещенную к ним акулу, что наутро ее тело нашли метрах в десяти от бассейна. Они ее буквально «вышвырнули за борт», и невозможно было определить, была ли она уже мертва тогда или задохнулась потом.

Используя свои эхолокаторы, свою скорость, острые «клювы», а главное – мозг, дельфины, как правило, могут справиться с акулами. Но этого не скажешь о всех китообразных. Китобои, возвращаясь с промысла, рассказывают жуткие истории о том, как акулы нападают на китов и разрывают их на части. Правда, такие случаи, наверное, все же редки, ведь крупные киты достаточно сильны, чтобы убить любую из селахий. Скорее всего речь идет о больных или ослабленных одиночках, а может быть, о китах, смертельно раненных самими китобоями или грозным врагом кита – косаткой.

Не известно ни одного достоверного случая обдуманных, согласованных действий акул; только запах пищи, крови или отбросов вызывает коллективную атаку. Конечно, против такой атаки вряд ли кто-нибудь устоит. Но вообще-то можно подумать, что сама природа, как бы устрашившись оружия, которым она снабдила акул, решила зато умерить их агрессивность и лишить способности к коллективному мышлению.

Дельфин мчится наперегонки с нашим «Зодиаком», который развивает скорость до 20 узлов. По высокому прыжку дельфина видно, что он просто играет и далеко еще не включил свою полную мощность

Дельфин развил такую скорость, что изображение смазано, несмотря на короткую выдержку при съемке. Скорость – одно из главных оружий дельфина против акулы

Правда, каждый год множество акул собирается у входа в лагуны Южной Калифорнии, ожидая миграции серого кита. В декабре серые киты из арктических вод приходят к берегам Мексики. Здесь они рожают и выращивают детенышей, а в марте

возвращаются на север. Как и у всех диких животных, смертность потомства при рождении и в последующие несколько недель достигает в среднем 30 процентов. Серый кит не самый крупный представитель усатых китов, его максимальная длина – около пятнадцати метров. Самки рожают в глухих уголках лагуны одного, редко двух детенышей и кормят их молоком три-четыре месяца. Новорожденный весит почти тонну.

Участвуя в экспедиции в этом районе, наша исследовательская группа работала под руководством профессора Теодора Уокера из Скриппсова института в Сан-Диего. Годом раньше он видел здесь много акул, одну из них по снятой им фотографии опознали как белую акулу Carcharodon carcharias. Мы-то, исходя из своего опыта, считали, что акулы не заходят в относительно мелкие мутные воды лагун; я тут, сколько ни погружался, ни одной не видел. Тем не менее, исследуя один из заливов лагуны Скаммона, Мишель Делуар, профессор Уокер и я однажды обнаружили признаки их присутствия. Отступая во время отлива, море оставило на берегу молодого мертвого кита. С грустью смотрел я на животное, которое погибло, не успев даже пожить. Среди уходящих вдаль немых дюн лежало великолепное создание, коему суждено было стать всего лишь падалью, легкой добычей морских птиц. Видимо, его погубила какая-то болезнь, но на боках кита мы увидели четкие овальные метины от акульих челюстей.

Поразительно, что акулы словно знают, когда мигрируют серые киты. В это время хищницы собираются и ждут их. Не думаю, однако, чтобы китовое мясо – как, впрочем, и дельфинье – составляло постоянную пищу акул. По-моему, к проливам у лагун их привлекает надежда перехватить какие-нибудь отбросы, выносимые течением, скажем плаценту. Чем-то это похоже на голодную собаку, которая терпеливо ждет у дверей кухни, когда повар вынесет объедки.

Есть среди китообразных один, соединяющий в себе все преимущества дельфина и челюсти пострашнее акульих. Я говорю о косатке. Ее сила и способность действовать согласованно со своими сородичами так велики, что она может одолеть даже самых крупных китов, хотя взрослая косатка достигает в длину не больше десяти метров. Мощь косатки ярко подтверждается сценой, о которой рассказывает профессор Уокер. Наблюдая с вертолета береговой охраны миграцию серых китов, он заметил у берегов Южной Калифорнии косаток, по видимости занятых игрой у поверхности моря. В полумиле от них лениво плавала трехметровая акула. Вдруг профессор Уокер увидел, как одна из косаток нырнула вертикально и исчезла. Минуты через три она

появилась как раз под акулой – миг, и выскочила из воды, держа добычу в пасти. На долю секунды охотник и жертва словно застыли в воздухе, потом скрылись в фонтане брызг. Профессор Уокер объясняет этот необычный случай тем, что косатка (Orcinus orca) издалека обнаружила акулу своим эхолокатором. Уйдя вертикально на большую глубину и так же вертикально ринувшись к поверхности, она застигла акулу врасплох. В самом деле, меньше всего на свете акула могла ожидать вертикальной атаки из пучины.

Словом, и акула не является неодолимой; в подводном мире, как и в нашем, ум и смекалка побеждают грубую силу, пусть не всегда, но достаточно часто. В поединке между теплой и холодной кровью млекопитающие побеждают рыб. Нет, акула не безраздельный властелин морей, однако она остается самым многочисленным среди тех обитателей океана, которые представляют серьезнейшую опасность для другого из теплокровных млекопитающих – для человека.

АКУЛЬЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

Абу-Марина.

Операция «ля Балю».

Отлов и изучение акул.

Действие анестезирующих средств: коньяк, МС-222.

Органы дыхания.

Филипп Кусто продолжает:-

Каноэ (это кличка Раймона Кьензи, одного из наших двух старших водолазов) разбудил меня рано утром. Мы находились в Красном море, в виду рифов Абу-Марина, составляющих часть архипелага Суакин у берегов Судана. Вдвоем мы поднялись на самую верхушку мачты, чтобы выбрать наилучшую якорную стоянку для «Калипсо». Панорама пространного лабиринта рифов (большинство из них было почти вровень с поверхностью воды), глубоких проливов и белых песчаных островков навевала спокойствие и задумчивость. Она походила на огромную палитру со всеми оттенками синего и зеленого цветов. В этих водах нам предстояло провести различные эксперименты и наблюдения над акулами в неволе.

Разделенные глубокими протоками коралловые гряды раскинулись на площади в несколько квадратных миль. Средние глубины в этом районе – около шестидесяти метров. Мы уже убедились, что часто фауна богаче всего вдоль кромки рифа. Там, где крайний риф обрывается вертикально вниз на глубину семисот пятидесяти метров, к его обитателям добавляются животные открытого моря. Здесь—лучшая охота, это излюбленные угодья больших хищников. Тут постоянно ходят акулы, сопровождаемые барракудами, тунцами, стаями серебристых карангов. У карниза, отделяющего маленький красочный мир рифа от открытого моря, жизнь становится особенно активной и особенно буйной.

Мы решили бросить якорь поближе к рифу, с его восточной стороны, обращенной к морю. Сонар вычертил отлогую песчаную банку шириной около двадцати метров. Ее глубина под коралловой стеной—почти пятнадцать метров, по внешнему обводу—двадцать пять.

Как только машина была застопорена, звено аквалангистов – Каноэ и Серж Фулон – пошло в воду, чтобы осмотреть риф и подыскать самое подходящее место для наших установок. Через несколько минут они вернулись и повели нас к проходу между двумя коралловыми грядами. С обеих сторон к поверхности воды поднимались изумительные многоцветные глыбы, окруженные

мерцающими стаями суетливых рыбок. И с обеих сторон склон полого уходил в голубую бездну. Через этот миниатюрный Гибралтар непрерывным потоком струились крупные каранги и стаи рыб-хирургов.

Место было бесподобное, и старший помощник Поль Зуэна развернул «Калипсо» бортом к оси пролива примерно в двадцати метрах от рифов. Устройство, которое мы собирались применить здесь, представляло собой клетку шириной около полутора метров, высотой около двух. Выпуклые стенки из прозрачного плексигласа не боялись сильных ударов. Множество отверстий в стенках обеспечивало свободный приток воды внутрь, где помещался аквалангист. Обитатель этого необычного аппарата – в первом эксперименте это был Марсель Судр – мог либо снимать через прозрачные стены происходящее снаружи, либо выйти наружу через люк в полу, либо просто наблюдать поведение акул, оставаясь в полной безопасности. Далее, эта клетка, сконструированная моим братом Мишелем и названная им «ля Балю» в честь злополучного кардинала ля Балю, которого Луи XI будто бы заточил в огромную птичью клетку, должна была помочь нам выяснить, станут ли акулы прямо атаковать аквалангиста. И наконец, если положить ее на бок и открыть люк, получалась отличная ловушка для поимки и изучения небольших акул.

Наведя камеру снизу на поверхность моря, я снимал, как «ля Балю» входит в воду – она была до того прозрачной, что я хорошо просматривал весь корпус «Калипсо», все сорок метров. Как только клетка погрузилась, Марсель заплыл внутрь и отцепил трос, соединяющий ее с кораблем. И она медленно пошла вниз, будто огромный мыльный пузырь; только и видно что алюминиевый каркас. Течение, устремленное к проливу, медленно понесло клетку к верхней части склона. Несколько маленьких черноперых акул уже оторвались от дна и направились к ней. Они были не больше метра в длину и держались предельно осмотрительно. Описали около «ля Балю» один-два круга и возобновили свои ленивые эволюции над песком. Эти акулы редко удаляются от дна или коралловой гряды, однако могут стать опасными, так как легче возбуждаются и забывают об осторожности, чем представительницы других видов. Я не видел других акул, которые, как они, хватали бы добычу с первого же захода. Зная их повадки, Марсель теперь, оторвав взгляд от меня, сосредоточил все свое внимание на акулах.

Наконец «ля Балю» коснулась дна, и я пошел к ней, снимая наезд. Я сильно выдохнул и без всяких усилий погружался головой вниз, причем кинокамера образовала как бы продолжение моего тела. Тихо дыша, я в который раз упивался

состоянием наслаждения, которое дает человеку полет в трех измерениях. Когда я поравнялся с клеткой, Марсель уже повернул ее так, что она легла на одну из своих выпуклых стенок. Люк был открыт, Марсель развязал мешочек с кусками свежей рыбы. Опираясь о кораллы, я приготовился снимать. Почти мгновенно подскочила маленькая акула, схватила голову каранга и умчалась с ней прочь. Две других акулы ринулись вдогонку, и завязалась короткая потасовка. Первая акула быстро решила проблему, проглотив всю добычу целиком. Соперницы ушли в сторону, а победительница удалилась; она резко дергала головой и никак не могла сомкнуть пасть. Тем временем со всех сторон слетелись в расчете на поживу другие. Инцидент привлек полтора десятка хищниц того же вида длиной чуть больше метра. Я забрался поглубже в свое коралловое укрытие, а Марселю приходилось то и дело закрывать люк, так как у акул заметно прибавилось прыти. Когда акула хватала кусок рыбы помягче, все обходилось мирно, без драк и погони, когда же добычей оказывался костистый кусок или голова, сразу начиналась потасовка. Видимо, скрип зубов по костям или хруст разгрызаемой головы воспринимаются другими акулами как призывный сигнал.

Между тем акулья возня около клетки приняла совсем буйный и беспорядочный характер. То одна, то другая акула налетала на прозрачный плексиглас и растерянно сворачивала в сторону. Вряд ли они пытались добраться до аквалангиста, просто их привлекал мешочек с рыбой. И я видел, как Марсель каждый раз непроизвольно выставлял вперед руки и отступал в глубину клетки. Забавно, однако вполне естественно. Акула не различала преграды, отделяющей ее от добычи; в свою очередь и аквалангист еще не свыкся с тем, что охраняющий его плексиглас не виден в воде.

Невозможно без жути смотреть, когда акулья орда бешено рвется туда, где представительница их рода разжилась куском рыбы. Кажется, ничто не может остановить их, кажется – это конец. Однажды мы с Каноэ, плавая вдоль небольшого рифа в Красном море, едва не стали жертвой такой атаки. Мы подстрелили каранга, но рана была не смертельной, и рыба отчаянно билась на конце шнура. Тотчас появилась длинная белоперая акула и закружила перед маленькой нишей в кораллах, в которой мы кое-как укрылись. Надо было поскорее добить нашу жертву, пока ее корчи не раздразнили акулу. Каноэ взял свой водолазный нож и пронзил им костистую голову каранга, разрушая нервные центры. В ту же секунду акула развернулась, да так стремительно, что ее очертания буквально смазались. С немыслимой скоростью она одолела разделяющий нас отрезок и

врезалась в баллоны на спине моего товарища. Удар явно слегка оглушил ее, и она с такой же скоростью удалилась. Мы с Каноэ даже не успели пошевельнуться; к счастью, мой друг, защищенный аквалангом, остался невредим.

Мне кажется, эта молниеносная атака была вызвана скрежетом ножа о кость и предсмертными судорогами нашей злосчастной жертвы. Нет никакого сомнения в том, что у акул превосходный слух. Опыт показывает, что они реагируют на стук под водой, на звон колокола, на шум, производимый работающим подводным пловцом. Обычно такие звуки вызывают у акул усиленный интерес, так что советы вроде: «Увидев приближающуюся акулу, хлопайте по воде руками» или: «Чтобы отогнать акулу, кричите в воду» (как нередко наставляют начинающих аквалангистов) – я бы назвал чуть ли не преступными. Мне часто доводилось испытывать оба этих способа. В лучшем случае, у меня потом оказывался сорванным голос или долго болели руки. Но чаще всего за криком или за ударом ладонью по воде следовала немедленная атака. Тем не менее, погружаясь, чтобы изучать или снимать акул, мы нередко кричим в воде, однако не затем, чтобы отогнать их, а чтобы привлечь поближе к кинокамере.

Другой применяемый нами аппарат – «сквалоскоп» конструкции моего брата Жана-Мишеля, позволяющий наблюдать и изучать акул в замкнутом пространстве. Это прямоугольный ящик площадью 3, 5х3 метра, высотой в метр. Стенки набраны из вертикальных прутьев с просветом около пятнадцати сантиметров. Крыша составлена из четырех прозрачных пластиковых куполов, через которые отлично видно акул внутри сквалоскопа. Пола нет, а одна из стенок делится на две секции с дверью в виде пластиковой плиты, которая ходит в пазах.

Сквалоскоп был установлен на дне в то же утро, а щедро разбросанная с корабля рыба помогла привлечь к месту нашей работы акул. Поль Зуэна, наш старпом, опустил сквалоскоп на воду рядом с «Калипсо». Воздух под пластиковыми куполами поддерживал аппарат на плаву, и ничего не стоило отбуксировать его к нужному участку. После этого оставалось только вынуть затычки из каждого купола, воздух вышел, вытесняемый водой, и сквалоскоп, падая, словно осенний лист, опустился на песчаное дно на глубине двадцати метров.

В пластиковой клетке «ля Балю» Марсель Судр парит, словно в большом пузыре воздуха. Хотя стенки совсем прозрачные, они достаточно прочны

Мы работали с телохранителями, иначе говоря, погружались по двое, причем один из двойки должен был охранять со спины другого. Первое звено составили Каноэ и Хосе Руис. Я занимался съемкой, меня охранял Серж Фулон. С первого же взгляда я насчитал добрых два десятка акул. Преобладали черноперые рифовые акулы длиной от силы полтора метра, но были и особи покрупнее, с белой кромкой на плавниках. Carcharhinus albimarginatus – с ними лучше держать ухо востро. Они напоминали мне тигров среди выводка домашних кошек.

Акулы уже описывали ленивые круги, изучая сквалоскоп бесстрастными глазами. Некоторые подались было кверху, словно хотели встретить нас, но на полпути круто повернули и пошли обратно на дно. Иногда такой маневр может стать опасным для аквалангиста: ведь стоит одной акуле ускорить ход, как другие, словно подстегнутые этим, рвутся опередить ее. Для крупных акул это не характерно, но часто можно видеть, как четыре-пять мелких хищниц несутся к вам с немыслимой скоро- 49 стью, готовые без раздумья пустить в ход свои зубы.

Каноэ приступил к поимке акул придуманным нами

способом. Между прутьями напротив двери сквалоскопа он просунул веревку с гладким крючком, на который был насажен кусок свежей рыбы. Веревка тянулась через всю клетку так, что приманка оказалась снаружи перед входом. Как только акула увидит рыбу и метнется к ней, Каноэ живо отдернет веревку. И когда акула войдет за приманкой в сквалоскоп, за ней закроют дверцу. Очень просто. Если ловишь кроликов или мышей. Но совсем иное дело, когда четверо аквалангистов применяют этот способ для отлова акул на глубине двадцати метров около рифа в Красном море, в окружении трех десятков хищниц.

Акула идет за приманкой в сквалоскоп. Аквалангист приготовился задвинуть дверцу. Попав в ловушку, акула забыла о приманке и стала рваться на волю. Остальные акулы сразу рассвирепели...

События развивались так стремительно, что вскоре все смешалось. Каноэ и Хосе удалось заманить в скалоскоп сразу двух акул, но запах свежей рыбы уже подействовал на остальных хищниц. На моих глазах, пока Хосе возвращал на место приманку, две небольшие акулы с ходу врезались в прутья клетки и отскочили, будто рикошетирующие пули. В воде вокруг нас

словно носились серые стрелы. Стало трудно следить за происходящим. Двухметровая акула схватила приманку и так решительно воспротивилась попыткам Каноэ втащить ее в клетку, что сквалоскоп заходил ходуном. Человек и акула тянули изо всех сил каждый в свою сторону. В конце концов акула, упираясь в угол клетки, сумела оборвать веревку. Краем глаза я заметил, как Хосе поспешно отбрасывает мешочек с рыбой, который держал в руке. Маленькая акула распахнула огромную пасть и проглотила все целиком. Каноэ отбился кулаками от крупной белоперой и пошел вверх. В эту секунду кто-то толкнул мою левую ногу, и я увидел рядом акулу длиной побольше метра. Она задела меня рылом, но, к счастью, воздержалась от укуса. Сбившись в кучу, следя каждый за своим сектором и отбиваясь дубинками и камерами, мы возвратились к лодке. А вокруг нас вращалась карусель из серых стрел, страшных своей мощью, но совершенно не организованных.

Пожалуй, больше всего меня поражает иррациональность акульего бешенства. Я чувствую себя совершенно бессильным; ни в каких других обстоятельствах я не испытывал ничего подобного. Из всех живых существ, какие я знаю, акула – самое что ли механическое, ее атаки лишены всякого смысла. Иногда она бежит от невооруженного подводного пловца, а иногда бросается на стальную клетку и яростно кусает прутья.

О каком бы другом животном ни шла речь, я знаю, что мои действия и реакции прямо влияют на его поведение. Ворона улетит, увидев меня в поле с палкой в руке, так как примет палку за ружье. Собака сразу чует, если человек ее боится. Даже рыбы у берегов Франции ведут себя спокойнее, если видят подводного пловца без ружья. Акулу же я воспринимаю как марионетку, которой управляют совсем не те силы, что дергают мои веревочки. Она будто пришелец с другой планеты; и уж совершенно точно – акула пришелец из другого времени. Появившись на земле больше ста миллионов лет назад, она с тех пор нисколько не эволюционировала и продолжает пребывать в состоянии первоначального хаоса. В ее действиях нет никакой логики, они даже противоестественны, и однако акула идеально приспособлена к своему образу жизни. А может быть, все не так, может быть, дело в том, что ее порядок, ее логика отличаются от моих. Ведь есть же рядом с нами формы разума, совсем отличные от нашего. Возьмите, к примеру, насекомых.

Мы поднялись на борт «Калипсо» потрясенные, притихшие, находясь во власти чувства, которого не назовешь ни страхом, ни тревогой. Мы не испытывали облегчения от мысли, что все благополучно ушли от грозной опасности, была только

предельная усталость и смутное сознание того, что нами пережито нечто необычное. Вспомнив толчок в левое колено, я мысленно подивился, как это обошлось без укуса...

У акул заведено «бодать» плавающие на поверхности воды незнакомые предметы; это явление тщательно изучалось исследователями. Профессор Бадкер считает, что селахий анализируют вкус объекта «сенсорными ячейками», которые укрыты под своеобразными чешуями, выстилающими кожу акулы. Эти сенсорные ячейки устроены подобно вкусовым луковицам во рту и зеве акулы, и нервные волокна связывают их с тем же нервом, который получает импульсы от луковиц. Таким образом, акула может получить информацию о вкусе, потершись кожей о предмет. То ли сама вода кругом содержит какие-то химические индикаторы, то ли шершавая кожа акулы соскабливает достаточно частиц вещества, чтобы произошла реакция в нервных окончаниях – во всяком случае хищница тотчас составляет себе представление о характере предмета, которого коснулась. Не исключено, что только благодаря неприятному запаху моего неопренового скафандра я все еще хожу на двух ногах.

Во второй половине дня мы снова пошли под воду, но на этот раз к нам опустили большую стальную клетку. Теперь можно было не думать об опасностях медленного всплытия, когда ты не прикрыт снизу морским дном и атака может последовать с любой стороны. Добавлю, что, чем ближе к поверхности, тем, похоже, сильнее возбуждение акул, поэтому главная опасность грозит человеку, когда он выходит из воды.

Сквалоскоп был пуст. Обе пойманные нами акулы ушли. Правда, прутья клетки были алюминиевые, но и то их разделял такой маленький просвет, что акулам, наверное, пришлось протискиваться боком. Я с содроганием подумал, какая силища для этого нужна. Бернар Местр, сопровождавший теперь Каноэ, укрепил сквалоскоп, связав все прутья вместе посередине. В этот раз мы работали без крючка, просто привязали куски рыбы к веревке, которую держал Каноэ. Мы надеялись, что такой способ поможет нам сберечь клетку, ведь утром разъяренная акула чуть не разнесла вдребезги наш сквалоскоп. Мой телохранитель Бернар Шовеллен держался рядом со мной, готовый защитить меня со спины и помочь двум другим товарищам.

Акул было больше, чем утром, и атмосфера показалась нам куда более нервной. Я употребляю слово «атмосфера» в переносном смысле; опытный подводник знает: что ни погружение, то другая атмосфера. А когда работаешь с акулами, атмосфера играет особенно важную роль. Сегодня ты чувствуешь, что можно их гладить руками или не обращать на них внимания,

а завтра с первой же минуты улавливаешь угрозу. Бывало, всем нам одновременно вдруг становилось не по себе, хотя акулы вроде бы вели себя по-прежнему, продолжая свой хоровод. В таких случаях мы сразу настораживались и приводили себя в боевую готовность. Мы никогда не пренебрегаем сигналом тревоги, каким бы он ни был неопределенным. А в другой раз, казалось бы в такой же точно обстановке, чувствуешь себя абсолютно спокойно, инстинкт говорит тебе, что можно безнаказанно приближаться к акулам.

Типичная картина: акула в открытом море, на ее спине играют блики солнца

Три десятка черноперых рифовых акул и десять-пятнадцать белоперых Carcharhinus albimarginatus медленно кружили около сквалоскопа. Небольшой групер занял клетку и продолжал сидеть в ней, когда мы приступили к работе на песчаном дне вокруг его импровизированного убежища. На этот раз программа наших действий была тщательно разработана заранее, и все шло куда более гладко. Мы быстро отловили четырех черноперых акул и приступили к экспериментам. Нам предстояло испытать разные анестезирующие вещества, подобрать такое, чтобы можно было усмирять акул для исследований. Скажем, закрыть акуле глаза и проверить ее обоняние, или поместить у нее на голове электроды для снятия энцефалограммы.

Начали мы с беловатой жидкости под названием МС-222, хорошо известной биологам, которые применяют ее для отлова

живых рыб. Мы вооружились огромным шприцем. Его поршень приводится в движение сжатым воздухом, и так как давление воздуха в баллоне выше давления окружающей среды, достаточно открыть клапан, чтобы шприц исторг большое облако белой жидкости.

Бернар Местр схватил за грудной плавник одну из пойманных нами акул и подтянул ее к прутьям клетки. Хищница яростно отбивалась, но Каноэ сунул ей в пасть конец шприца и открыл клапан. Шприц опорожнился, вся вода вокруг головы акулы – перед рылом, позади жабр – помутнела. После этого Бернар отпустил акулу, и она снова закружила по клетке, тараня носом прутья. Мы долго ждали, когда же проявятся признаки вялости, но пленница продолжала плавать как ни в чем не бывало. МС-222 явно не подействовало.

Аквалангист пропускает акулу мимо себя и быстро плывет вдогонку, заходя сбоку

Мы испытывали разные снадобья, разные способы, однако никак не могли добиться удовлетворительных результатов. Решили наконец прибегнуть к чисто французскому средству: инъекция коньяка. Доктор Юджини Кларк посоветовала нам испытать подкожное вливание спирта, но у нас не было на борту спирта, и мы заменили его коньяком: в нем ведь тоже немало градусов. Помню, как доктор Франсуа, держа в руках мензурку и ветеринарный шприц, стоял на кормовой палубе в ожидании моего отца, который пошел за непочатой бутылкой «трех

звездочек». Естественно, раньше чем наполнять шприц, полагалось проверить качество коньяка, и, конечно, в дегустации должны были участвовать все подводники. Но вот наконец шприц наполнен, мы спускаемся по водолазному трапу. Эксперимент проходил очень весело, никто не сомневался в его успехе. Уровень жидкости в бутылке красноречиво свидетельствовал, что бутылка не один раз прошла по кругу, прежде чем мы решились проверять на практике гипотезы ученых. На этот раз под водой царила весьма оптимистическая атмосфера. Увы, достигнув дна, мы увидели, что все акулы в клетке мертвы. И тотчас подсознание настроило нас на серьезный лад. Водная толща кругом опустела, акулья орда исчезла, остались только четыре неподвижных туши в сквалоскопе.

Каноэ отложил ненужный шприц, просунул руку между прутьями и подергал одну из акул за хвост. В самом деле мертва... И остальные три тоже. Где-то вдали, на пределе видимости я смутно различал медленно кружащиеся силуэты. Акулы... Но они теперь стали куда осторожнее и сторонились нас. Забыв про коньяк, мы попытались их приманить. Тщетно. Куски свежей рыбы соблазнили только уже знакомого нам небольшого групера. Лишь после того как были убраны погибшие акулы, нам удалось возобновить эксперимент. Что за сигнал тревоги распространился в толще воды и насторожил акул?

Опыты, проведенные во Флориде и в Тихом океане, показали, что запах мертвой акулы отпугивает других селахий. Близкий друг моего отца, Конрад Лимбо (он потом погиб при несчастном случае в подводной пещере), описал один такой опыт. Вместе с группой ихтиологов он изучал акул, обитающих в районе острова Клиппертон в Тихом океане. Однажды на берегу было оставлено несколько мертвых акул. Дня через два их туши начали разлагаться, и трупная жидкость потекла ржавыми ручейками по песку в море. Вскоре акулы – а их в этих водах было очень много – совершенно исчезли.

Заинтересованный этим фактом, Лимбо стал проводить систематические опыты, наживляя рыболовные крючки акульим мясом разной степени разложения. Акулы даже близко не подходили к крючкам. Правда, этот эксперимент не был повторен в более широком масштабе. По очень простой причине. Избранный метод 55 исследования, при всей его эффективности, оказался слишком уж тяжелым для экспериментаторов, так как запах гниющего акульего мяса вызывал у них острые приступы морской болезни.

Профессиональные ловцы акул, будь то в Южной Африке или во Флориде, отлично знают, что ярус на акул нет смысла

оставлять больше, чем на несколько дней. На каждом ярусе до двухсот крючков; пойманные в первый день хищницы умирают через несколько часов, и через три дня ни одна живая акула не подойдет к приманкам.

Мы не раз убеждались в этом на «Калипсо»: если оставить на дне мертвую акулу, через несколько часов все живые уйдут.

Не исключено, что более подробное изучение этих фактов поможет найти действенное средство для отпугивания акул и защиты подводных пловцов. Конрад Лимбо применял в своих экспериментах не только акулье мясо, но и мясо других рыб, и опроверг тем самым широко распространенное мнение, будто селахий едят только порченное мясо. Возможно, очень голодная акула не откажется от подгнившего мяса, но такие случаи редки.

Акулы в нашем сквалоскопе погибли потому, что клетка была мала. Они попросту задохнулись. Большинство акул – большая белая (Carcharodon carcharias), синяя (Prionace glauca), черноперая рифовая (Carcharhinus maculipinnis), рыба-молот (Sphyrna lewini) и другие – день и ночь непрерывно плавают: во-первых, у них нет плавательного пузыря, и если акула остановится, она пойдет ко дну; другим рыбам плавательный пузырь, объем которого они произвольно изменяют, позволяет останавливаться на разных глубинах; во-вторых, у акул, исключая некоторые виды, нет механизма для прокачивания через жабры воды, из которой кровь получает кислород. Другие рыбы непрерывно работают ртом, и создается постоянный ток воды, хотя бы сама рыба при этом стояла на месте. Возьмите обыкновенную золотую рыбку – она прекрасно дышит, не меняя положения в аквариуме. А большинству акул для дыхания необходимо двигаться. Теснота в нашем сквалоскопе обрекла пленниц на удушье, так как не давала им плавать достаточно быстро.

Уже после этого печального эпизода доктор Кларк рассказала нам о многих сходных случаях. Подопытных акул в бассейнах можно оживить, заставляя их плавать: аквалангисты тянут или толкают рыбину в воде, пока она не очнется. Известны и обратные примеры. Так, при съемке приключенческого фильма «Тандерболл» акул «усмиряли», таская их хвостом вперед или попросту не давая им двигаться какое-то время.

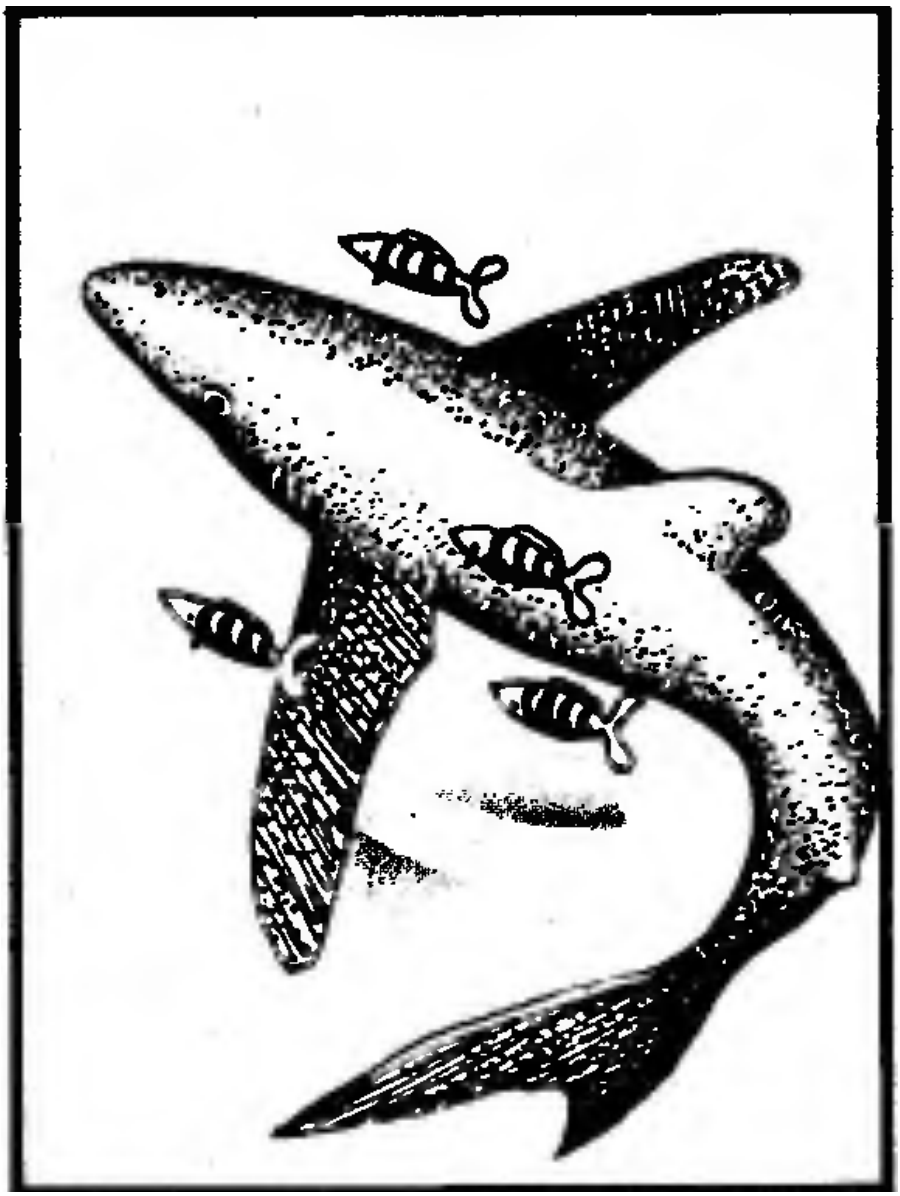
С тех пор мы разработали другие, более эффективные способы отлова, но я всегда буду помнить большую конструкцию из

металла и пластика на песчаном дне у Абу-Марина. Тамошние акулы преподали нам полезный урок. Стоило нам зазнаться и ослабить меры предосторожности, и они показали

нам, как изменчивы и превратны природа и море. Рискованное возвращение к поверхности явилось серьезным предупреждением для каждого из нас; после того случая наш отряд стал вести себя намного осторожнее.

И тем не менее, подводя итоги, я отнюдь не могу назвать эти эксперименты негативными. Мы получили ценные данные о поведении селахий и лучше разобрались в том, что надо, чтобы изучать акул в неволе. Но такие опыты требовали серьезной предварительной подготовки, а мы уже были в пути. Поэтому было ясно, что следующим этапом наших работ должно стать исследование акул на воле.

КОРРИДА В ПУЧИНЕ



Трехметровая длиннокрылая.

Территориальные претензии акул.

Филипп Кусто продолжает:

Моя камера направлена на Раймона Коля, он только что вышел из большой стальной клетки и не спеша плывет, держа наготове копье. Уголком глаза вижу трехметровую синюю акулу, идущую на сближение с Раймоном. Акула никак не реагирует на подводного пловца, который, описывая плавную кривую, с каждым движением рук и резиновых ластов приближается к ней. Подходя к точке встречи, Раймон чуть ускоряет ход, учащая работу ног. Круглый глаз акулы ни на секунду не отрывается от него. Сейчас их разделяет меньше двух метров, и они продолжают сближаться. Нажимаю спуск камеры. Ее стрекотание действует как сигнал. Рука Раймона выбрасывается вперед, и острие копья вонзается в тело акулы у основания спинного плавника. Одно движение могучего хвоста—синяя отскакивает метров на двадцать и снова идет ленивым ходом. Пловец, едва не опрокинутый толчком воды, теперь предусмотрительно возвращается в клетку, сопровождаемый двумя серыми акулами с белыми плавниками. Оглядывается на меня и торжествующе поднимает вверх большой палец. Обычно бесстрастные глаза моего друга сейчас сверкают под маской: есть!

Поворачиваюсь к акуле и вижу, как она, заложив вираж поодаль, снова идет в нашу сторону. Идет медленно, не выказывая никакого интереса к нам, и когда она проходит передо мной, я вижу вихляющуюся желтую бирку на короткой бандерилье, которую Раймон воткнул ей у спинного плавника. Это четырнадцатая акула, помеченная нами сегодня. И последняя. Я подаю сигнал: пора возвращаться к поверхности, на корабль.

Это отнюдь не такой простой спорт, как может показаться. Далеко не все акулы ведут себя так смирно, как большая Galeocerdo cuvieri; большинство из них реагирует куда быстрее, и реакция их может быть опасна. Чтобы пометить животное, Раймон должен подойти к нему на метр, вонзить наконечник копья возможно ближе к спинному плавнику и быстро отдернуть древко. В итоге бандерилья из нержавеющей специальной стали останется в таком месте, где мясо акулы всего плотнее, и совсем не будет ей мешать. К бандерилье на плетеном найлоновом шнуре привязана оранжевая пластмассовая бирка с номером и адресом Океанографического музея Монако.

Дважды сегодня акулы бросались с разинутой пастью на нашего импровизированного матадора, и Раймону приходилось поспешно удирать в клетку. К счастью, атаки были непродолжительными, акулы вскоре уходили. Эта подводная коррида производила на меня впечатление фантастического,

волшебного зрелища. Даже краски парадные – золотисто-желтая, красная, синяя; наши легочные автоматы – словно трубы и тромбоны, и пузырьки воздуха создают музыкальное сопровождение праздника отваги. Всем нашим аквалангистам захотелось испытать себя в новом виде спорта, но лучше всех, несомненно, преуспевает Раймон Коль; возможно, тут играет роль его испанская кровь. И все-таки мне чуточку не по себе. Ведь перед ним не один бык, а целое стадо, которое к тому же располагает неограниченным простором для отступления и новой атаки. То, что я вижу, можно назвать корридой в трех измерениях.

Этот эксперимент должен помочь нам познакомиться с образом жизни акул Красного моря. Мой отец уже подметил, что нередко на одном рифе бывает много акул, а на соседнем, всего в нескольких милях от первого, – ни одной. Больше того, узнавая акул по шрамам (шрамы есть почти у всех акул), можно было заключить, что та или иная популяция привязана к одному месту. О миграциях акул известно очень мало. Мы знаем только, что в определенное время года можно наблюдать крупные скопления того или иного вида акул на мелководье или в эстуариях больших рек. Многие исследовательские центры, особенно в Южной Африке и Австралии, изучают миграции акул. И все же до сих пор проблема эта остается темной; мы даже не знаем, точно ли акулы переходят из одного района в другой. Один из важнейших моментов в таком исследовании – найти надежный способ метить животных, подобрать пригодный для этого материал, ведь большинство меток довольно скоро выталкиваются организмом акулы. Так было и с нашими бирками. Кроме того, метку может сорвать или откусить другое животное, она может выскочить и от трения о камни и затонувшие корабли.

Мы не ставили перед собой масштабных задач, наша программа была куда скромнее. Мы знали, что наши бирки продержатся от силы несколько месяцев, и нам просто хотелось выяснить, является ли так называемая рифовая акула оседлой или она переходит с рифа на риф в поисках пищи. Кроме того, попробуем установить, можно ли сказать об акулах (если они оседлы), что они охраняют неприкосновенность своей территории, как это делают многие другие обитатели рифов или прибрежных областей. Естественно, если акулы ведут оседлый образ жизни, они к нам привыкнут и нам будет легче проводить любые другие опыты.

За неделю мы в архипелаге Суакин в Красном море пометили у восьми рифов и островов больше ста десяти акул. Кроме большой синей, встреченной нами в первый день, мы видели

считан-ные единицы Carcharhinus albimarginatus и некоторое количество Carcharhinus obscurus, обитающих среди здешних рифов. Затем мы на три недели ушли из этого района на юг, чтобы поработать вблизи Джибути.

В пятницу 29 сентября, на другой день после нашего возвращения, Поль Зуэна забросил в воду большой крючок с приманкой – килограммовым куском мяса. Я находился под водой, и преломление света на поверхности моря как раз надо мной придавало странную гротескность движениям Поля. Его силуэт плясал и корчился на фоне голубого неба, и, когда он стал подтягивать леску, это было словно некий пигмей с гигантскими руками бросал зерна в воду жестом сеятеля. Внизу показалась акула, она шла из темной пучины вертикально вверх, нацелясь на приманку, которая качалась на воде в окружении маленьких концентрических волн. Ни дать ни взять управляемый снаряд, направленный точно в цель. И на этот раз нас первой встретила крупная Carharhinus albimarginatus длиной два-два с половиной метра. Однако она, судя по округлости брюха, недавно поела; и в самом деле, хищница долго мешкала, прежде чем схватить мясо. С четверть часа она кружила, пока в хоровод не включились другие акулы, которые явно вознамерились присвоить себе добычу. Этого оказалось достаточно. Заложив последний вираж около моей клетки, причем я отчетливо увидел желтую бирку в основании спинного плавника, большая белоперая проглотила крючок.

Этот маневр акула проделывает удивительно ловко. Идя на добычу, она не ускоряет и не замедляет движение, а как бы походя вдыхает облюбованный кусок, и тот исчезает в ее открытой пасти. Но если этот кусок сидит на крючке, который вонзается ей в глотку, акула судорожно дергается и стремглав бросается вперед, отчего крючок впивается еще глубже.

Я отчетливо представлял себе, как Поль следит за бегом лесы под визгливый аккомпанемент хорошо смазанной катушки. Не ощутив никакого сопротивления, акула сбавила ход, и Поль начал выбирать лесу – медленно, осторожно, следя за тем, чтобы не было слабины. Акула яростно забилась, она то колотила поверхность воды хвостом, то порывалась уйти ко дну. Остальные акулы следили за ней, держась **в** сторонке. Одна из них даже проглотила мясо, которое пленница отрыгнула, силясь избавиться от крючка. Они кружили словно стервятники в расчете на какую-нибудь поживу. Белоперая быстро теряла силы и все слабее сопротивлялась. Эта бестия оказалась малосильным противником. Во-первых, леса ограничивала ее подвижность и нарушала ток воды через жабры, отчего она задыхалась; вторая

слабость акулы заключена в ее внутреннем строении. Внутренности акулы не поддерживаются ни связками, ни мышцами, опорой для них служит водная толща. Как только акулу извлекут из воды, тонкая кожа на брюхе растягивается и внутренние органы разрываются от собственного веса. Так что выловленная акула, даже если ее тотчас выпустят обратно в море и она уплывет прочь, обречена почти на верную смерть, потому что поврежденные органы уже не будут работать нормально. Но хотя акула быстро капитулирует (а это справедливо далеко не для всех видов), она достаточно живуча.

Возвратившись на палубу «Калипсо», я без особой радости смотрел, как расстается с жизнью наш старый враг. Куда подевалась его красота – он лежал обмякший, грязный, жалкий, по инерции отбивая привычный ритм ободранным хвостом. Агония акулы может затянуться на час и больше, и не один моряк жестоко поплатился за то, что неосторожно приблизился к хищнице. Огромная пасть еще долго продолжала хватать пустоту, перепачканное тело билось и трепетало. Каноэ выдернул метку и отнес ее в каюту моего отца. Бросив последний взгляд на издыхающую жертву, я последовал за ним. Мы сверились с нашими журналами, где было записано, когда и где помечены акулы, и установили, что данный экземпляр был нами помечен месяц назад в этом самом месте.

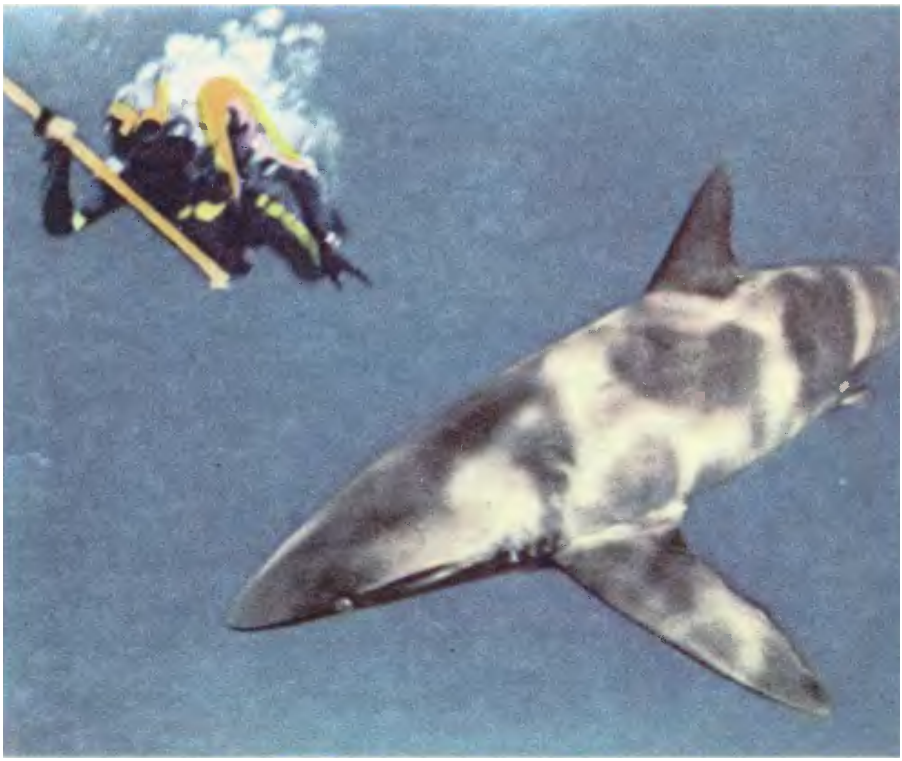
Всего мы собрали шестьдесят пять бирок, и в пятидесяти семи случаях получили такой же результат. Меченный нами вид явно был оседлым, во всяком случае часть года. Однако это наблюдение нельзя считать полноценным: ведь у нас не было данных, чтобы судить о поведении тех же акул в другие времена года. Лаборатории и другие научные учреждения, занимающиеся этим вопросом, разработали определенную методику мечения. Но это достаточно сложная и обстоятельная процедура, и у нас не было ни времени, ни средств, чтобы одолеть все трудности.

Определив один характерный для этих акул фактор – их оседлость, – мы вскоре подметили и второй – территориальность. Когда говорят, что у акулы есть своя территория, подразумевается, что какая-то часть рифа составляет ее единоличные угодья. Погружаясь в одном и том же месте, мы каждый день видели одних и тех же акул, которых обычно узнавали по шрамам. Впрочем, это не абсолютное правило, ведь ту же акулу можно видеть и на соседних участках рифа, а на ее территорию заходят другие акулы. Никаких конфликтов при этом не возникает, акула не изгоняет сородичей со своей территории, довольствуясь сознанием, что она здесь хозяйка. Мы установили то же самое для других рыб – групера, спинорога, мурены,

некоторых крылаток. Крупная акула допускает на свою территорию других акул при условии, что они не выступают прямыми конкурентами. Им дозволяется добывать что сумеют подальше от глаз хозяйки, при ней они едят лишь остатки или все вместе расправляются с добычей, которая настолько велика, что хозяйке не под силу их отгонять. Если этот порядок нарушается, не миновать потасовки, о чем красноречиво свидетельствуют шрамы на коже акул. Правда, порядок, действующий на каком-то участке рифа, может быть поломан с появлением более сильного чужака. Подобно герцогу, усмиряющему менее властительных вельмож, большая океанская акула иной раз набрасывается на своих менее дюжих или более робких вассалов.

Вскоре после второго визита на Суакин мы вернулись к рифам вокруг острова Даль-Габ (в западной части Красного моря, у берегов Судана), чтобы продолжать опыты с мечением. Одновременно мы впервые применили систему связи, которая позволяла мне, находясь под водой, прямо разговаривать с моим отцом или любым другим человеком на мостике «Калипсо».

Сидя в большой клетке и держа наготове копье для мечения, Марсель Судр приманивал акул, бросая им куски рыбы. Я укрылся с кинокамерой в одноместной клетке напротив него. Вокруг нас водило хоровод полтора десятка акул двух видов. Несколько крупных Carcharhinus Albimarginatus, остальные – юркие серые акулы. Я тотчас опознал местного владыку: это была старая белоперая с зияющей яминой сбоку на челюсти – следом давней раны. Она плавала степенно, и другие акулы явно ее остерегались. Мы не впервые встречались с ней, считали ее чуть не старым другом. Она наведывалась каждый раз, когда мы тут погружались. Несколько дней назад мы пометили ее; она рассердилась и пыталась нас укусить. В ней было что-то от бдительного, опытного, закаленного старого воина. Стоило какой-нибудь другой акуле покуситься на нашу приманку, как ветеран набрасывался на виновницу со скоростью и точностью ракеты, вынуждая ее отступить. Правда, иной раз нарушительница успевала проглотить кусок и уйти; тогда большая белоперая прекращала преследование и снова принималась ходить по кругу, не тратя понапрасну время на бессмысленную погоню.



Аквалангист вышел на цель и занес копье, чтобы вонзить метку в кожу акулы

Готово! Еще несколько секунд подводный пловец следует за акулой

В этой обстановке налаженного порядка мы приступили к мечению последних акул данной группы. Отснята кассета, я передал на поверхность, чтобы мне прислали новую. Получив сто двадцать метров свежей пленки, я начал регулировать экспозицию и наводку и вдруг на пределе видимости, метрах в пятидесяти, заметил какую-то темную массу. Одновременно мне бросилось в глаза, что акулы, которые последние полчаса все смелее подходили к нам, насторожились. Сперва я не понял, в чем дело, так как не связал их изменившееся поведение с появлением смутного силуэта. Но через несколько минут все стало ясно. Причина внезапного переполоха приближалась.

Я узнал одну из самых грозных глубоководных акул, трехметровую Carcharhinus longimanus, представительницу хорошо известного моему отцу и всем нам вида. Ее сопровождали по меньшей мере восемнадцать здоровенных лоцманов, это из-за них я не сразу рассмотрел акулу в мутноватой воде.

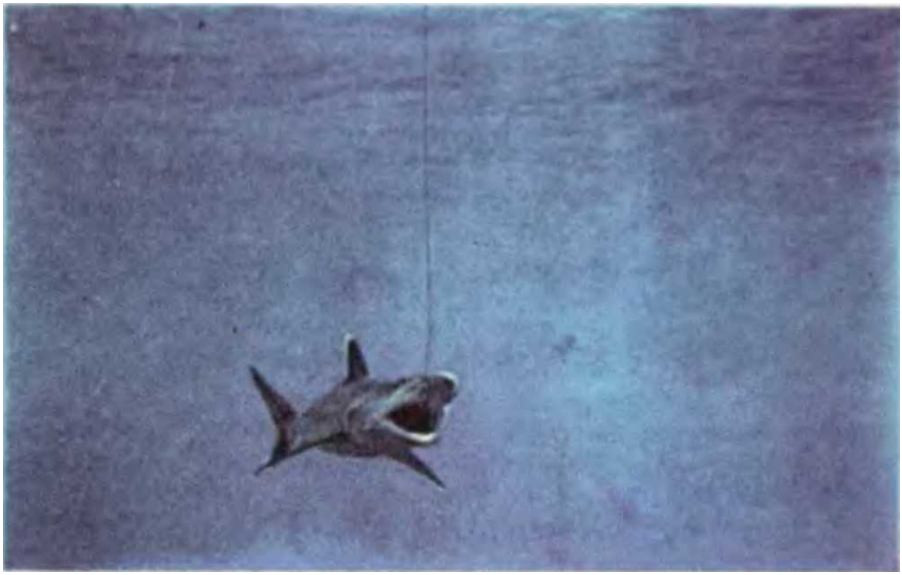
Если впечатление грубой силы у других акул смягчается красотой сложения и элегантностью их движений, то представители этого вида попросту ужасны. Неровная бурая окраска с беспорядочными пятнами смахивает на небрежный

военный камуфляж. Тело более округлое, чем у других акул, огромные грудные плавники и закругленный спинной словно вымазаны по краям грязно-серой краской. Она плывет как-то порывисто, неровно, поворачивая туда и сюда широкое, словно обрубленное рыло. Маленькие глазки выражают жестокую непреклонность.

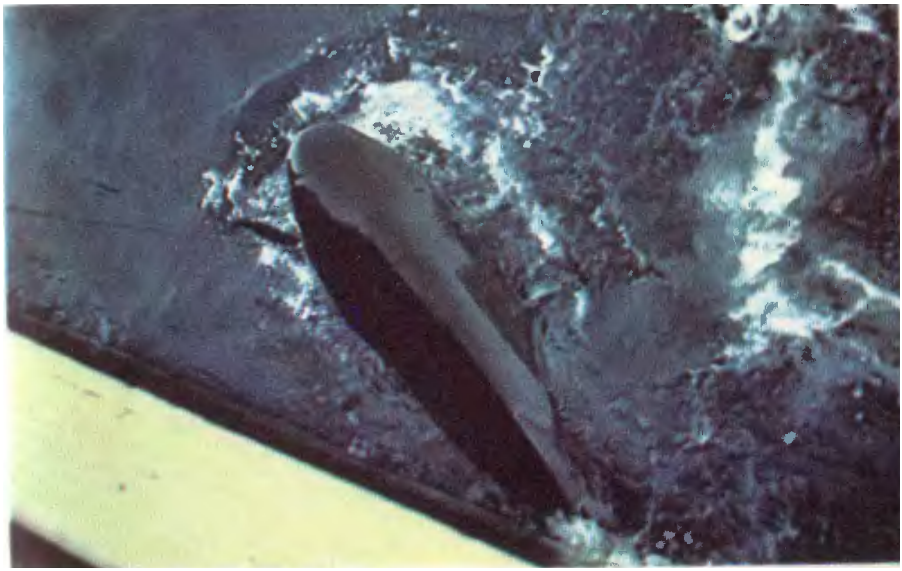
Облачко лоцманов меняет очертания, они то разойдутся, то снова собьются в кучу в каком-то рваном, нервном ритме. Время от времени один из них отделяется от стаи, чтобы осмотреть какой-нибудь предмет, потом живо возвращается на место. На светлом брюхе акулы черными пятнами выделяются три прилипалы – две покрупнее, одна поменьше.

Неожиданно замечаю, что стало очень тихо. Собравшись с мыслями, понимаю, что просто я сам стал дышать медленнее, словно задумал притаиться. Марсель (нас разделяет полтора-два метра) тоже забыл про работу и следит за пришельцем. Большая белоперая акула исчезла, остальные мечутся, по-воровски сторонясь длиннокрылой. Акул, окруженных лоцманами, кто-то сравнил с «летающей крепостью», сопровождаемой истребителями; этот образ хорошо передает впечатление грозной силы, которой веет от зрелища, представшего нашим глазам.

Акула лениво кружила не меньше чем в пятнадцати метрах от наших клеток, но уже одно ее появление как бы отравило страхом этот уголок океана. Прошло еще несколько минут, прежде чем я наконец отреагировал. Я не собирался допускать, чтобы эта бестия сорвала нам работу, и сделал знак Марселю: продолжай. Появилась новая приманка, к ней метнулась небольшая акула, и Марсель сумел ее удачно пометить. Проверяя, сколько у меня осталось пленки в камере, я снова заметил длиннокрылую. Она как будто не обращала на нас внимания, даже отошла еще дальше. У Марселя больше не осталось рыбы, чтобы приманивать акул, поэтому остаток пленки я израсходовал как попало на задержавшихся поблизости хищниц.



Акула заглотала приманку, осталось только дернуть...



Акулу вытащат на палубу, метку извлекут и зарегистрируют

Я уже хотел дать сигнал, чтобы нас поднимали, как вдруг меня окружила суетливая стая бело-черных лоцманов. Они покинули акулу, словно повинуясь некоему таинственному сигналу, и заметались вокруг меня, как мотыльки над пламенем. Внезапно большая океанская повернулась и с невероятной скоростью ринулась вперед. В одно мгновение она одолела пятнадцать метров и очутилась под кормой «Калипсо», успев по

пути схватить у самой поверхности приемопередатчик подводного телефона в блестящем боксе. Кабель был чисто разрезан, словно огромными ножницами. Акула скорчилась и отрыгнула металлическую коробку, та быстро пошла ко дну, а длиннокрылая уже неслась на Марселя, который едва успел закрыть дверцу клетки. Хищница отскочила от клетки, будто рикошетирующая пуля, бросилась ко мне, схватила челюстями прутья моей клетки в каких-нибудь пятнадцати сантиметрах от моего лица и принялась остервенело трясти их. Мысленно я уже видел, как связывающая меня с поверхностью веревка обрывается и клетка тонет. Тогда мне останется лишь выходить наружу и всплывать без всякой защиты от рассвирепевшего врага. Но тут акула оставила в покое несчастную клетку, развернулась и ушла так же стремительно, как напала, сопровождаемая едва поспевающим за ней эскортом лоцманов.

Мне казалось, что я целую вечность провел не двигаясь и почти не дыша. До этой секунды я даже не успел испугаться. Марсель смотрел на меня, мой взгляд остановился на пышном венце из пузырьков воздуха вокруг его головы. Наконец клетка пошла вверх, и меня ослепил солнечный свет. Я выбрался из клетки, ощущая странное спокойствие, меня занимали какие-то пустяки вроде шва на моем гидрокостюме, бухты каната на палубе. Появление отца вернуло меня к действительности. Он следил по телевизору за всем, что происходило под водой, и смех его звучал сердечнее обычного...

Попозже в тот же день я снова ушел под воду, чтобы продолжить работу. Большая океанская акула на этот раз не показывалась. Я думал о ней с затаенной завистью. Одинокий охотник, молекула в необъятном океане, – но грозная молекула! – вернулся в свои владения. Другие акулы казались мне теперь мелюзгой, занятой какими-то пустяковыми дрязгами. Старина **Carcharhinus albimarginatus** вернулся, но и он уже не производил впечатления местного владыки, не больше чем отставной капрал, да еще с нашей биркой, напоминающей регистрационный номер на ошейнике.

Работая с акулами, мы снова и снова убеждались в том, что они делят между собой угодья. Нами установлено не только наличие местной иерархии, когда акулу, заправляющую, скажем, в южной части рифа, с трудом терпят в северной части, где властвует другая, – подтвердилось и то, что акулы предпочитают сохранять верность своей территории. Мы слышали про фирмы, которые специализировались на промысле акул: облюбуют участок, изобилующий акулами, а через два-три года – всё, популяции конец, и фирма разоряется. Нас заинтересовала эта

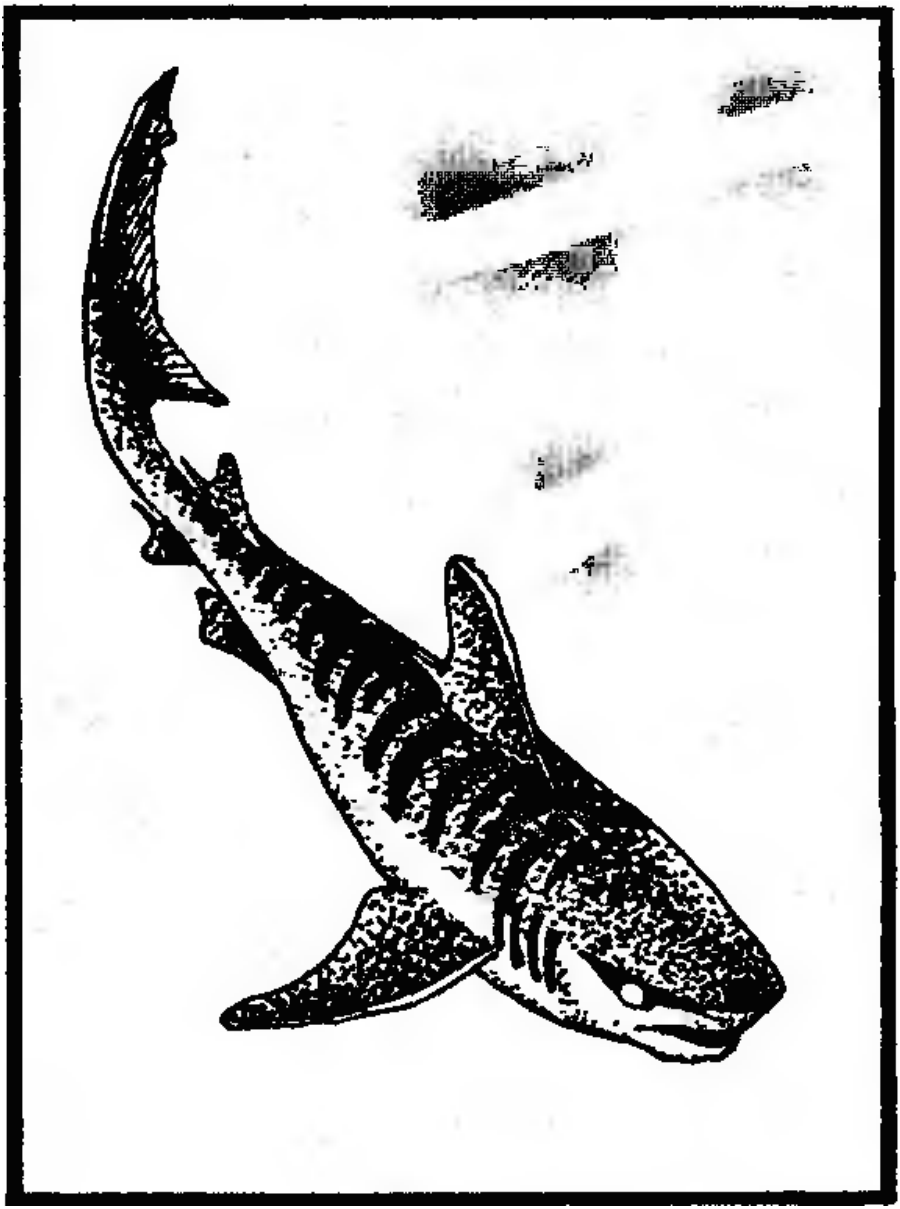
версия, и мы решили ее проверить. Два дня занимались ловом у острова Гарб-Муюн в Фарасанском архипелаге. Под конец здесь осталось лишь несколько мелких белоперых длиной около метра, а всех крупных акул мы выловили благодаря искусству Поля Зуэна. Всего каких-нибудь одна-две мили отделяют крохотный островок Гарб-Муюн от других рифов и островов архипелага. И однако, сколько мы потом к нему ни возвращались, нам попадались

только те акулы, которым мы сохранили жизнь во время предыдущих стоянок (мы узнавали их по меткам).

Из этого вовсе не следует, что сюда совсем не заходили другие акулы; они, конечно же, наведывались, однако возвращались на свою территорию. Мы уверены, что уцелевшие мелкие акулы быстро подрастут и вступят во владение этим рифом, поскольку наши эксперименты ослабили конкуренцию и на их долю приходится гораздо больше корма.

Не одну неделю трудились мы, стараясь проникнуть в тайны повседневной жизни местных селахий, и наши познания заметно расширились. Но недостаток времени вынудил нас прервать это исследование, и мы занялись другой стороной жизни акулы, решив хоть что-нибудь узнать о том, как она реагирует на человека.

ВСТРЕЧА АРТУРА С БЕЛОПЕРОЙ



Страшная участь Артура.

Что я как едят акулы.

Эксперименты с «антиакулинами».

Филипп Кусто продолжает:

Сегодня я погружался вместе с Артуром, чтобы проверить, как поведет себя акула, встретив незащищенного подводного пловца. В прозрачной воде вокруг «Калипсо» ходило несколько белоперых акул. Они плавали как-то лениво, даже вяло, как будто намеренно скрывая свою силу под личиной миролюбия. Я первым спустился по трапу и сразу проплыл к «акулоубежищу», подвешенному на глубине около десяти метров под килем судна.

«Калипсо» бросила якорь метрах в тридцати от рифа Даль-Габ в юго-западной части Красного моря; глубина здесь достигает примерно полутораста метров. День выдался страшно жаркий, ни малейшего ветерка, и я чувствовал себя куда лучше под водой, чем на палубе. А вот и Артур погрузился по соседству со мной и принялся неуклюже плавать взад-вперед около клетки. Когда я вошел в воду, это привлекло внимание лишь нескольких акул, находившихся поблизости; несуразные эволюции Артура сразу были замечены другими, от их вялости не осталось и следа.

Моя камера была наведена на Артура. Солнечные лучи высекали ослепительные блики из его маски. Совершенно беззащитный, он представлял собой идеальную добычу. Его порывистые движения, несомненно, воспринимались на значительном расстоянии чувствительным слухом селахий, отраженные маской лучи буквально провоцировали на убийство. Атмосфера сразу изменилась: мягкое, словно чувственное виляние бесцельно плавающих акул сменилось точными, вкрадчивыми движениями настороженных хищниц.

Среди окружавших нас семи-восьми акул было две крупных Carcharhinus albimarginatus длиной около двух метров, остальные – весьма стройные серые акулы с маленькими грудными плавниками, которых я не мог определить. Вдруг в их поведении что-то изменилось, я увидел, что они выстроились в шеренгу и идут прямо на нас. Одна из белоперых покинула строй и подскочила к Артуру. В последний миг она свернула и ушла прочь, сопровождаемая остальными. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что моя кинокамера продолжает работать; неожиданный маневр акул так меня ошарашил, что я позабыл о ней. Артур по-прежнему как ни в чем не бывало плавал, освещенный солнцем, чуть выше меня. Отойдя вдаль,

большая белоперая заложила изящный вираж и снова пошла на нас. Мне показалось, что она взяла прицел на спину Артура, однако на самом деле ее рот коснулся его правой ноги. Новый поворот с открытой пастью, и сквозь воду до меня донесся жуткий скрип чудовищных зубов, смыкающихся вокруг... стали. Акула яростно тряхнула головой и оторвала ногу куклы; осталась только стальная арматура, торчащая из резинового гидрокостюма, будто обломок берцовой кости.

Я прервал съемку и поспешил вернуться в клетку, так как теперь акулы атаковали все вокруг без разбора. Одна из них налетела на клетку, потом метнулась к Артуру, которого мои товарищи на палубе уже тащили вверх. Я подал сигнал, чтобы меня поднимали. Мне что-то не хотелось выходить из клетки наружу и преодолевать вплавь короткое расстояние до трапа после того, что произошло.

Ступив на палубу, я увидел серьезные лица. Мои товарищи окружили тесным кольцом искалеченную куклу, лежащую на предназначенных для нее носилках. Я знал, о чем они думают. Каждому представлялось за маской живое лицо – свое собственное или еще чье-то... Пытаясь развеять мрачную атмосферу, я предложил несколько форсированным голосом выбросить в воду останки куклы. Но слово «останки» только усугубило общее хмурое настроение, к тому же бросить в воду Артура было бы слишком похоже на захоронение в море умершего моряка. Кто-то шутливо предложил прочесть молитву за упокой души Артура; ответом было ледяное молчание. Весь остаток дня мы ходили угрюмые, притихшие, ночью мне снились жуткие кошмары. После этого случая мы долго соблюдали под водой удвоенную осторожность и относились ко всем акулам с повышенной почтительностью.

Мы нарочно сконструировали Артура, чтобы проверить, пугает ли акул появление подводного пловца в гидрокостюме. У нас как-то принято было считать, что встреча с акулой ничем серьезным не грозит аквалангисту в полном снаряжении. Мы смастерили каркас из стальных прутьев, облачили его в один из гидрокостюмов Ива Омера и начинили пенопластом. В шлем взамен головы поместили небольшой арбуз и, наконец, пристроили на спине пластиковой макет акваланга. Внешне Артур был точной копией кого-нибудь из наших аквалангистов. Первые опыты с куклой ничего не дали. Нас это в общем-то и не удивило: странно было бы, если бы незнакомый объект из стали, пластика и резины привлек существо, привыкшее питаться мясом и рыбой. Опыты проводились только тогда, когда акулы вели себя спокойно, так как мы отлично знали: если бросить Артура в гущу

разъяренных хищниц, его в два счета разорвут на части, как и любой другой предмет. Однако наш эксперимент нельзя было считать идеальным, ведь мы не могли оживить куклу, а кто же будет оспаривать тот факт, что акула умеет отличать живое от мертвого. И мы решили снабдить Артура каким-нибудь заманчивым запахом.

Были испробованы всевозможные продукты – от мясного бульона, которым пропитывали облекающий стальные прутья поролон, до кусков рыбы, засовываемых в гидрокостюм. В только что описанном опыте в куклу засунули куски свежей рыбы. Но мы заметили при этом, что атака была далеко не такой стремительной, как если бы ту же рыбу просто бросили в воду. Видно, резиновый гидрокостюм все же представляет собой известную защиту, хотя и ни в коей мере не удовлетворительную. Не исключено также, что запах человеческого тела сам по себе мало заманчив для акул. И наконец, возможно, что наша фигура и рост, а также цвет наших гидрокостюмов придают нам некоторое сходство с дельфинами, но ведь акула никогда не посягнет на дельфина, пока не удостоверится, что он либо ранен, либо ослаблен болезнью, либо еще по какой-нибудь причине не может дать отпора.

Одна из самых распространенных и самых живучих легенд об акуле – утверждение, будто она питается падалью и больше всего на свете любит испорченное или разлагающееся мясо. Мне не известно фактов, которые подтверждали бы эту теорию. Я допускаю, что изголодавшаяся акула набросится на все что угодно; смотря по степени голода, это может быть и доска, и разлагающийся труп. Но ни первая отнюдь, ни второй не входят в ряд ее любимых блюд. Я видел, как акулы хватают крючок, наживленный мясом, но подлинной алчности они при этом не проявляли, и если они в конце концов все же заглатывали приманку, то после долгого колебания. Помню, в одном плавании нам пришлось выбросить четверть говяжьей туши, протухшей из-за поломки холодильника. Мясо завернули в мешковину и с тяжелым балластом отправили за борт. Оно легло на песок под коралловой стеной рифа, у которого мы стояли на якоре. Шли дни, а мясе лежало нетронутое, хотя акул здесь было предостаточно. Оно исчезло только через неделю, и мы смекнули, что произошло, 71 когда тигровая акула, поразившая нас своими размерами и голодным, отощавшим видом, появилась вдруг с раздувшимся брюхом. Голод оказался сильнее присущего селахиям отвращения. Но подумать только: акула длиной всего около трех метров смогла заглотать говяжий бок!

Конечно, глубоководные акулы сопровождают стаи морских

млекопитающих, иногда следуют и за кораблями, кормясь отбросами, но это еще ничего не значит, ведь отбросы, как правило, состоят из свежей пищи. И потребность акул в калориях, сдается нам, не так уж велика, ведь они предпочитают плавать в открытых водах, где нет никаких помех и малейшее движение позволяет им покрыть значительное расстояние. От холода акулы не страдают, расход калорий у них минимальный, так что одной сытной трапезы должно хватить надолго.

Изучение пищеварительного тракта акулы в общем-то подтверждает эту гипотезу. По сравнению с млекопитающими он чрезвычайно короток: длина кишечника взрослого мужчины около десяти метров, у трехметровой акулы – от силы два метра. Кроме того, похоже, что акула наделена удивительной способностью переваривать содержимое желудка по частям, сохраняя впрок другие порции. Возможно, это своего рода естественный резерв, позволяющий акуле жить какое-то время за счет прежних накоплений. Сэр Эдвард Оллстром, директор зоопарка Таранга под Сиднеем в Австралии, рассказывает про 4, 5-метровую тигровую акулу: ее держали в бассейне, и три недели она отказывалась от предлагаемой ей конины. Проглотит, а через несколько дней отрыгнет. Когда же акула умерла и ее вскрыли, то обнаружили в желудке двух отлично сохранившихся дельфинов. Очевидно, она их сожрала за несколько часов до того, как была поймана. Остается загадкой, как акула ухитрялась удерживать дельфинов в желудке, отрыгивая другую пищу.

В том же зоопарке исследователи решили установить, сколько пищи потребляет акула. В своей книге «Акула нападает» Копплесон сообщает данные о двух акулах: одна длиной три с половиной метра, другая – около трех, примерный вес обеих – полтораста килограммов. За год первая акула съела восемьдесят шесть килограммов рыбы, вторая – почти сто. Было также отмечено резкое сокращение потребления пищи акулами в зимние месяцы, с мая по август (напомню, что речь идет об Австралии). И выходит, что акула вовсе не такая ненасытная обжора, какой ее принято считать.

Как славно выйти из воды после долгого погружения! Ласково греет солнце, и ты знаешь, что отсняты хорошие кадры

Возвращение на борт – самое счастливое время. На товарищеской летучке каждый делится своими впечатлениями.

За много лет работы на борту «Калипсо» неистовость приступов акульей ярости, как это ни покажется странным, поражала нас не так сильно, как ее быстротечность. Во время одного ночного погружения я видел, как четыре акулы напали на раненого дельфина и в несколько минут разорвали его в клочья,

невзирая на наши жалкие попытки отогнать их острогами и дубинками. Ничто не могло бы остановить это пиршество демонов. Они впивались зубами в дельфина, отхватывали куски весом восемь-девять килограммов, возвращались за новой порцией и рвали мясо, дергаясь всем телом, окруженные мечущимися во все стороны лоцманами. Красные лучи прожекторов, окрашенные кровью, серебристые блики лоцманов, звук распарываемого клыками мяса, порывистые движения могучих серо-белых силуэтов – все это вместе создавало некую жуткую фантасмагорию, которой, казалось, не будет конца. И однако уже через пять минут воцарился мир и покой. Хотя дельфин был съеден только наполовину, акулы отошли и возобновили свое осторожное кружение. Некоторые и вовсе исчезли в черном безмолвии моря. И только одна хищница осталась возле добычи, отщипывая куски, которые минуту назад показались бы ничтожными.

Акулы очень быстро насыщаются, и, вероятно, трапезы вроде той, которую я сейчас описал, может хватить им не на одну неделю. Правда, большинству акул не часто доводится так пировать. Надо думать, один-два больных или погибших дельфина в месяц – основной источник пропитания для тех акул, которые следуют за стадами китообразных, в остальное время им приходится довольствоваться последом и другими отбросами, Что же касается акул, обитающих возле рифов и лишенных такого источника, трудно ответить определенно, как они кормятся. Бывает, рыбе во время охоты не удается сразу убить свою жертву, и та уходит, истекая кровью. Я сам видел такие случаи, и каждый раз немедленно появлялась акула и пожирала раненую рыбу. Это довольно частое явление, ведь рифовые рыбы почти никогда не преследуют свою жертву, если первая атака не удалась. Большинство из них охотится примерно так, как человек охотится на уток: укроются в засаде среди кораллов и ждут, когда вблизи появится опрометчивый визитер. Но промахнувшийся охотник не пойдет за жертвой на глубину, предпочитая не удаляться от своего убежища. Этим-то и пользуются акулы и другие хищники открытого моря. Словом, мы вправе заключить, что основной корм и любимое блюдо акул – свежая рыба, а также, что они вполне способны охотиться самостоятельно. В конце концов случай перехватить упущенную кем-то добычу представляется не всегда, а между тем акул в море много, значит, они должны охотиться.

Наше заключение, что акула кормится преимущественно рыбой, ставит под сомнение гипотезы, основанные на том, что в желудках акул находят самые неожиданные предметы, начиная от

консервных банок и кончая остатками человеческих рук и ног. Некоторые мелкие акулы приспособились кормиться моллюсками и ракообразными, кроша их плоскими зубами, расположенными на обеих челюстях. Большинство крупных акул – чрезвычайно активные хищники, они питаются тем, что дает им преследование стад китообразных, или же сами охотятся; например, лисья акула нападает на косяки мелкой рыбы. Мясо наземных существ, скажем говядину или человечину, нельзя назвать излюбленным кормом акул, но при случае они от него не откажутся.

Как бы то ни было, среди многочисленного племени акул лишь немногие по-настоящему опасны для человека. Помимо уже перечисленных мной видов корма известно, что акулы едят тюленину, 75 черепах, некоторых морских птиц. Наиболее крупные акулы, китовая и гигантская, едят только планктон, мелкую рыбешку и ракообразных – креветок и крабиков. (Некоторые авторы полагают, что китовая и гигантская акулы лишь иногда всплывают на поверхность, поэтому их так редко видят моряки и рыбаки.)

За многие годы работы под водой одним из самых неприятных для меня переживаний всегда были встречи с акулой в такой момент, когда нечем от них отбиваться. Между тем, просматривая свои бортовые журналы, я постоянно наталкиваюсь на записи о таких встречах. «Среда, 7 декабря. Утром мы совершили рекогносцировочное погружение на маленьком рифе чуть севернее острова Малату (Фарасанский архипелаг). Кораллы здесь небольшие, куцые, чем-то напоминающие вереск на юге Франции. Войдя в воду, мы увидели много мелких, робких с виду акул. Вдруг в пучине внизу показались быстро идущие прямо на нас три крупных Carcharhinus albimarginatus длиной примерно от двух с половиной до трех метров. Они были слишком велики, чтобы я мог помериться с ними силами, тем более что я нырял без акваланга и с пустыми руками. Я немедленно сделал сопровождавшему меня доктору знак, чтобы он возвращался на «Зодиак», и со всей возможной скоростью последовал за ним. Выбрался на катер как раз в ту минуту, когда акулы приготовились пойти в атаку».

Вот такие-то эпизоды и привели к появлению нашего первого оборонительного оружия – «акульей дубинки». Теперь мы всегда берем с собой под воду метровую дубинку из дерева или алюминия, с расположенными кольцом короткими шипами на конце, чтобы дубинка не скользила, а цеплялась за кожу акулы. На рукоятке – петля вроде ремешка на лыжной палке, чтобы резкий толчок не выбил дубинку из рук. «Акулья дубинка» удобна в обращении, и, хотя вид у нее не внушительный, она весьма

эффективна, так как позволяет отгонять акул, не раня и не раздражая их. Правда, стопроцентной гарантии она не дает: ведь отогнанная таким способом акула, как правило, возобновляет свое кружение, терпеливо выжидая момент для повторного выпада. Бывает и так, что обескураженная акула совсем уходит, но такие случаи относятся к исключениям.

По этой причине, а также потому, что всего опаснее при встречах с акулами – короткий промежуток времени, когда подводный пловец выходит из моря и временно как бы слеп, мы почти никогда не погружаемся без дополнительной защиты в виде «акулоубежища». Чаще всего клетка служит просто лифтом для аквалангистов, возвращающихся на поверхность, но в минуту опасности она надежно защищает от любых атак. Мы конструировали клетки всевозможных форм и размеров, пока в конечном счете не остановились на двух моделях. Одна, рассчитанная на четверых подводников, – приблизительно кубической формы, ширина – около двух метров, высота чуть побольше. Дверь состоит из двух створок, верхней и нижней; их можно открывать по отдельности, можно обе сразу, если это нужно для работы. Форма второй клетки близка к сферической; внизу у нее люк, вверху прутья изогнуты полукругом. Она рассчитана на одного человека, ее можно ставить на дно или подвешивать под кораблем; можно и плыть с ней, высунув ноги наружу через открытый люк.

Сколько раз нам приходилось поспешно уходить в клетку во избежание крупных неприятностей! И только благодаря клеткам

мы могли, находясь в полной безопасности, наблюдать и снимать страшные сцены акульего бешенства. Плексигласовая клетка «ля Балю», о которой говорилось выше, предназначалось прежде всего для съемок, но хотя эта модель идеальна для кинооператора, ее сопротивление водным потокам чересчур велико, и она слишком хрупка.

Белоперая рифовая акула атакует... нет, не подводника, а чучело, которое мы смастерили для опыта

Акула оторвала Артуру ногу, и мы убедились, что гидрокостюм не страхует от нападения

В годы второй мировой войны проблемой акул всерьез заинтересовались генеральные штабы многих армий. Ведь сотни моряков с торпедированных кораблей, а также экипажи подбитых самолетов были обречены на страшную смерть из-за акул. Мысль об этом не давала покоя военным специалистам и инженерам, и

не без основания. Приведу только один пример.

В 9.15 утра, 28 ноября 1942 года, английский транспорт «Нова Скотия» был потоплен торпедами немецкой подводной лодки. Судно пошло ко дну в тридцати милях от Сент-Люсии – так называется мыс в провинции Натал в Южно-Африканской Республике. Кроме команды на борту находилось семьсот шестьдесят пять итальянских военнопленных и сто тридцать четыре южноафриканских солдата, возвращавшихся в Дурбан с театра военных действий на Ближнем Востоке. Большинство спасательных лодок было разрушено взрывами торпед, и на долю сотен уцелевших моряков остались только спасательные пояса да деревянные или надувные плоты. Один из немногих, кто остался жив, рассказал:

«Внезапно судно потрясли два страшных взрыва, и мы поняли, что в нас попали торпеды. Я пытался добраться до своего спасательного пояса, но судно уже так сильно накренилось, что я поскользнулся на забрызганной мазутом палубе и скатился за борт в одних трусах. Вода была покрыта пленкой нефти, но я плавал пока не нашел кусок реи и ухватился за нее. Кругом сотни других людей ловили плоты и обломки снастей. Подплыл солдат из моего полка и уцепился за другой конец реи. На нем был спасательный пояс. Так мы продержались всю ночь. На рассвете течение унесло пленку нефти. Кругом плавали другие уцелевшие. Немного погодя мой товарищ сказал, что лучше умереть, чем цепляться за кусок дерева без надежды на спасение. Сказал, что не хочет больше тянуть, и никакие мои уговоры на него не действовали. Когда я понял, что зря стараюсь, то попросил его оставить мне спасательный пояс. Он стал его снимать, вдруг дико закричал, и весь его корпус приподнялся над водой. Когда он опять упал на воду, море окрасилось кровью, и тут я увидел, что у него нет одной ноги. В ту же секунду я заметил серый силуэт акулы, она носилась вокруг него, и я поспешил уплыть подальше от этого места. А тут и меня окружили акулы длиной около двух метров, и то одна, то другая из них шла прямо на меня. Я изо всех сил хлопал по воде руками, это их как будто отпугивало. Наконец мне удалось добраться до одного из плотов и влезть на него».

Через шестьдесят часов после торпедной атаки выжившие были подобраны португальским судном. Удалось спасти всего сто девяносто два человека, и многие из погибших были жертвами акул.

Естественно, такие истории основательно подрывали дух тех, кто сражался в воздухе или на море. Вот почему военные лаборатории разных стран усердно принялись искать действенные средства защиты от акул. В конце концов

исследовательская лаборатория военно-морских сил США предложила небольшую квадратную таблетку из 20 процентов уксуснокислой меди и 80 процентов сильного темно-пурпурного красителя в смеси с веществом, которое легко растворялось в воде. Такие таблетки раздавали всем участникам военных действий на море и над морем, и они, несомненно, придавали людям бодрости. Мы испытали этот «анти-акулин», работая на глубине около тридцати метров около рифа Шаб-Араб в заливе Таджура, где встречаются Красное море и Аденский залив. Под воду опускали две клетки, лицом друг к другу, так что кинооператор, находясь в одной клетке, мог наблюдать за действиями двух аквалангистов в другой. В первое утро акул было немного; течение несло муть со скоростью около четверти узла. Фулон развязал мешочек со свежей рыбой и пустил несколько кусков по течению. Почти тотчас в молочной толще возникли силуэты Carcharhinus obscurus, черноперых акул длиной побольше метра. Как только они подошли ближе, Хосе Руис развязал свой мешочек и отпустил привязанную на ленте таблетку «антиакулина». Течение отнесло ее метра на полтора, дальше как бы развевалась плотная, черноватая дымовая завеса.

Растворяясь в воде, краска образовала вращающиеся клубы, которые течение тихо уносило вдаль.

Через несколько минут я увидел шесть длинных силуэтов, которые шли по следу из красителя и уксуснокислой меди, как собака идет на запах жарящегося мяса. Это были крупные песчаные акулы. Они извивались в толще воды словно змеи; одна из них достигала в длину почти пяти метров – самая большая песчаная акула, какую я когда-либо видел. Зная, что они совершенно безобидны, я при виде их все же невольно отпрянул назад. А Серж как ни в чем не бывало протянул нашим новым гостьям хвост барракуды. Пятиметровая повернула голову направо, потом налево, принюхиваясь, наконец подошла вплотную к Сержу и начала осторожно щипать барракудин хвост, который он все еще держал в руке. «Антиакулин» стоял в воде вокруг нас густым иссиня-черным туманом, но явно ничуть не мешал акулам. Мы не могли довольствоваться одним опытом и поставили второй.

Прежде чем уйти под воду, я смотрел, как Каноэ (он же Кьензи) готовит «сэндвич». Вскрыв брюхо нескольким только что пойманным рыбам, он засунул внутрь по таблетке «антиакулина» без обертки, потом обмотал их бечевкой и привязал к длинному шнуру. На этот раз я с великой осторожностью спускался по трапу в море, так как мы заметили, что вокруг судна возбужденно кружат две двухметровые Carcharhinus albimarginatus. Едва я

вошел в воду, как они повернули в мою сторону. Я уже говорил, какое жуткое впечатление производит эта акула, когда глядишь на нее анфас. Ничего не остается от ее красоты и щенячьей грации. Видно только острое рыло, широко расставленные глаза, причудливые, даже чем-то потешные телодвижения, симметричные грудные плавники да черную щель рта на фоне светло-серого брюха.

Я повернулся, живо проплыл под прикрытием судовых винтов к клетке, вошел в нее и прикрыл дверь наполовину. По моему знаку Каноэ бросил в море «сэндвич», и тот повис в воде в трех с половиной метрах от меня. Сразу же от таблетки во все стороны расплылось чернильное облако, закрыв от меня рыбу. Меньшая из двух акул прибавила ходу, отпрянула, сторонясь иссиня-черного облака краски, потом вернулась, прошла завесу насквозь и вынырнула с другой стороны с «сэндвичем» в пасти. Правда, проглотить его ей никак не удавалось, – очевидно, мешал шнур, который Каноэ крепко держал в руках. Акула сердито мотала головой, воюя с упрямой приманкой, и при каждом ее рывке из жабр вырывались большие фиолетовые облака. Наконец хищнице удалось перекусить шнур, и она ушла, а за ней тянулись два длинных шлейфа пурпурной краски. Я не смог сдержать истерического смеха, и камера в моих руках запрыгала вверх-вниз. Придется начинать все сначала... Но что поделаешь, уж очень смешная картина: вещество, призванное отпугивать грозную хищницу, чтобы она не пустила в ход свои челюсти, темными шлейфами вырывается из жабр хищницы, как дым из плохо отрегулированного мотора.

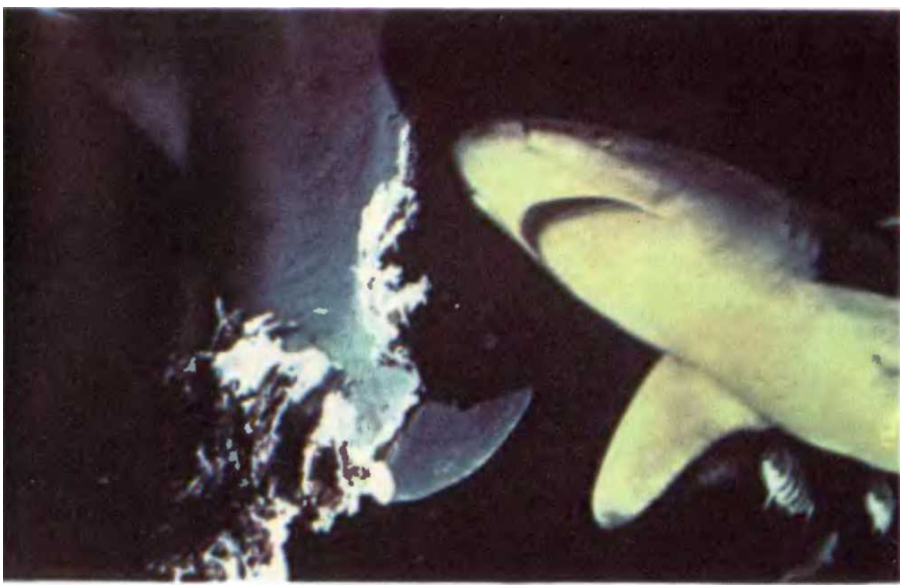
Мы повторили попытку. Второй «сэндвич» – тот же результат. Однако, хоть наши эксперименты и не удались, я уверен, что уксуснокислая медь отнюдь не улучшает пищеварение акулы.

Самые различные химические соединения испытывались в разных лабораториях, а также на борту «Калипсо», и ни одно из них не дало подлинного эффекта. Возможно, то или иное вещество в отдельных случаях действует на определенный вид акул, но проведенные опыты не позволяют сделать окончательных выводов. Что до американского «антиакулина», то его мы проверяли не раз, проверяли во всех наших плаваниях, в самых различных условиях, пока без успеха. Правда, есть химические соединения, безотказно действующие на акул, но они настолько едки, что одинаково опасны для всех других организмов, в том числе и для человека.

Испытаны два вида ограждений для защиты купальщиков на пляжах. Один барьер (его проверяли в Австралии) образуется электрическим полем между двумя проводниками, первый из

которых подвешивается на буях у самой поверхности воды, второй прижимается грузами ко дну. Этот способ как будто действовал неплохо; было отмечено, как электричество либо парализовало акул, либо заставляло их отступить. Однако власти не сочли его приемлемым. Во-первых, такая установка очень дорога, во-вторых, она отнюдь не дает полной гарантии.

Зубы впились в мясо, несколько яростных движений головой из стороны в сторону, и будет оторван изрядный кусок



Акула снова идет на добычу; лоцманы тоже расчитывают поживиться

Успехом пользовалось одно время другое ограждение – из мелких пузырьков воздуха. Много лет даже считали, что найдено окончательное решение. Однако опыты доктора Перри Джильберта (США) показали ненадежность и этого способа. В Южной Африке тоже проводились сходные эксперименты. На дне цистерны длиной шесть метров, шириной два с половиной и глубиной около двух метров уложили поперек трубу с маленькими отверстиями. В трубу нагнетался сжатый воздух, и вырывающиеся из дыр пузырьки создавали сплошную завесу, которая делила объем цистерны на две секции. Было проведено две серии опытов с двухметровой Carcharias taurus и с несколько меньшей Carcharinus obscurus. В обеих сериях барьер создавали тогда, когда обе акулы находились в одном конце бассейна. Carcharinus obscurus не стала нарушать «демаркационную линию», зато вторая акула сразу ускорила ход и несколько раз прошла сквозь завесу. В других экспериментах, когда по ту сторону завесы из воздушных пузырьков помещали раненую рыбу, обе акулы уже через несколько секунд пересекли барьер и набросились на добычу.

От аквалангистов можно услышать, будто приближающаяся акула обращается в бегство, если сильно выдохнуть воздух в ее сторону. Этот способ и впрямь пригоден для большинства неагрессивных акул, но такие акулы вообще избегают встречи с подводным пловцом, так что средство это по меньшей мере сомнительно. Я сам проверял его на опасных акулах, например тигровых и синих. Никакого эффекта. Больше того, работая под водой, я много раз видел, как акулы невозмутимо проходят сквозь пузыри воздуха, в изобилии вырывающиеся из легочных автоматов моих товарищей.

Какие только способы самозащиты не были испробованы в разное время: и динамитные патроны, и пневматические гарпуны, и ультразвуковые генераторы, и экстракт гниющего мяса, и электрические разряды. Мы сами испытали многие из них и убедились, что большинство совсем не эффективны, некоторые весьма сомнительны, а с другими подводному пловцу попросту тяжело управляться. И все-таки есть одно средство, заслуживающее внимания; речь идет об «акулоубежище» Джонсона, которое мы прозвали «ведром Джонсона» – из-за его формы. Эксперименты с этой конструкцией мы провели у кольцевого рифа, окружающего остров Даль-Габ.

Сперва она показалась нам комичной. Представьте себе

этакий оранжевый спасательный буй из трех уложенных друг на друга надувных колец, к которым внизу подвешен широкий пластиковый мешок длиной около двух метров. Когда кольца надуты, жертва кораблекрушения (или, в нашем случае, экспериментатор) забирается в «ведро» и наполняет его водой. Таким образом, человек плавает в открытом только сверху цилиндрическом сосуде, изолированный от окружающей его воды. Это гораздо более дельное устройство, чем может показаться. Во-первых, когда «акулоубежище» Джонсона сложено, оно ничего не весит и занимает совсем мало места, и, во-вторых, что еще важнее, пластик не пропускает никаких соблазнительных для акулы запахов, и хищница не видит бьющих по воде рук и ног.

«Калипсо» стояла на якоре, а кругом ходило несколько акул, когда я в первый раз осторожно забрался в плавающий на воде буй. Я быстро наполнил водой темно-зеленый мешок, держась одной рукой за крюк нашего гидравлического крана: в случае атаки меня быстро извлекут из моря. Странное и, я бы сказал, неприятное ощущение – стоишь, высунув голову над водой, и рябь на поверхности не позволяет следить за передвижением 83 акул... Да, это тебе не то, что смеяться над акулой, хватающей рыбу с начинкой из «антиакулина».

Ближайшая ко мне хищница представлялась моему взгляду как расплывчатое, колышущееся серое пятно. Она свернула к «акулоубежищу», явно заинтересованная странным вместилищем и его содержимым. Я попытался подняться повыше, чтобы лучше видеть происходящее. Почувствовал, как шершавая кожа акулы задевает пластиковый мешок, и тут же последовал удар хвостом. Несколько раз акула проходила так близко, что я мог бы коснуться ее спинного плавника правой рукой; левая сжимала крюк крана так крепко, что суставы побелели.

За опытом наблюдал Каноэ (Кьензи). Он сидел в лодке поблизости, вооруженный винтовкой, но меня это мало утешало. Тонкий, как бумага, пластиковый мешок колебался вместе с волнами, и мне было очень трудно приноравливаться к ним.

Чтобы довести эксперимент до конца, надо было попытаться привлечь к себе акулу. Я похлопал по воде ладонью, одновременно с судна бросили в море куски свежей рыбы. Наконец хищница быстро и решительно пошла прямо на меня. Я не мешкая сделал знак, чтобы меня поднимали. Вися на тросе, я посмотрел вниз и увидел, как акула проходит в двух метрах под моими болтающимися ногами, но в стороне от пустого «акулоубежища». Ложная тревога: атака была направлена не на меня, а на приманку.

В другой раз мы спустили на воду целую флотилию «ведер» Джонсона. Доктор Милле, Жак Ренуар, Серж Фулон, Клод Тамплье и Марсель Судр заняли каждый по «ведру», а Рене Арон на «Зодиаке» стоял наготове с винтовкой, страхуя их. Мы с Каноэ приготовились снимать под водой реакцию акул. Их было две – большие серые акулы длиной около двух метров, с маленькими грудными плавниками, отороченными снизу узкой черной кромкой. Голодные, судя по тощему брюху. Они плавали медленно, вкрадчиво, вихляясь всем телом. Глубоко под нами можно было различить еще пару акул. Я высунулся из воды, услышал, как наши «морские свинки» обмениваются ехидными замечаниями, и снова погрузился.

«Зодиак» – удобнейшее средство транспорта. На нем можно всюду пробраться, и он может взять до восьми-девяти человек

Под водой моим глазам опять представилась поразительная картина. В сказочном мире морской синевы, пронизанной солнечным серебром, казалось, что две акулы надо мной идут прямо в центр фигуры, образованной зелеными мешками. Лениво походив туда-сюда среди безжизненных, лишенных запаха предметов, обе дружно повернули и, не раздумывая, пошли на Каноэ, который отогнал их энергичными взмахами своей «акульей дубинки». Акулы тотчас изобразили полное безразличие, оставили в покое моего телохранителя и направились ко мне, вероятно рассчитывая, что я окажусь более легкой добычей.

Выбравшись на «Зодиак», я в уме проиграл заново весь эпизод

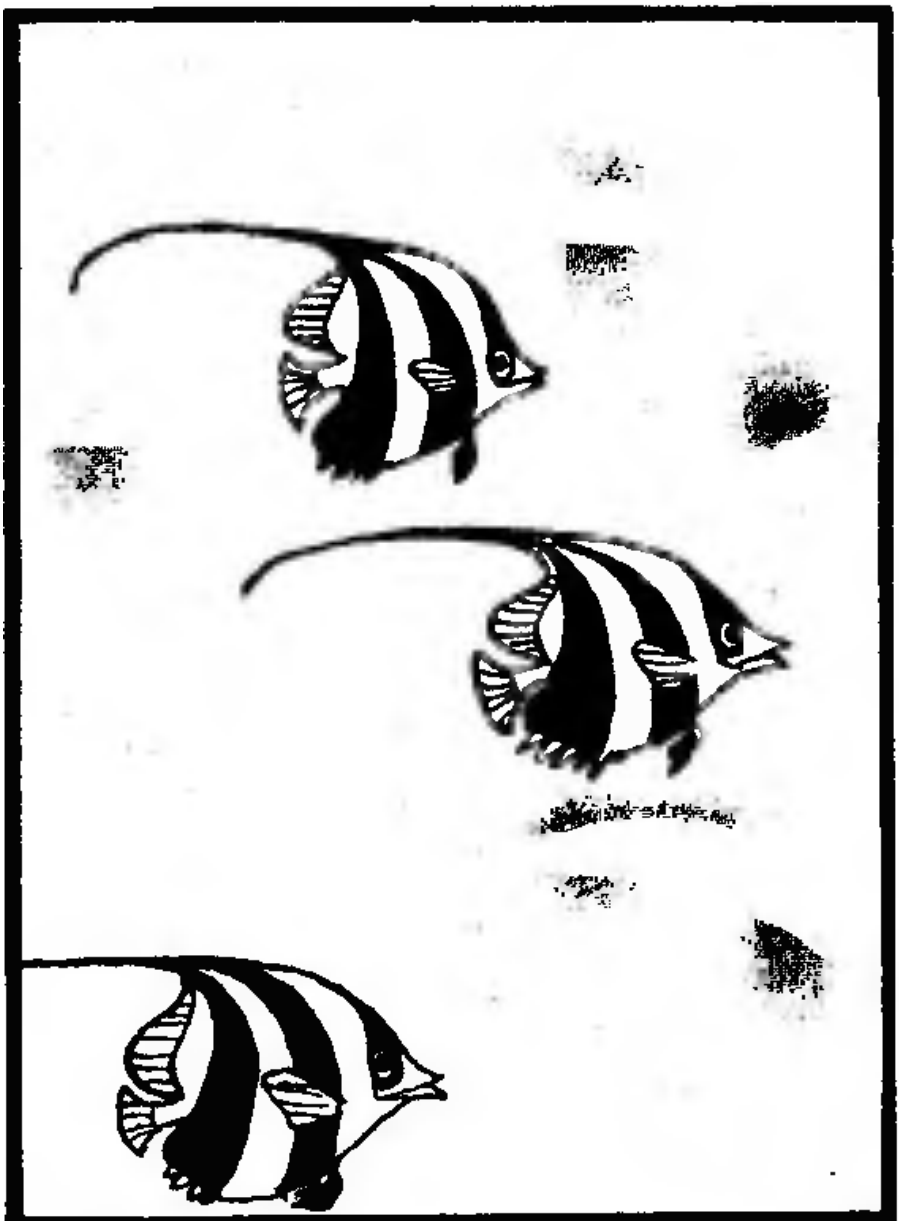
и пришел к выводу, что «акулоубежище» мистера Джонсона вправе рассчитывать на успех. Не думаю, правда, чтобы это средство могло надежно предохранить человека от одержимых бешенством голодных хищниц, но ведь не так уж велика вероятность, что жертвы кораблекрушения или воздушной аварии над морем непременно нарвутся на таких свирепых акул.

По-моему, буй мистера Джонсона намного повышает вероятность выживания человека, очутившегося в открытом море. Только надо помнить, что пластик очень непрочный, его ничего не стоит порвать, и надлежит внимательно следить за такими предметами, как пряжка на поясе, обувь, часы.

Убедившись на собственном опыте, что от обычных способов самозащиты, применяемых подводными пловцами, мало проку, мы остановились на приеме, который часто выручал нас в трудную минуту. Вместо того чтобы кричать под водой, или выпускать пузыри воздуха, или делать выпады в сторону агрессивных акул – все эти способы себя не оправдывают, – мы занимаем оборонительную позицию спина к спине. У нас уже давно стало правилом никогда не погружаться в одиночку, поэтому под водой работает не меньше двух человек, и, когда опасность застает нас вдали от клетки, мы становимся спина к спине и держимся одной рукой за гидрокостюм товарища. В таком положении каждый может надежно оборонять сектор, заключенный в его поле зрения. И конечно, мы всегда берем с собой под воду какое-нибудь защитное приспособление. Когда следует ожидать встречи с акулами, мы вооружаемся либо дубинкой, либо кинокамерой.

Единственный существенный вывод, который можно сделать из нашего краткого обзора разных способов защиты от акул, заключается в том, что, кроме громоздкой стальной клетки, ни одно из применяемых ныне средств нельзя считать совершенно надежным. Чем больше мы узнаём об акулах, тем очевиднее становится бесплодность всяких попыток познать их до конца. Реакции акул непредсказуемы, и обыкновенные статистические методы наблюдения тут ничего не дают. Во всяком случае я сотни раз наблюдал одну и ту же технику нападения и укуса, а потом вдруг какая-нибудь акула поражала меня, атакуя совсем не обычным способом. Нужно ли говорить, что во всех случаях надо соблюдать крайнюю осторожность. И осторожность эта должна основываться на уважении к акулам, а не на пренебрежении к ним.

ОСТРОВ ДЕРРАКА



Опасное приключение доктора Франсуа.

Индивидуальные клетки.

Филипп Кусто продолжает:

Наступила тяжелая неделя. Что ни день, на судно обрушивался хабуб. Сильный ветер нес раскаленный песок, не давая работать.

Часам к двум небо на западе приобретало красновато-золотистый оттенок, а море замирало, и его поверхность делалась совершенно гладкой, как бы превратившись в твердь. И без того гнетущий зной делался совсем невыносимым, мы обливались пóтом, каждое движение было мукой, тем более что нас преследовали тропические лишаи. А затем разражалась буря. Завывающий ветер нес брызги воды, смешанной с песком, и покрывал все разрушительной желтоватой пленкой. При первых же намеках на шторм мы снимались с якоря, поэтому, когда он начинал бушевать, судно, как правило, уже стояло под прикрытием какого-нибудь островка. Как только опять становилось возможно работать, нам приходилось тратить бесконечные часы на тщательнейшую уборку, чтобы сберечь наше драгоценное и уязвимое снаряжение. С красными, опухшими глазами мы двигались будто роботы в царстве песка, которое уже стало нам поперек горла.

Настроение людей падало, оборудование портилось, и в конце концов нам пришлось уйти для внеочередного ремонта в город Массаву. Отец решил, что мы только понапрасну теряем время в этих водах. Мне и Каноэ удалось уговорить его высадить нас на пустынном островке подальше от берега с запасами на неделю и снаряжением для работы. Очень уж мало времени оставалось до завершения наших исследований и фильма об акулах, и мне хотелось наверстать то, что было упущено из-за злополучных песчаных бурь.

После беглого осмотра полудюжины уединенных клочков песка мы остановились на острове Деррака в архипелаге Суакин.

Сперва выбрали место для лагеря, потом принялись разведывать 87 более или менее приличный проход для наших лодок в окружающем Дерраку коралловом барьере. Окончательный состав нашего отряда, не считая меня, выглядел так: Каноэ, доктор Франсуа, Серж Фулон и Раймон Делуар – фотограф, брат нашего превосходного главного кинооператора Мишеля Делуара.

Свезя на берег снаряжение и поставив палатку, мы вернулись на «Калипсо», где Жан Морган приготовил для нас небольшой «прощальный» обед. За обедом мы составили точный перечень

работ, которые намеревались выполнить на острове. Во-первых, будем изучать мелких акул на песчаных отмелях; во-вторых, выполним наблюдения на определенном участке кораллов и проведем своего рода перепись – какие гости приходят с моря сюда кормиться. И конечно, предметом нашего изучения будут также все обитатели самого островка.

Обмениваемся рукопожатиями с теми, кто уходит на «Калипсо». Наше прощание несколько торжественнее обычного. Теоретически нам не грозят никакие опасности, и все-таки пребывание такого маленького отряда на необитаемом острове в Красном море не простая экскурсия. Случись какая-нибудь беда – до лазарета далеко. И если вдруг (правда, это маловероятно) наведаются жители материка, мы будем всецело в их власти. Я обещал, что не допущу никаких авантюр, особенно связанных с акулами. «Калипсо» снялась с якоря и вскоре пропала в сгущающемся мраке. Только рокот машины доносился до нас над притихшим морем, но и он тут же смолк.

Наш лагерь на острове Деррака. В четыре утра уже совсем светло. Доктор и Раймон Делуар (он сделал снимок) поднялись, остальные досыпают

Некоторые наши «акулоубежища» сделаны из алюминия. Круглые шишки на прутьях – поплавки. Подводный пловец берет с собой свинцовые грузы. Чтобы всплыть, достаточно выбросить грузы

В первый вечер мои товарищи думали только о том, чтобы отоспаться. Не успела «Калипсо» уйти, как они уже завернулись в простыни и уснули, утомленные трудами и переживаниями минувшего дня. Оставшись в одиночестве, я медленно побрел к воде. У меня было странное чувство, будто я шел на тайное свидание со своими заветными мечтами. Хотя луны не было, все кругом светилось таинственным светом, и казалось, его источает сам ландшафт. Меня не тянуло ни размышлять, ни созерцать; я просто смотрел и слушал, ни о чем не думая, как, наверное, смотрят и слушают животные. Теплая лагуна кишела живностью, она буквально бурлила от движения тысяч клешней и ножек, от лилипутских схваток, от непрерывной суетни. В толще воды, как это часто бывает в тропических морях, родился внезапный сполох – рыба пронеслась. Каждая волна чертила на пляже свой узор, который тут же стирался новой волной, не оставив даже следа в памяти. Вдоль кромки воды, подчиняясь какой-то неведомой логике, маневрировали легионы «стыдливых крабов». Я стоял неподвижно, и они проползали совсем рядом со мной. Вот семенит мимо краб, волоча еще живого птенчика, явно украденного в гнезде одной из морских ласточек, заполонивших островок. Проследовав в нескольких сантиметрах от моей ноги, краб исчез в норке, которой я прежде не заметил. Маленькая, с четверть метра, песчаная акула ходила у самого берега; она

охотилась на моллюсков или крабиков, преграждая им выход из воды собственным телом.

Звук голосов нарушил мое безмолвное общение с природой, и я поспешил к товарищам. Полчища раков-отшельников вторглись в наш лагерь и теперь ползали по людям, которые отнюдь не обрадовались такому пробуждению. Целый час мы простояли, наблюдая, как из сухого кустарника за лагерем шли к морю орды этой мелюзги. Час, а то и больше требовался ракам, чтобы одолеть каких-нибудь шестьдесят метров. Каждое препятствие надо было либо с великим трудом одолеть в лоб, либо обойти кругом, а препятствий тут хватало. Это массовое ночное шествие не ограничивалось нашей площадкой, оно происходило вдоль всего берега. Катящаяся по песку к морю волна маленьких юрких животных представляла собой совершенно необычное зрелище. И я никогда не видел такого же мощного потока в обратную сторону, от моря к кустам.

В последующие дни мы выжидали, пока схлынет эта скрипучая, шуршащая волна, и только потом ложились спать. У меня осталось впечатление, что раки-отшельники намеренно дожидаются сумерек, чтобы идти в море. Как только вечер, глядишь – собираются отряды в колючих зарослях на середине острова. Раки ждут, когда начнет смеркаться, и стоит сплошной шорох от трения панцирей друг о друга. А назад они, судя по всему, идут в разное время, по мере того как управятся с делом, которое влечет их в море, будь то размножение или просто кормление. Естественно, возвращение одиночных раков проходило незаметно.

На другой день после первого знакомства с раками мы, выйдя с утра пораньше, пока еще не воцарился нестерпимый зной, тщательно обследовали весь островок. Деррака по форме продолговатый, примерное направление оси – с северо-востока на юго-запад, посередине он несколько уже, чем с концов; окружающая его песчаная отмель образует лагуну, которая во много раз больше самого острова. На нем растут колючие кусты с крохотными темно-зелеными листьями; в центре есть мелкая ложбина, где почва не такая сухая, – эту ложбину мы прозвали Счастливой долиной. На всем острове не сыщешь ни капли пресной воды, и тем не менее он изобилует живностью. Мы посещали десятки таких островков, мои товарищи сыты ими по горло, а для меня остается вечным чудом, что эти клочки песка, затерянные в солеварне Красного моря, могли стать прибежищем скрытной, но достаточно интенсивной жизни. Преобладают в фауне птицы, наполняющие островки своими криками, порханием, в отдельных случаях и яркими красками. А среди

птиц роль властелина, несомненно, принадлежит орлану. Из прутиков и кусочков плавника орланы сооружают холмики высотой от одного до трех метров. Венчающие такие сооружения гнезда всегда наполнены перьями и костями, а больше всего остатками рыбы.

Раз я видел, как орлан охотился на песчаной отмели острова Мармар в северной части Фарасанского архипелага. Вот он неподвижно парит над водой... А вот уже камнем падает вниз, вытянув когти в сторону добычи, как и положено пернатому хищнику. Но жертва орлана нередко находится на глубине до полуметра, и охотник на миг весь исчезает под водой, чтобы тут же снова с трудом взлететь. Преодолев сопротивление воды, богатырская птица медленно поднимается метров на тридцать, там делает передышку, чтобы отряхнуться от воды, на секунду исчезает в радужном облаке брызг, затем опускается на песок отдохнуть. Тело и ноги орлана совсем не приспособлены для плавания, тем удивительнее смотреть, как он с помощью одних только крыльев вырывается из объятий моря. Островное царство дает ему все необходимое, чтобы кормиться самому и растить птенцов, пока не придет пора изгнать их, чтобы сохранить естественный баланс и собственное верховенство.

Впрочем, орлан здесь не единственный пернатый хищник, есть еще небольшой серо-голубой сокол. Я впервые встретился с ним на Дерраке; по другую сторону Красного моря он мне ни разу не попадался. По-моему, дело в том, что на Суакинских островах водятся мелкие грызуны, которыми кормится этот сокол, напоминающий удлиненными крыльями и акробатическим полетом огромную ласточку.

Весной на Дерраку прилетают морские ласточки, чтобы отложить яйца и высидеть птенцов; в ноябре и декабре для той же цели островом завладевают олуши. В эти сезоны остров буквально усеян яйцами и серыми пушистыми комочками вылупившихся птенцов. В воздухе стоит звон от пронзительных криков, идут 91 несчетные потасовки. Красноклювые чайки пристально осматривают эти огромные ясли, рассчитывая ухватить яйцо или беззащитного птенца. Яйца они бросают на камни, чтобы разбить скорлупу и добраться до содержимого.

На Дерраке я наглядно убедился, как вторжение человека нарушает зыбкое природное равновесие. Высадившись на остров, мы спугнули морских ласточек вокруг лагеря, они на время покинули свои гнезда и, очевидно, не смогли отыскать их вновь в темноте. Этим воспользовались крабы, они совершили грабительский набег на гнезда и унесли многих птенцов, которые были еще слишком малы, чтобы постоять за себя. Это

происходило на моих глазах; рассвет застиг врасплох множество крабов, поспешно улепетывавших со своей добычей.

В другой раз, осторожно ступая между яйцами и птенчиками морских ласточек, я заметил, что родители боятся меня куда больше, чем чайки, которые следовали за мной, что называется, по пятам. В итоге вокруг меня образовалась зона, где птенцов уже не защищали взрослые птицы. Чайки лучше моего разобрались в этой ситуации и воспользовались случаем утащить несколько малышей, невзирая на яростные крики круживших в небе морских ласточек. Я невольно удивился, почему чайки ждали столь уникального случая. Ведь они куда крупнее и сильнее морских ласточек – казалось бы, нападай, когда вздумается, хватай добычу. А дело в том, что чайки тут немногочисленны, и стоит одной появиться над «яслями», как целые тучи морских ласточек атакуют ее и обращают в бегство. Я испугал ласточек сильнее, чем чаек, и тем самым нарушил естественное соотношение сил. Впрочем, чайкам все равно оказалось не так-то просто выйти из нечаянно созданной мной охранной зоны, и большинству удалось прорвать кольцо разгневанных морских ласточек только ценой отказа от своей добычи.

Мне никогда не приходило в голову заступаться за какое-нибудь животное и защищать его от другого, так что наше появление в принципе внесло в этот микрокосм не больше нового, чем любой природный катаклизм. Когда мне случалось ловить себя на том, что я воспринимаю одно животное как «хорошее», а другое – как «плохое», мне становилось смешно. На моих глазах шторм в несколько часов истреблял всех обитателей острова, полностью уничтожая всю жизнь. Мы на «Калипсо» мечтаем лишь об одном: чтобы присутствие людей не нарушало естественный порядок. В частности, мы решительно против бессмысленного, ничем не оправданного избиения, именуемого морской охотой. Когда нам нужна для стола свежая рыба, мы обычно добываем ее рыбной ловлей, лишь в исключительных случаях – подводной охотой. А наземная охота для членов экипажа и вовсе дело чуждое.

На северной оконечности острова мы набрели на груды раковин и красных мадрепоровых кораллов, явно выложенных чьей-то рукой. Это была мусульманская могила, ориентированная на северо-восток, в сторону Мекки и могилы пророка. Могильный холм был сложен в виде корабля; на его концах стояли торчком две большие коралловые глыбы, изображающие корму и нос. Товарищи человека, который ушел на этом корабле в вечное плавание, убрали могилу всеми цветами моря.

Усердие могильщиков проявилось очень наглядно. Насыпав и

выровняв холмик из чистейшего песка, они обложили его ветвями коралла, которые выгорели на солнце до костяной белизны. Из раковин, возможно игравших роль жертвоприношений, был сооружен барьер высотой около метра, украшенный осколками разноцветных бутылок, да кое-где красными обломками кораллов органчиков. Возможно, здесь покоился паломник из Африки, не выдержавший плавания на борту набитой битком скорлупки. Или же старик-находа – так называют здесь заправил местных суденышек, восседающих подчас до самой смерти в центре своей дау и командующих молодыми рыбаками, которые собирают жемчужниц и ловят немного рыбы себе на пропитание.

Куда бы мы ни пошли, всюду поверхность острова была словно испещрена рябинами, под нашими ногами обрушивались подземные ходы и открывались норки величиной с большой палец. Мы подумали было, что это одно из следствий адского зноя, но потом разобрались в сути этого подземного лабиринта. Однажды ночью, после очередного прохода раков-отшельников, наш лагерь подвергся нашествию мышей. Малютки, не больше дюйма длиной, но их было страшно много, и они атаковали все подряд. От неожиданности мы в первую минуту совсем опешили, потом спохватились и начали спасать наиболее уязвимое имущество. Что подвесили на шесты, что убрали в герметичные ящики. Кстати, это нашествие объяснило мне присутствие на Дерраке серо-голубых соколов. Правда, я до сих пор не знаю, как эти крохотные мыши утоляют жажду: может быть, за счет листвы на кустах? Так или иначе наутро все наши бутылки с водой были наполнены мертвыми грызунами. Они ухитрились пролезть через горлышко, а вот выбраться из стеклянной тюрьмы им уже не удалось, и они утонули. Нам остался на все наши нужды всего один бочонок воды, меньше двадцати галлонов.

Первый осмотр острова занял все утро, и часов около одиннадцати, когда зной стал совсем невыносимым, мы живо управились с жареным тунцом и пошли в воду. До половины четвертого, когда поумерилась адская жара, плескались мы в море.

Подводники идут вниз, к «акулоубежищам». На переднем плане – одноместная клетка

И все последующие дни мы проводили самые жаркие часы в освежающих водах лагуны, защищая лицо от солнца широкополыми шляпами. Доктор Франсуа без устали развлекал нас забавными историями, которых у него неисчерпаемый запас, так что середина дня проходила под знаком веселья и

вынужденной праздности. В эти часы температура воздуха достигала тридцати семи градусов в тени, – вернее, достигала бы, будь на острове тень. Но тени не было – только ослепительно белый песок, и его радиация вместе с солнечной в несколько часов превратила бы нас в шкварки.

Во время одного такого купания на доктора Франсуа напали акулы. Наш рабочий день обычно начинался в четыре утра. Управившись с делами и наскоро перекусив, мы отправлялись на пляж. У нас было облюбовано местечко с глубиной всего около метра. Правда, вода здесь была довольно теплая, но все-таки освежала, а ближе к барьерному рифу она и вовсе казалась приятно прохладной. На второй день Жо, как мы прозвали доктора, пошел вброд через лагуну к рифу и вдруг пропал из виду. Вода забурлила, вспенилась, и среди брызг мы различили хвост крупной акулы. Мы ринулись на помощь, но в это время снова показался Жо. Он преспокойно встал на ноги, а под водой вдоль рифа промчался какой-то силуэт и исчез вдали.

С необычной для него лаконичностью Жо рассказал, что произошло. Он не торопясь шел по песку, вдруг дно словно взорвалось, и доктор почувствовал себя, как человек, у которого выдернули из-под ног ковер. Несмотря на полную неожиданность случившегося, он рассмотрел в взбаламученной воде акулу, которая метнулась было в его сторону, но тут, невесть почему, снова повернулась и умчалась прочь.

В этой истории нет ничего необычного, многим доводилось встречаться с песчаной акулой в такой обстановке. И кое для кого неожиданное столкновение кончалось серьезным ранением. Ведь даже у метровой песчаной акулы такая пасть, что она способна своими пусть мелкими, но достаточно острыми зубами отхватить изрядный кусок от жертвы.

Поздно вечером того же дня мы совершили ночное погружение, чтобы испытать наши подводные светильники и, если удастся, добыть на ужин лангустов. Днем их не увидишь, они прячутся от врагов в глубоких норах в коралле. Ночь лишает хищников их преимуществ и становится днем для лангустов; они покидают свои укрытия и добывают себе пропитание на песке и среди кораллов. На острове Абу-Латт в Фарасанском архипелаге я видел лангустов даже на суше, они выходили из моря, чтобы пересечь торчащую из воды коралловую глыбу, которая преграждала им путь.

На глубине около двух метров лучи светильников скользили по кораллам, высекая из них фейерверк поразительных красок. Рыбы с огромными, вытаращенными глазами, на миг окаменев, словно парализованные икс-лучами из научно-фантастического

романа, затем не спеша отходили в сторону, так медленно, что можно было протянуть руку и погладить радужную чешую. Во время таких ночных вылазок я чувствую себя этаким слегка помешанным чародеем. Мой фонарь – волшебная палочка, которая то вызывает к жизни фантастические видения, то стирает их. Выключив его, я какое-то время ничего не вижу, меня облекает черная пустота. Включаю – опять кругом причудливая фантасмагория созданий, над которыми я не властен. Я плыву то быстрее, то медленнее, часто поворачиваюсь на спину и смотрюсь в зеркало, образованное поверхностью воды, а в тонком луче то возникнут, то пропадут ослепительные сказочные картины...

Неподалеку доктор Жо купался в ореоле своего светильника; казалось, он застрял в огромной многоцветной паутине. Он тоже, как и я, тянулся рукой к оцепеневшим рыбам, и в его движениях чувствовалось, как он поражен необычностью такого общения с животными, которые всегда обращались в бегство при виде нас. Своего рода сказание о «Святом Франциске и рыбах».

Внезапно все чудеса кончились. Луч моего фонаря утратил свою волшебную силу и терялся в пустоте. Мы дошли до кромки барьерного рифа, здесь скала обрывалась отвесно вниз на глубину около двухсот метров. Дальше вода казалась черной и безжизненной. Держась за коралловые выступы, мы направили лучи наших светильников в пучину, которая быстро поглощала их мощь.

Неожиданно в моем луче появилась рифовая акула, довольно крупная, метра на четыре. Она медленно пошла вверх по световой дорожке. Приблизившись к источнику света на безопасное, на ее взгляд, расстояние, акула лениво повернулась и не спеша заскользила ко мне. Тело ее переливалось серебристыми бликами, глаза с малюсенькими зрачками казались черными точками. В узком луче моего фонаря очень четко проступали все ее шрамы, напоминающие боевую татуировку грозного воина. В углу рта лоскутки кожи обрамляли свежую ранку. И однако весь облик акулы, как и все ее движения, производили какое-то неожиданное впечатление олицетворенной чистоты – настоящая гравюра на серебре в обрамлении ночного мрака. Несколько секунд следовала она вдоль кромки рифа, потом пошла круто вниз и исчезла.

У меня было тревожно на душе, я чувствовал, что акула не ушла совсем, что она ходит где-то там внизу, и ее маленькие бесстрастные глаза устремлены на нас. Нам повсюду чудились подозрительные силуэты, и, стремясь все рассмотреть, мы светили в разные стороны, так что лучи тускнеющих светильников плясали вразнобой. Я вдруг почувствовал себя

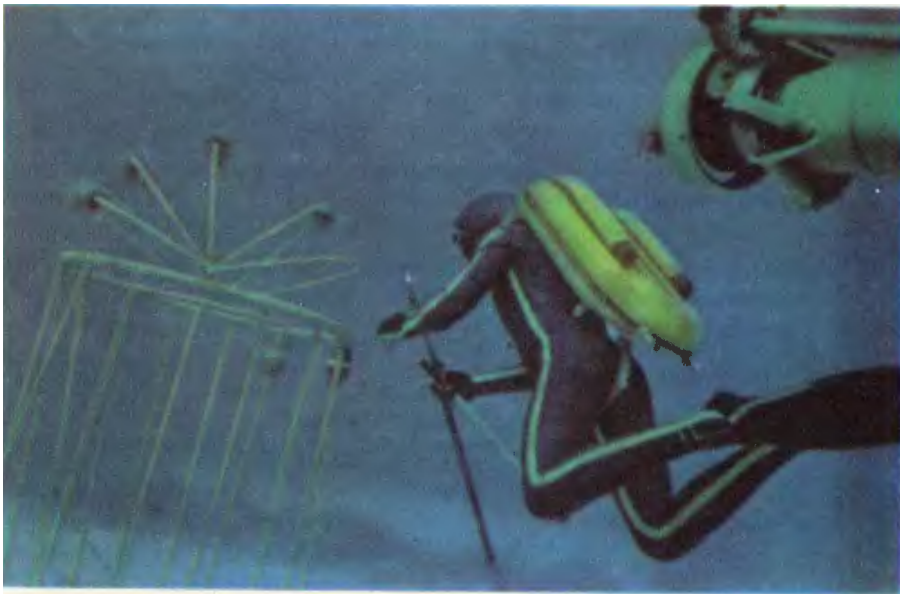
предельно немощным; только что вода казалась такой ласковой, а сейчас она превратилась во врага, вооруженного неведомыми и коварными тварями. Наши светильники и воплощенный в них технический прогресс были всего-навсего жалкими игрушками, которыми мы кичливо размахивали, словно какие-нибудь дерзкие Прометеи. Мнили, будто сможем этими искорками разогнать ночь. А ночь никуда не ушла, она окружала нас могучей, плотной стеной.

Если вы в таком ночном погружении на рифе начнете метаться и суетиться, если перестанете собой управлять, ничего не стоит напороться на острые, как бритва, кораллы и заработать сотни, тысячи маленьких, но достаточно болезненных ранок. В конце концов луч моего фонаря нащупал в ночи еще один силуэт. Опять акула, но не та, которую мы только что видели, длиной поменьше, впрочем от того не менее грозная. Однако я уже освободился от гипнотических чар подводной ночи и вполне отдавал себе отчет в степени грозящей нам опасности. Тщательно страхуя друг друга, мы с Жо пошли обратно к пляжу. На полпути нам встретился «Зодиак». Каноэ посчитал за лучшее выйти за нами, чтобы мы могли, если что, сразу покинуть воду.

Мы поспешили влезть в лодку, повалились на дно и до самого берега лежали, не говоря ни слова, только слушая ночные голоса.

Всю ночь меня преследовало видение большой серебристой акулы. Вообще-то для меня не было новостью, что хищницы и с наступлением темноты не прекращают своих бдительных обходов. Я уже говорил, что у акул в отличие от большинства других рыб нет плавательного пузыря, который позволял бы им оставаться в равновесии на разных глубинах. Если акула остановится, она медленно пойдет ко дну. Всю жизнь она вынуждена непрерывно двигаться. В некоторых районах, изобилующих акулами, рыбаки иногда пробовали глушить их динамитом. Но это пустая затея, ведь убитая таким способом акула никогда не всплывет. Отсутствие плавательного пузыря, а также дыхательной мускулатуры вынуждает акулу плавать безостановочно день и ночь в погоне за пищей и за живительным кислородом. Эта погоня может длиться свыше тридцати лет.

Ложась спать на пляже, я еще долго думал об этом создании, обреченном на непрерывные скитания, на постоянные ласки моря, любовно гладящего тело акулы...



Акул пока не видно, но скоро налетит большая стая!

По лицу Сержа видно, что он весь внимание. Мало ли что может случиться во время погружения, лучше быть начеку

Прежде чем мы расстались с нашим островком, возвратившаяся «Калипсо» приняла участие в заключительном эксперименте. С помощью нашего старпома Поля Зуэна мы разместили в одном из проходов в барьерном рифе целый комплекс для мечения акул. На белый песок, выстилающий дно

широкой впадины, опустили большую клетку для кинооператора. Перед входом в нее, чуть глубже, встали по обе стороны две маленькие клетки для аквалангистов с бандерильями. В центре между клетками находились прозрачные сферические ловушки из полиэтилена, содержащие куски свежей рыбы. Кроме того, в каждой из двух меньших клеток тоже были мешочки с приманкой. Мой отец руководил операцией, находясь на поверхности в лодке; в другой лодке сидел с кинокамерой Раймон Делуар, он должен был снимать сверху.

К двум часам все клетки были расставлены, можно приступать. Для начала мы щедро разбросали кругом приманку. Серж Фулон занял маленькую клетку, слева от входа в большую, я – вторую, справа. Мишель Делуар поместился с кинокамерой в главной клетке; его охранял Каноэ, вооруженный длинной, крепкой «акульей дубинкой». Звено, ходившее с утра на разведку, обнаружило в этом районе изрядное количество сравнительно крупных песчаных и рифовых акул, и я ждал, что они тотчас покажутся из-за скалы, привлеченные запахом свежей рыбы и производимым нами шумом. Так что я был несколько разочарован, когда увидел только одну, потом двух, потом еще двух совсем маленьких – длиной в мою руку – акул, которые шли очень быстро, явно нервничая. Впрочем, мое разочарование продлилось недолго. Одна за другой появились полтора десятка акул, они были заметно возбуждены и напоминали идущую по следу волчью стаю.

Многие аквалангисты пренебрежительно отзываются о мелких акулах, дескать, они пугливые и с ними нечего считаться. Это в общем-то верно, пока акулы ходят поодиночке или маленькими группами. От упомянутых аквалангистов можно еще услышать, что встреча со злой собакой грозит-де куда большими неприятностями. Что до меня, то я предпочитаю собаку, с ней всегда можно так или иначе управиться, если только она не человеком обучена нападать. Акула, хотя бы в ней и метра не было, вполне может оставить самонадеянного подводного пловца без ступни или без кисти. Челюсти у нее побольше, чем у любой собаки, и острейшие клыки отлично приспособлены для того, чтобы перегрызть конечность.

Я поглядел в сторону большой клетки, на Мишеля. Он явно был разочарован не менее моего и приготовился возвращаться на поверхность, но я сделал ему знак, чтобы он подождал. Невозмутимый, как всегда, Серж готовил свое копье для мечения. В несколько минут налетевшая стая разорвала полиэтиленовые ловушки и сожрала помещенную в них рыбу. Я опознал черноперых акул и несколько извивающихся песчаных. Вся наша

маленькая арена была заполнена акулами. Они плавали очень быстро, отскакивая от разноцветных коралловых стен, будто рикошетирующие пули. Очевидно, запах рыбы разошелся по всему окружающему нас пространству, которое можно было назвать относительно замкнутым, поэтому обнаружить источник было почти невозможно, и это еще больше возбудило акул.

Вдруг я сообразил, что такие маленькие акулы вполне могут пройти между прутьями наших клеток. Так оно и вышло. Две чертовки забрались в мою клетку и заметались у меня под ногами, добираясь до вожделенного мешочка с рыбой, который им наконец удалось выследить. Несколько секунд я плясал, словно паяц на веревочке, отбиваясь от них ногами. Выдворив акул из клетки, я решил немедленно избавиться от мешочка и принялся отвязывать его, то и дело отрываясь от этого занятия, чтобы хлопнуть ладонью по прутьям, в которые снова и снова тыкались акульи рыла. Полиэтиленовый мешочек не поддавался. Проклиная Жозе, который от души постарался привязать его покрепче, я извлек нож, образующий рукоятку акульей дубинки, но его забыли наточить, и он никак не мог перепилить найлоновую бечевку. Хоровод акул вокруг меня исполнял неистовую сарабанду. Они хватали зубами все без разбора, впивались в прутья клетки и трясли их, словно остервенелые псы. Сержу явно приходилось не легче моего, а Мишель, как я заметил уголком глаза, знай себе спокойно снимал происходящее.

Одна акула ухитрилась все же проникнуть в клетку сверху и, пока я сражался с ней, ударом хвоста сдвинула мою маску, так что я ничего не видел. Мной овладела бессильная ярость. Да что же это, неужели я допущу, чтобы какая-то мелкая дрянь разорвала меня на части в этой дурацкой клетке! Я сумел поправить маску, сильным выдохом освободил ее от воды, затем открыл верхнюю дверцу. Отталкиваясь ногами и колотя во все стороны руками, я в конце концов выбрался наружу, подплыл к большому «акулоубежищу» и стал спиной к нему, лицом к противнику. Но как только я вышел из своей клетки, акулы тотчас оставили меня в покое и сосредоточили свое внимание на мешочке с рыбой. Вырвавшись из окружения, я смотрел, как они расправляются с ним и с его содержимым. Сержу удалось почти сразу избавиться от своего мешочка, поэтому он остался в клетке и даже ухитрился удачно пометить нескольких акул.

У входа в наш узкий пролив снаружи ходили взад и вперед здоровенные бестии, однако они не пытались проникнуть внутрь. Накрытый нами стол с рыбными блюдами не соблазнил больших акул, мы не учли их отвращения к тесноте. Наверху отец медленно плавал вокруг своей лодки. Это он помог мне прорвать

осаду, бросая куски рыбы в сторону от клетки и отвлекая акул более легкой добычей.

Я даже разозлился, уж очень глупо все получилось. Но остальные так хохотали, что я не выдержал и тоже рассмеялся. И еще долго ребята допытывались у меня, как это я полюбил акул настолько, что затеял обниматься с ними в клетке.

Надо сказать, что это была не первая наша опасная стычка с мелкими акулами. И не последняя, как об этом свидетельствует кошмарная потасовка у рифа Шаб-Араб.

БУРНЫЙ ИНЦИДЕНТ У ШАБ-АРАБА

Прибытие к рифу Шаб-Араб.

Массовое бешенство.

Филипп Кусто продолжает:

Морское дно вырисовывалось черной линией на светочувствительной бумаге нашего мощного эхолота. Обступив моего отца, мы следили за тем, как изящная кривая ползет вверх. Тишина на мостике «Калипсо» нарушалась только спокойным голосом Жика, отдающего команды, и отзывами рулевого.

Штурман Жан-Поль Бассаже наносил на карту наш извилистый курс. Стояла ночь, и лицо Каноэ, склонившегося над плечом моего отца, отражало красноватый свет приборов на пульте управления.

— Пять градусов право по компасу!

— Есть пять градусов.

В палубе отдалась легкая дрожь, и судно повернулось чуть вправо. Мы впервые шли в этом секторе рифа Шаб-Араб.

— Так держать!

— Есть, так держать, капитан.

— Курс?

— Один три ноль, капитан.

— Держать курс один три ноль.

— Есть, капитан.

И снова тишина. Отец переключил эхолот на более крупную шкалу, чтобы показания были поточнее. Самописец задергался чаще, издавая слабый скрип. Я отчетливо представлял себе, как щелчки уходящих импульсов и отраженного дном эха смешиваются в наушниках с плеском волн вокруг судна. Линия, которую выводил самописец, показывала, что у нас всего восемь метров под килем.

— На пятый квадрат, Жан-Поль!

— Есть, на пятый квадрат.

Снова дрожь в палубе, на этот раз явственнее. Судно сбавило ход. Кривая глубины продолжала ползти вверх.

— Стоп машина. Готовиться к отдаче якоря!

Отзыв Жана-Поля прозвучал почти в одно время с голосом старпома.

— Есть, стоп машина.

— Якорь изготовлен, капитан.

Еще несколько секунд «Калипсо» продолжала скользить своим курсом. Дно находилось меньше чем в пяти метрах от киля, и эхолот отметил несколько темных пятен как раз над дном. Прямо под нами проходили косяки рыбы. Атмосфера на мостике была слегка напряженной.

— Отдать якорь!

Лязг якорной цепи в клюзе словно развеял сковавшие нас чары. Вдруг все заговорили, вспыхнуло палубное освещение, завязалась общая беседа. Машины остановились, а судно в целом будто ожило, предвкушая новые увлекательные дела.

Снова, как это уже не раз бывало, мой отец проявил свое глубокое знание моря и всего, что с ним связано. Я восхищался и гордился им. Мне доводилось видеть многих опытных моряков, которые искусно использовали эхолот как очень точное неодушевленное приспособление, но для отца, убежден, эхолот не просто механический прибор. Он привел нас в нужную точку так уверенно, будто ступал по морскому дну, без малейшего колебания, владея судном и стихиями так, как только музыкант-виртуоз владеет своим любимым инструментом. Право же, в этом была какая-то совершенная благозвучная гармония.

Судно стало на якорь у самой кромки кораллового плато, было отдано около десяти метров якорной цепи, и преобладающее течение держало корму над участком с глубиной тридцать-тридцать пять метров – самая подходящая глубина для нашей работы.

На карте Восточной Африки, в заливе Таджура, что находится в сорока милях к северо-северо-западу от Джибути, обозначен штриховкой маленький участок с надписью «риф Шаб-Араб»; правда, тут не обошлось без тавтологии, ведь арабское слово «шаб» означает «риф». Как и все затерянные в море рифы, Шаб-Араб – пристанище всякой морской живности. Понятно, что рифы, предоставляя стол и кров мелким особям, служат, так сказать, продовольственными складами и для хищников из пучины. Мы выбрали для якорной стоянки Шаб-Араб как раз в расчете на то, что найдем здесь множество всяких животных, особенно акул.

Но вот окончательно смолкли моторы, все маневры завершены, и экипаж собрался в кают-компании, чтобы выслушать установку на следующий день. После отца взял слово я, чтобы перевести его наметки на технический язык кинематографии и уточнить роль каждого участника.

Когда мы приходим в новое место, тем более ночью, у меня в душе всегда рождается какой-то нетерпеливый детский восторг. В омывающей судно гладкой черной воде кипит жизнь. То и дело какая-нибудь рыбешка выскакивает на воздух в отчаянной попытке уйти от незримого преследователя, спинной плавник которого молниеносно чертит на воде короткую борозду, прямую и острую, как стрела. От резкого взмаха хвостового плавника рождаются и тут же гаснут крохотные созвездия светящихся частиц – это там, внизу, решился вопрос чьей-то жизни, чьей-то

смерти. Вдруг – громкий всплеск, я всматриваюсь вдаль, но вижу только пересекающие лунную дорожку дуги серебристой ряби. В такие минуты хочется быть всеведущим и всевидящим, как боги...

В четыре утра началась подготовка к выполнению первого пункта нашей программы на день. Мы задумали снять акулу, атакующую рыбу на крючке. Для экспериментов с акулами нам нужна приманка, и мы всегда ловим впрок изрядное количество рыбы. При этом сплошь и рядом бывает, что вытаскиваешь из воды одну голову, а все остальное чистенько срезано. Больше того, иной раз и вовсе ничего не удается поймать. Помню, как лодка под начальством нашего старпома, искуснейшего рыболова Поля Зуэна однажды возвратилась к «Калипсо» с какими-то жалкими остатками рыб, над которыми поработали не то барракуды, не то акулы.

Вот почему мы на этот раз, приступая к лову, установили на одном из наших алюминиевых плоскодонных катеров агрегат из двух кинокамер, погруженных в воду за кормой. Между ними была укреплена еще и телевизионная камера, перекрывающая тот же сектор и соединенная с монитором в лодке. Следя за происходящим по монитору, Мишель Делуар мог в нужную минуту пускать кинокамеры. Естественно, на этой лодке мотор не дал бы ничего снять; поэтому ее буксировал другой катер, с сорокасильным подвесным мотором. Длина буксирного конца была рассчитана так, чтобы киносъемочной лодке не мешали ни волны, ни кильватерная струя от буксировщика. В поле зрения камер, на глубине трех – трех с половиной метров за кормой буксируемой лодки волочилась серебристая блесна.

На рассвете обе лодки были спущены на воду, и через два часа можно было начинать. Эти часы ушли на то, чтобы отрегулировать камеры и натянуть на второй лодке тент, позволяющий Мишелю лучше видеть изображение на экране. Раму для камер придумал и смастерил на борту «Калипсо» наш старший механик Роже Дюфреш, и мы быстро убедились, что она отлично выполняет свою функцию, крепко держит камеры и гасит любую вибрацию.

В первые же минуты Поль Зуэн без труда наловил полсотни килограммов рыбы, в том числе одного тунца, две-три барракуды и несколько лакедр. Мишель снимал, как рыбы гонятся за блесной и хватают ее и весь последующий поединок между ловцом и добычей. Но вот появилась первая акула. Атака развилась совсем не так, как мы предполагали, основываясь на нашем опыте. На леске уже минуты две или три билась скумбрия весом восемь-девять килограммов, когда Мишель увидел на экране монитора акулу, идущую следом за нашей отчаянно

сопротивляющейся добычей. Почти одновременно Поль заметил треугольный плавник, рассекающий воду за кормой лодки. Мишель приготовился нажать тумблер, соединенный со спуском камеры, однако акула явно не спешила. Она просто скользила за скумбрией без видимого усилия, выдерживая дистанцию в один метр. Атака состоялась лишь после того, как Поль начал выбирать леску. Акула стрелой метнулась вперед, промчалась рядом со скумбрией, вроде бы и не 105 коснувшись ее, на миг заслонила поле зрения телекамеры и исчезла. Все произошло так неожиданно, что никто не успел отреагировать, хотя все были начеку. И только окровавленная рыбья голова, которую Поль извлек из воды, неопровержимо свидетельствовала о том, что атака состоялась. Зубы акулы рассекли скумбрию на две части сразу за жабрами. Вся казнь, оставившая след в виде безупречного, четкого полукруга, заняла какую-то долю секунды.

Эта встреча запомнится! Не часто видишь такого здоровенного морского окуня. Он нацелился на приманку, которую Серж приготовил для акул

А так приманка досталась окуню. Но у Сержа есть еще в запасе пойманная утром барракуда, и он приманивает акул

Целое утро Мишель снимал атаки, то медленные и осмотрительные, то грозные и молниеносные. Один раз акула, заглотав всю рыбу, сама оказалась на крючке. Но леска не была рассчитана на такой вес, и хищница сразу ее оборвала. Около полудня Мишель и Поль с помощниками вернулись на «Калипсо», утомленные жарой и нервным напряжением, но очень довольные тем, что успешно справились с заданием. Взятого ими улова было вполне достаточно для работы, намеченной на вторую половину дня.

Для первого погружения мы поставили такую задачу: Серж метит возможно больше акул и подстреливает какую-нибудь рыбу в окружении акульей стаи, чтобы мы могли проследить за реакцией хищниц. Он займет большую стальную клетку, я – маленькую алюминиевую; чугунные чушки-якоря удерживали ее примерно в двух метрах над дном. Две телекамеры (по одной в каждой клетке) позволяли моему отцу и доктору Юджини Кларк следить за нами, находясь на мостике «Калипсо». Я взял с собой две кинокамеры, чтобы снимать все, что будет происходить вокруг Сержа и большой клетки.

Опалового оттенка вода была такой прозрачной, что я чуть не от поверхности различил дно на глубине около двадцати пяти метров. Вдоль красного корпуса «Калипсо» медленно ходило взад-вперед не меньше дюжины акул. Они не показались мне ни особенно крупными, ни очень агрессивными, но уже то, что их было так много, сулило известные неприятности. Над самым

дном скользили еще силуэты, но искаженные бороздами на дне тени не позволяли определить их размеры или количество. Сверху акулы, бесцельно ходившие вокруг удлиненной тени «Калипсо», выглядели особенно ловкими и юркими.

Клетка Сержа мягко легла на дно в облачке взмученного песка, которое тут же развеялось. Мой товарищ двигался грациозно, как солист балета. Вот он отворил дверцу, выскользнул наружу и развернул клетку к солнцу. Здоровенная морская черепаха, которой не было никакого дела до акул, медленно подгребла к клетке и уставилась на нее в упор, словно близорукий старик. Серж предложил ей кусок рыбы, но черепаха пренебрегла его даром, повернула и удалилась, размеренно работая передними ластами, похожими на весла. Чем-то она напомнила мне стариков, что сидят и греются на солнце в какой-нибудь испанской деревушке, лишь изредка собираясь с духом сделать несколько шагов и навестить соседа.

Акул становилось все больше, их уже собралось, наверное, около полусотни, но они по-прежнему двигались как-то медленно и апатично.

Я не сразу заметил огромного групера, который прошел справа от меня и опустился на песок примерно в метре от Сержа. Он был иссиня-черный, длиной не меньше двух метров и почти такой же окружности. Рот его размеренно открывался и закрывался, гоня воду через жабры. Голову пересекал страшный белый шрам, один грудной плавник был почти напрочь оторван. Груперы выглядят очень грозно, от них буквально веет грубой силой. Маленькие глаза всегда насторожены, и мне доводилось видеть, как их обладатель с места развивает страшную скорость.

Серж бросил груперу рыбу, отвергнутую черепахой. Приманка опустилась на песок сантиметрах в тридцати перед великаном, а тот, не трогаясь с места, только чуть шире разинул пасть, и рыба исчезла, увлеченная потоком воды. Поразительное зрелище – настолько поразительное, что я даже забыл про акул, а между тем они явно начали нервничать. Серж продолжал бросать угощение груперу, тот снова и снова втягивал ртом воду, и куски рыбы словно сами прыгали в пасть и исчезали в глотке. (Впоследствии, когда мы с Каноэ встретились с групером, который был вдвое больше этого, мне сразу вспомнилась эта сцена...) Под конец Серж швырнул груперу барракуду килограммов на девять. Она была проглочена так же легко и молниеносно, как и маленькие куски, после чего групер соизволил зашевелиться и удалился так же невозмутимо, как пришел.

Тем временем акулы бойко ходили между нашими клетками туда-сюда; правда, они казались чуть более нервными, и

движения их стали чуть порывистее, чем прежде. Серж принялся разбрасывать крошки рыбы, чтобы запах пропитал воду и привлек акул поближе к его копью для мечения. Тотчас акулы образовали тесный круг, и началась обычная карусель. Отовсюду сходились еще акулы, мне уже казалось, что их сотни. Здесь были представлены по меньшей мере четыре различных вида и все размеры, от совсем маленьких до двухметровых. В трехметровом просвете между клетками я насчитывал одновременно до семи акул. Они почти совсем заслонили мне Сержа. Движения их стали стремительными, иные вдруг поворачивали на сто восемьдесят градусов, чтобы схватить несколько крошек рыбы. Серж безостановочно работал копьем, вонзая маленькие бандерильи у спинного плавника хищниц, и всеобщее возбуждение достигло такой степени, что на моих глазах одна акула бросилась на другую и сорвала с нее оранжевую бирку.

Казалось, само море обезумело, нас окружало сплошное месиво беспорядочно мечущихся тел. Я отступил в дальний угол своей клетки, потому что дверца была распахнута, а я не мог ее затворить. Серж выкинул голову колючей скумбрии величиной с футбольный мяч, и акулами овладело полное исступление. Десять хищниц вместе спикировали на приманку и затеяли яростную драку из-за нее. Чтобы снимать их, мне пришлось высунуть из клетки голову и плечи, в это время одна акула ухитрилась наполовину протиснуться между прутьями внутрь. Бросив камеру, я уперся в бестию обеими руками и вытолкал ее наружу. При этом я оцарапал руки о шершавую кожу вокруг ее челюстей; к счастью для меня, она не воспользовалась случаем отхватить мне пальцы. Используя минутную передышку, я снова взял камеру, но только занял более безопасную позицию в клетке, как другая акула с лету боднула рефлектор светильника.

Положение становилось критическим. Акулы яростно хватали зубами все подряд и в бешенстве дергали головой, вырывая друг у друга куски рыбы. Одной из них удалось забраться в клетку Сержа, и ему пришлось выдворять ее ударами копья. Тем временем другая акула стащила у него мешок с рыбой и бросилась наутек, преследуемая всей шайкой. Можно сказать, нам повезло, потому что теперь мы смогли прийти в себя и навести порядок в клетках. В воде повисла муть, и видимость заметно ухудшилась. Я поглядел на счетчик кинокамеры, проверяя, сколько пленки осталось, и решил поснимать еще. Светильник продолжал действовать, и я кое-как вернул рефлектору его первоначальную форму. Серж в это время усердно выпрямлял погнувшееся копье.

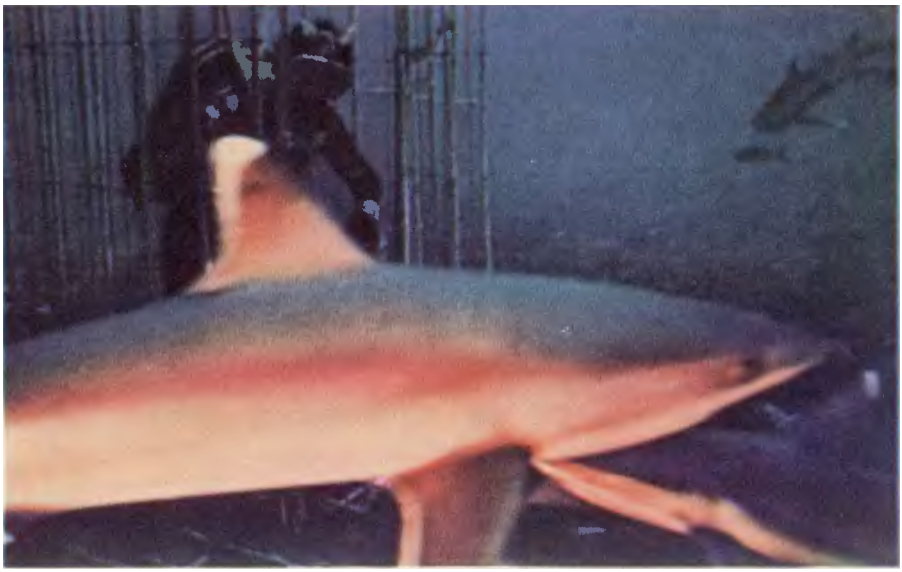
Управившись с этим делом, он поглядел на меня. Я кивнул

ему, тогда он снял со стенки ружье для подводной охоты, прицелился в небольшую акулу и с первого выстрела пронзил ее насквозь. Я ожидал, что вся стая набросится на жертву, но вышло как раз наоборот. Остальные акулы сразу поумерили свой пыл и отошли от клеток подальше. Это меня поразило. Я столько наслышался о каннибализме акул: откуда у них вдруг такая робость и подозрительность? Можно подумать, они уразумели, что мы опасные существа и нас надо остерегаться. Серж рванул линь и выдернул стрелу; раненая акула поплыла прочь, за ней расплывалось в воде облако крови. Остальные акулы расступились, пропуская ее, но затем пошли за ней следом, соблюдая некоторую дистанцию. Может быть, решили подождать с расправой, пока она уйдет подальше от опасного места? Не знаю. Во всяком случае, как только она удалилась, акулы снова настроились на воинственный лад, и закружился грозный хоровод.

Серж выстрелил снова, но теперь уже в красного окуня. Рыба была крупная, сильная, и ее отчаянное сопротивление вызвало новый взрыв бешенства у акул. Мощным рывком злополучный морской окунь освободился от стрелы, но в ту же секунду одна из акул выхватила зубами кусок мяса из его спины. Обреченного беглеца каким-то образом занесло в мою клетку, и я прижался к прутьям, отбиваясь от его разъяренных преследовательниц. Клетка буквально гудела, казалось, она сейчас разлетится вдребезги под бешеными ударами остервеневших бестий. В конце концов окунь вырвался наружу, и тут же был разорван в клочья.

В облаках темно-зеленой крови вокруг меня метались одержимые слепой яростью свирепые хищницы... Я представил себе, как отец, наклонившись над телевизионными экранами, наблюдает эту безумную свистопляску.

Кусок рыбы отнесло к клетке оператора, и акула торпедой ринулась за приманкой. Виден подводник в «акулоубежище»



Две акулы уже нашли приманку, остальные еще не разобрались в запахах

Рассказывает Жак-Ив Кусто:

Да, телевизионная установка (по одной подводной камере в каждой клетке и два приемника ограниченной сети в штурманской рубке «Калипсо») позволяла нам видеть все, что происходило с Филиппом и Сержем или с Каноэ и Хосе Руисом. И

надо сказать, эта программа пользовалась большим успехом... Механики, кок, врач, матросы – все собирались на мостике и толпились за моей спиной, жадно глядя на два экрана, которые одновременно отражали происходящее под разным углом зрения. Обернувшись, я видел сверкающие глаза моих товарищей и мог судить, как сильно действует на воображение людей акула. Наэлектризованная атмосфера, возникающая вокруг телевизионных экранов всякий раз, когда мы погружаемся в районе, где водятся акулы, в точности напоминает обстановку на арене в ту минуту, когда матадор наносит быку смертельный удар. Я не знаю другого подводного эксперимента или эпизода, в котором так обнажалась бы душа членов нашей команды, а ведь они больше пятнадцати лет сталкиваются с акулами.

Для меня телевизионный экран – несравненное средство наблюдения. Сжимая в руке самопишущую ручку, я от начала до конца каждого погружения клеток пристально слежу за двумя мерцающими, подрагивающими картинками и стараюсь записывать каждую мелочь, все, что может помочь нам узнать еще хоть что-то о мотивах, которые направляют поведение акул. У работающего под водой кинооператора и у меня есть радиотелефон, так что я непрерывно поддерживаю связь с клетками. Все, что говорится в микрофон на корабле, отчетливо слышно на дне моря, а вот то, что нам сообщают из клеток, подчас не так-то просто разобрать. От сжатого воздуха на глубине двадцати метров голоса аквалангистов становятся слегка гнусавыми, да и бульканье пузырьков воздуха, вырывающихся из легочного автомата, заглушает отдельные слова. Вот почему я даже предложил вызывать нас только в тех случаях, когда нужно передвинуть клетки или вообще прекратить эксперимент из соображений безопасности.

После того как клетки подняты на борт, аквалангисты непременно приходят ко мне и делятся своими личными впечатлениями. Потому что люди, очевидцы происходящего – самый чуткий прибор во всех наших опытах. Живой участник, испытавший на себе весь ход эксперимента, – основной источник нужной нам информации. Он отмечает целый ряд деталей, которые могут показаться незначительными, но я тщательно все записываю, и потом для каждой детали находится место в общей картине. Подводное телевидение никак не может заменить прямого наблюдения человеком, но оно обеспечивает мне непрерывную связь с группами, сменяющими друг друга под водой. И это тоже помогает мне обобщать доклады всех аквалангистов.

Погружения с использованием клеток требуют долгой

подготовки и сами по себе достаточно сложны. В ходе нашей экспедиции состоялось двадцать три таких погружения средней продолжительностью по тридцать пять минут, на глубину от восьми до тридцати метров, в разное время дня и ночи. Пока на «Калипсо» работала доктор Юджини Кларк, она часто приходила в штурманскую рубку, чтобы вместе со мной наблюдать за телевизионными экранами, и очень помогала нам разобраться в том, что происходило под водой.

Шаб-Араб, который Филипп уже так наглядно описал, буквально кишит жизнью. На то, чтобы наловить сто килограммов рыбы (столько мы скармливаем каждый день акулам), уходит от силы полчаса. И акул в этом районе предостаточно, однако их не всегда удается обнаружить, поэтому я склонен думать, что они ходят стаями, как волки. Вместе с тем проведенное нами у Шаб-Араба мечение показывает, что здешние акулы относительно оседлы. Размеры всякие, есть настоящие чудовища, но средняя величина – она отражает и средний возраст – меньше, чем у рифовых акул района Суакин в Красном море.

Шаб-арабские акулы быстро свыклись с нашим присутствием и как будто поняли, что от нас можно ждать корма. Несколько раз мы видели, как они проникают в клетки, и нас, наблюдавших сверху, это зрелище пугало сильнее, чем самих аквалангистов. Впрочем, акулы в таких случаях никогда не бросались на человека, все их усилия были направлены только на то, чтобы поскорее вырваться из заточения. Возбуждение длится лишь до тех пор, пока есть корм. Как только наши полиэтиленовые мешки пустеют, акулы поворачиваются и уходят.

Крупная акула не любит, чтобы какая-то мелюзга раньше нее схватила лакомую рыбу. Она гонится за соперницей с оскаленными зубами, только что не рычит, так и кажется – сейчас убьет, а на самом деле даже не укусит. Огромные акулы-няньки способны есть из рук аквалангиста, но стоит им получить особенно заманчивый кусок, как тотчас является какая-нибудь белоперая и буквально вырывает у них добычу изо рта; с более крупной представительницей своего собственного вида белоперая никогда не посмела бы так поступить. Все акулы предпочитают свежую рыбу мороженой, однако сразу надуваются, если мы предложим им вчерашний улов.

Казалось бы – успокоительные наблюдения, но все они теряют силу, когда акулами овладевает бешенство, о котором говорил Филипп. В таких случаях мы, сидящие в безопасности в рубке, невольно ощущаем тревогу, которая переходит в ужас. Дважды дело доходило до того, что я вмешивался и прекращал эксперимент, отдавая команду, чтобы клетки подняли на борт.

Идет невообразимая толчея из-за добычи

Наконец одной акуле удается улепетнуть с лакомым куском

Рассказывает Филипп Кусто:

Я всегда с удивлением вспоминаю эпизод, о котором рассказывал выше, ведь мне самому довелось наблюдать по меньшей мере один случай с совершенно иным исходом, когда раненая акула вызвала у других акул не робость и не

подозрительность, а каннибальское исступление.

Стоя на якоре около рифа в Красном море, мы решили взорвать в барьере проход, чтобы наши лодки могли войти в лагуну. Эжен Лагорио, которому была поручена эта операция, решил проверить герметичность электрического запала, не подвергая опасности никого из людей на борту, и бросил его в воду, соединив проводами с взрывной машинкой. В ту самую секунду, когда Эжен включил контакт, запал проглотила невесть откуда вынырнувшая небольшая акула; должно быть, ее привлекла блестящая латунная оболочка. Не успели мы опомнится, как послышался глухой взрыв, и акула медленно пошла ко дну, оставляя за собой кровяной след. Чуть ли не в ту же секунду внезапно появилась здоровенная Carcharhinus albimarginatus, метнулась к нашей злосчастной жертве и одним движением челюстей рассекла ее на две части. Развернулась на сто восемьдесят градусов, проглотила остатки и удалилась с полным брюхом. Так мы еще раз убедились в непостоянстве реакции акул. Видно, их поведение определяется факторами, которых человек с его притуплённым восприятием просто не улавливает.

В этой связи хочется отметить еще одну вещь, связанную с индивидуальностью акулы – да-да, у акулы, при всей ее видимой примитивности, есть своя индивидуальность.

Когда вы приступаете к работе в новом районе, без труда удается в короткий срок пометить определенное количество акул. Но потом начинаешь замечать, что все акулы, которые подходят за приманкой, уже мечены. И вот тебя окружают сплошь одни акулы с бандерильями на спине, а о других, которые упорно держатся поодаль, ты так ничего и не узнаешь. И это отнюдь не особенность одного какого-то вида, мое наблюдение относится абсолютно ко всем видам.

Я вижу только одно разумное объяснение: среди акул одного вида и одинакового размера есть и более, и менее смелые. Для меня это важное открытие, ведь именно через него я пришел к тому, чтобы изучать акул и восхищаться ими, а не просто воспринимать их как красивые, но потенциально опасные существа.

Накопленный опыт позволяет нам в большинстве случаев оценивать атмосферу при погружениях в районе, где водятся акулы. Войдешь в воду, и уже можешь примерно предугадать, насколько бурной будет коррида, понадобится ли нам защита или можно обойтись совсем без клеток. Правда, слишком полагаться на свои оценки тоже опасно, очень уж часто мы убеждались, что реакции акул непредсказуемы и порой идут вразрез со здравым

смыслом.

После бурного инцидента у Шаб-Араба мы вечером того же дня решили совершить ночное погружение. Клетки на этот раз поставили не рядом, а друг на друга, чтобы кинооператор мог сверху снимать происходящее крупным планом.

Не успела нижняя клетка коснуться воды, как на нее со скоростью ракет налетела шайка акул. Они кусали стальные прутья, оборвали электрические провода и разбили несколько подводных светильников. Возвращавшаяся с рекогносцировки алюминиевая плоскодонка подверглась яростной атаке, акулы даже покусились на винт подвесного мотора. Однако, судя по расплывшимся в воде облачкам крови, эта мощная бормашина рассекла не одну челюсть. Тем не менее кое-чего они добились: сорокасильный мотор заглох, полетела шпонка винта. Каноэ предусмотрительно велел немедленно поднять клетки, и эксперимент был отложен на следующий день.

На другое утро около «Калипсо» ходила лишь одна маленькая акула, и до самого вечера она так и оставалась в одиночестве. Что за таинственная причина заставила акул уйти? Мы узнаем это лишь после того, как научимся анализировать всевозможные вибрации и еще неведомые нам запахи и звуки, составляющие секретный код обитателей моря.

Немало интересных встреч с акулами было у нас во время эксперимента с «Коншельфом-2» в Красном море. Давайте же посмотрим, что они дают для понимания нрава акул.

АКУЛЫ И ПОДВОДНЫЕ КОЛОНИСТЫ

О «Коншельфе-2» и акулах.

Встреча «ныряющего блюдца» с глубоководной акулой.

Филипп Кусто рассказывает:

Я затянул потуже петлю на щиколотках отца, легонько тронул его за плечо, отплыл назад метра на два и выбрал слабину. Он дернул ногами веревку, что означало «пошел», и в ту же секунду тихо застрекотала камера. Я поплыл прямо, постепенно наращивая скорость в меру своих сил. Оглянувшись через плечо, я совсем близко увидел два ярко освещенных иллюминатора и на их фоне – четкий силуэт моего отца, которого я буксировал ногами вперед в гущу подводной ночи. Темная вода была совсем теплой и полной светящихся частиц, которые прорезали мрак, словно падающие звезды. Часто и энергично дыша, я плыл с предельной скоростью, и когда оглянулся вторично, окна подводного дома были уже далеко. Но я еще различал движущиеся фигуры перед иллюминаторами. Новый рывок за веревку – я остановился; под маской у меня по лбу и носу сбегали капельки пота. Я повернулся, быстро снял петлю с ног отца, и мы поплыли обратно, к подводному селению «Коншельф-2».

Ночью наша база издали напоминала космическую станцию из научно-фантастического романа. Разноцветные вращающиеся маячки справа обозначали контуры ангара для «ныряющего блюдца», в центре – главный комплекс «Морская звезда» с двумя обсервационными окнами, и внизу – глубоководную кабину. Кругом были разбросаны будки, в которых хранилось снаряжение для повседневных работ. Подводный дом покоился на песке на глубине одиннадцати метров, под коралловой стеной барьерного рифа в атолле Шаб-Руми, в южной части Средиземного моря. Нижняя кабина была подвешена в пятнадцати метрах ниже у вертикальной коралловой стенки в основании рифа. Продолговатое днище «Калипсо» над нами отражало зеленые и красные вспышки маячков. Мы поспешили вернуться под надежный кров главного дома.

Эксперимент «Коншельф-2» был задуман для того, чтобы показать возможность работы обитаемых подводных станций. Он состоялся в 1963 году. Мы выбрали место с предельно суровыми условиями, подальше от всех центров снабжения. Если здесь, у пустынного суданского побережья, опыт удастся, можно будет достичь того же самого в любом уголке земного шара. Отряд из шести аквалангистов прожил месяц в главном подводном доме, а два океанавта провели две недели в нижней кабине. Профессиональные и непрофессиональные подводные пловцы,

вошедшие в состав отряда, испытывали новые газовые смеси и целый день выполняли ту или иную работу под водой. В «Морской звезде» биологическая лаборатория под руководством профессора Весьера изучала экологию рифа и микроорганизмы. Исследования по программе «Коншельф-2» включали также взаимоотношения между обитаемой станцией и естественной подводной средой.

Все подробности эксперимента фиксировались на кинопленке; из отснятого материала потом был смонтирован фильм «Мир без солнца». Как раз для съемки одного из эпизодов будущего фильма мы с отцом и ходили в описанную только что ночную вылазку. Первые кадры – окна дома крупным планом, а затем отход в темноту. Отец держал камеру, и я протащил его около ста метров ногами вперед. Эффект был таким фантастическим, что многие, видя эти кадры на экране, посчитали их инсценировкой. Нет, они были сняты на натуре, и я до сих пор помню, что я чувствовал, плывя в кромешном мраке, где – об этом расскажет отец – таились многочисленные акулы.

Месяц работы на морском дне помог нам лучше представить себе, как будут складываться отношения подводных колонистов с окружающей их средой, когда человек всерьез приступит к освоению шельфа. Естественно, нас больше всего занимала проблема взаимоотношений между будущими колонистами и акулами.

Типичный риф для Красного моря и Индийского океана. Он обрывается на глубину нескольких сот метров. Подводник укрылся на полке от акул

Рассказывает Жак-Ив Кусто:

Проблема акул играла важнейшую роль в наших приготовлениях, и, как всегда, когда имеешь дело с акулами, все вышло иначе, чем мы предполагали. Недаром акулы были одной

из самых популярных тем на борту обоих судов и в подводных обителях у Шаб-Руми.

— Куда подевались все здешние акулы? — спросил однажды Альбер (Бебер) Фалько во время подводного обеда в «Морской звезде». — Я обследовал рифы у суданского побережья на восемьдесят с лишним миль и всюду видел акул. Особенно много их было здесь, у Шаб-Руми. Я даже сомневался, стоит ли предлагать это место для эксперимента. И в первые недели, пока мы ставили дома, акулы нас без конца беспокоили. Куда же они подевались теперь?

— Они здесь, Бебер, никуда не ушли, — ответил я. — Ты сам вчера видел несколько штук у Южного мыса. Кьензи передает, что видит их каждый раз, когда идет на погружение из «Нижней кабины». И когда я с катера слежу за ночными погружениями, я всегда беспокоюсь, потому что вижу акульи плавники в какой-нибудь полусотне метров от фонарей аквалангистов.

— Здесь та же история, что на всех акульих промыслах, — заметил Дюма. — Все, кто рассчитывали сколотить себе состояние на акулах, будь то в Южной Африке или Австралии, в Таджурском заливе или у Дакара, рано или поздно вынуждены были сдаваться. Месяц-другой берут сказочные уловы, а потом вдруг акулы исчезают. И в Джибути было так же. В 1930 году море там кишело акулами, но как только порт начал расширяться, все они ушли куда-то...

Мне доводилось лично встречаться со знаменитым охотником на акул капитаном Янгом, написавшим классическую книгу об акулах, и с двумя замечательными женщинами – Анитой Конти и ее подругой Пакереттой, которые организовали крупную фирму по промыслу акул в Конакри. Все они говорили мне, что акулы быстро смекают, в чем дело, и уходят из районов промысла.

Правда, здесь, у Шаб-Руми, мы с самого начала старались возможно меньше нарушать естественный ритм жизни рифа. Я запретил подводную охоту, мы даже лов рыбы с поверхности свели к минимуму. Когда нам нужна была рыба, отправляли лодки за пять миль от рифа. Часто мы подкармливали мурен, окуней, спинорогов и даже барракуд. Мурены ели у нас из рук. Спинороги метали икру у самого входа в наши подводные дома; одного из них наш подводный кок Пьер Жильбер совсем приручил. Несмотря на то что мы все время плавали туда и обратно, в каких-нибудь десяти метрах от нашего поселка, в трещинах, продолжал ночевать злющий касабе (Chloroscombrus chrysurus). Нас признала даже огромная барракуда, которую мы прозвали Жюлем. Мы рассчитывали, что акулы тоже останутся на месте, и запаслись всем необходимым, чтобы изучать их

поведение без риска для себя и опасности для них.

Но акулы, как говорится, не клевали ни на какие приманки. Даже соблазнительное зрелище живой рыбы в хрупких полиэтиленовых садках не прельщало их. Они предпочитали держаться на почтительном расстоянии. Конечно, мы знали, что они где-то тут, недалеко, просто круги, которые они описывали, огибая дома, стали шире. На нашу территорию акулы заходили только украдкой, да и то по ночам.

В полукилометре от подводного селения, возле южной оконечности атолла Шаб-Руми, по-прежнему можно было увидеть много пелагических рыб и акул. Одна из них, крупная тигровая акула, явно была старожилом. Она считала Шаб-Руми своим домом и ходила вокруг нас каждый раз, когда мы вторгались в ее владения. (Филипп уже рассказывал о ней: это она несколько дней не решалась проглотить испорченное мясо, которое мы выбросили на ее участке).

На третьей неделе эксперимента «Коншельф-2» мы решили собрать геологические образцы на рифе с разной глубины.

Арман Давсо вооружился маленькой кувалдой и зубилом, я взял подводную кинокамеру, чтобы снимать его, Филипп захватил две запасные камеры, и мы пошли. Редко приходилось нам идти вниз так быстро, как в этот раз, ведь надо было не отставать от Давсо, который погружался, как топор, из-за тяжелого молота. Слева промелькнула «Морская звезда», затем справа – «Нижняя кабина». На глубине сорока пяти метров отвесная коралловая стенка упиралась в серый песчаный откос, который тянулся около тридцати метров до второго обрыва. Здесь, на самом краю подводной ступени, стояло одно из наших пяти малых «акулоубежищ» для океанавтов, связанное сигнальной системой со штабом в «Морской звезде». Мы очень тщательно устанавливали и испытывали эти «акулоубежища», но воспользоваться ими так и не пришлось.

На глубине семидесяти метров мы остановились. Наведя объектив на большую коралловую глыбу, я нажал спуск, и Давсо принялся долбить глыбу кувалдой. Глухой звон нарушил безмолвие пучины. И чуть ли не в ту же секунду я увидел в видоискателе двух больших белоперых акул. Они появились из голубой толщи и ринулись прямо на стоявшего к ним спиной Давсо. Я крикнул в загубник, но Давсо не услышал меня и продолжал стучать кувалдой. Тогда Филипп, выполняя роль телохранителя, поплыл навстречу акулам. Они медленно изменили курс, прошли мимо Давсо, покружили около нас и исчезли так же внезапно, как появились. При всем желании мы просто не успели бы укрыться в «акулоубежище». Громкий стук

привлек акул так же, как их привлекают взрывы, но решительные действия Филиппа смутили бестий.

Как только были взяты нужные образцы, мы пошли обратно, не спуская глаз с массивной фигуры Давсо, который карабкался вверх по скале, словно альпинист. И только на борту «Калипсо» Арман услышал от нас, какое зрелище он упустил из-за своего усердия.

Похоже, что акулы избегают тех мест, где развивает свою деятельность человек, подобно тому как тигры в Индии сторонятся городов и деревень. Из этого следует, что обитаемым подводным станциям, которых, несомненно, будет все больше, нечего опасаться акул. Но почему же, спрашивается, акулы уходят, ведь человек – новичок в океане, и они его совсем не знают? Мне видится тут связь с явлением, которое мы часто наблюдали в открытом море, – я подразумеваю стаи грозных океанических акул, идущих на почтительном расстоянии за китами и дельфинами. Может быть, акулы как-то отождествляют нас с этими морскими млекопитающими? Если моя догадка верна, акулы без колебаний нападут на человека, который плывет один или попал в беду, однако предпочтут держаться на почтительном расстоянии от наших коллективных установок.

... Было уже 9 часов вечера, пора заканчивать обмен мнениями об акулах, прощаться с океанавтами – хозяевами «Морской звезды» и возвращаться на «Калипсо». В кабинке для переодевания Дюма, Фалько и я облачились в скафандры. Я предложил моим товарищам сделать обход нашего подводного поселка, прежде чем подниматься на поверхность.

Вода во входном люке плескалась, словно в маленьком бассейне. Один за другим мы опустились в люк и оказались взвешенными во мраке. Нас окружали стальные прутья – ограждения против акул; включив герметичные фонари, мы выплыли из этой большой клетки, которая в общем-то оказалась ни к чему, поскольку акулы ушли.

Сначала мы не спеша подплыли к ангару «ныряющего блюдца». Проникнув внутрь нашего подводного гаража, я высунул голову из воды. Маленькая подводная лодка была на месте, и красный сигнал на пульте говорил о том, что идет зарядка аккумуляторов. Закончив осмотр ангара, мы вернулись в море. Коралловый шельф обрывался крутой ступенькой, и вот мы уже различаем вертикальный цилиндр «Нижней кабины», стоящей на глубине двадцати шести метров. Подойдя к ней, я заглянул в иллюминаторы. Кьензи и Портлатен выключили свет – очевидно, решили поспать, несмотря на жару и высокую влажность внутри кабины.

Я немного поколебался, прежде чем идти дальше вниз. В это время ночи от узких лучей наших фонариков было мало проку, и чернота под нами казалась средоточием всяческих ужасов. Мы погрузились до подножия скалы и пошли вдоль следующей ступени на глубине сорока пяти метров до глыбы черного коралла, где стояло, напоминая огромную ловушку для лангустов, «акулоубежище» номер один. Кажется, там впереди чей-то длинный силуэт и отливающий зеленью глаз? Мы повернули обратно и начали восхождение по скале. Около наших четырех кубических садков парила стайка ярких рыб. Над нами, несколько мористее, виднелся тусклый огонек. Он привел нас к «Калипсо». Под кормой, подле трапа, по которому мы поднимались на борт, висел натянутый железным грузом десятиметровый конец. Во избежание кессонной болезни нам полагалось выждать здесь сорок минут, держась в темноте за веревку, в обществе барракуды Жюля, который отнюдь не отличался тихим нравом.

Хорошо на душе от такой красоты... Это не ложная романтика, а чистая поэзия

... «Калипсо» стоит на якоре чуть юго-западнее острова Сокотра, расположенного в северной части Индийского океана, недалеко от Аденского залива. Глубина здесь около ста метров. Вахтенный офицер Анри Пле докладывает мне, что «блюдце» готово. Несмотря на жару, надеваю свитер: внизу будет

прохладно. «Блюдце» покоится в своей люльке на корме. Мы с Фалько взвешиваемся на медицинских весах, полученные цифры записывают мелом на черной доске. Арман Давсо подводит итог и решает добавить немного воды в балластную цистерну «блюдца». Эта добавка обеспечит маленькой подводной лодке приблизительное равновесие.

Мы с Фалько втискиваемся в «блюдце». Пока он тщательно задраивает люк, я налаживаю подачу кислорода, включаю воздухоочистительную систему, проверяю аккумуляторы и давление масла, снимаю показания гироскопического компаса. Затем я сверяю наши часы, и Фалько включает магнитофон. После этого он докладывает механику «блюдца» Жаку Ру, что все в порядке. Мы вытягиваемся ничком на поролоновых матрасах, длина которых рассчитана так, что голова наблюдателя оказывается как раз перед иллюминатором. Внутри «блюдца» стоит негромкий, ровный гул, как на заводе. Одни моторы работают непрерывно, другие автоматически включаются и выключаются под щелканье реле. Управляемый Морисом Леандри гидравлический кран извлекает «блюдце» из люльки. Несколько секунд мы плавно качаемся в воздухе, но вот «блюдце», подчиняясь опытной руке Мориса, мягко, с чуть слышным всплеском, словно шелк прошелестел, ложится на воду.

Почти сразу замечаю двух акул, которые кружат неподалеку от нас. Христиан Бонничи, провожающий «блюдце» под воду, выполняет обычные операции, не спуская глаз с акул. Сперва протирает плексигласовые иллюминаторы, потом по сигналу Фалько забирается на крышу «блюдца», чтобы отключить телефон и отцепить последний найлоновый линь, соединяющий нас с внешним миром. Медленно начинаем погружаться. Эхолот четко рисует кромку рифа на глубине девяноста метров. Несколько минут, и мы уже приземляемся на серой площадке, выстланной илом и щебнем. Фалько сбрасывает 25-килограммовую чушку, обеспечившую погружение, и для полного равновесия откачивает несколько литров воды. Затем он пускает наш главный движитель – двойной водомет, сопла которого выбрасывают назад мощные струи воды, – и мы идем на юг, где склон всего круче.

Глубина сто метров, здесь проходит четко обозначенный рубеж между склоном и обрывом. Как и в Красном море, видим нависающий над обрывом «тротуар». До наших работ никто не знал об этом «тротуаре», его не обнаруживали никакие приборы, никакие, даже самые чувствительные эхолоты. Речь идет о строго горизонтальном карнизе шириной от двух до десяти метров, который окаймляет все гряды, все рифы, все острова и затопленные вулканы на глубине сто десять-сто двадцать метров.

Наше открытие, сделанное исключительно благодаря «блюдцу», позволяет предположить, что таким был уровень моря во время одного из великих ледниковых периодов много тысяч лет назад.

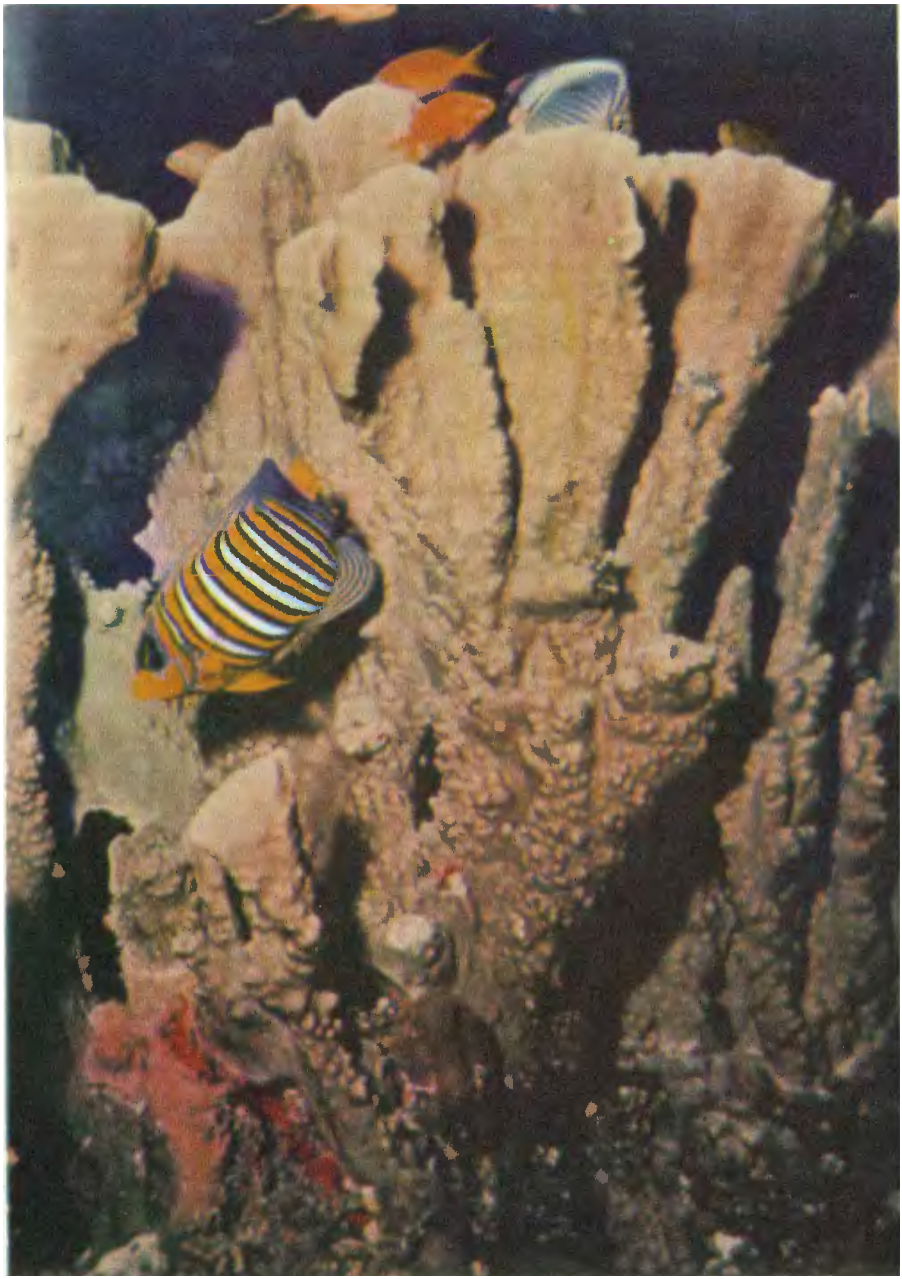
Вплоть до этого места нас сопровождают две акулы, но, когда мы начинаем медленно идти вниз вдоль отвесной стены, они отстают. На голой каменной стене все меньше признаков органической жизни. Кое-где видим горгонарии, известные также под названием веерных кораллов, попадаются мшанки и мелкие ракообразные, но рыб почти нет.

На глубине около ста сорока метров погружение прекращается, «блюдце» застывает на границе между двумя слоями воды, словно оно легло на дно.

— Термоклин, — замечает Фалько.

Здесь проходит рубеж между теплым поверхностным слоем и более холодной глубинной водой, а чем вода холоднее, тем она плотнее, вот она нас и держит. Можно сразу продолжить погружение, добавив немного воды к нашему внутреннему балласту, но мы предоставляем самой природе внести поправку за счет охлаждения корпуса «блюдца». Температура понижается с тридцати двух до двадцати пяти градусов. Фалько надевает свитер. И вот уже сила тяжести снова увлекает нас вниз.

На глубине двухсот шестидесяти метров пустынная вертикаль кончается. Скала изборождена широкими трещинами, они кишат красными рыбинами весом до двух с половиной-трех килограммов, попадаются и здоровенные груперы. Приземлившись на уступе шириной около десяти метров, делаем остановку, чтобы рассмотреть окружающую нас фауну. Камни усеяны причудливыми ракообразными длиной около двадцати сантиметров, которые помахивают клешнями почти такой же длины. За стаями креветок и не рассмотришь стенки обрыва. Незнакомые нам рыбы выходят из несчетных нор, словно желая рассмотреть нас поближе. Одни ярко-красные, другие – в розовато-лиловую и желтую крапинку, третьи – в коричневую и белую вертикальную полоску. А ровное дно – ил и детрит, – насколько хватает глаз, покрыто тысячами, миллионами крабов.



Еще один пример красоты рифа. На фоне веерного коралла особенно бросаются в глаза яркие краски рыб. В чем смысл такой раскраски?

Снова пустив водометы, идем вдоль подножия скалы на восток. Куда ни погляди, грунт устилают копошащиеся, брыкающиеся, переплетенные между собой крабы величиной с кулак. Это массовое скопление явно связано с брачной порой.

Почти целый час мы с Фалько скользим над этим живым ковром, иногда ненадолго останавливаясь, чтобы понаблюдать за повадками крабов.

Вдруг Фалько восклицает:

— Глядите, капитан! Налево! Вон там, вдали!

Прильнув к иллюминатору, напрягаю зрение. Из пучины в нашу сторону медленно поднимается какой-то неясный силуэт... Акула, но какая акула – огромная до неправдоподобия.

Идет прямо на «блюдце», как будто ослепленная нашими фарами. Пораженный чудовищными размерами, в первую минуту не могу даже ее опознать. Она, наверное, вдвое длинней нашей маленькой подводной лодки и весит не меньше полутора тонн. Чудовище закладывает широкий вираж вокруг нашего «блюдца». Но оно неточно рассчитало курс, и нас сотрясает мощный удар хвоста. Конечно, нам за стальной броней ничего не грозит, и все-таки не очень-то приятно, когда тебя на глубине почти трехсот метров теребит такой исполин.

Огромная бестия продолжает кружить в свете наших прожекторов. Невольно любуюсь ее мощью и грацией – сила быка в соединении с гибкостью змеи. Различаю по бокам головы по шести жаберных щелей, это помогает мне опознать Hexanchus griseus, которую иногда называют коровьей акулой. Шестижаберную акулу наблюдали очень редко, очевидно потому, что она держится на большой глубине, лишь иногда поднимаясь к поверхности. Глядя на этого исполина, невольно сопоставляю его с двумя другими великанами, которые превосходят его размерами, – китовой акулой и гигантской акулой. Они тоже редко появляются на поверхности, а остальное время проводят в неведомых глубинах, и об этой стороне их жизни практически ничего не известно. Не исключено, что загадочные ямы в донном иле, много раз зафиксированные нашими глубоководными автоматическими фотокамерами на дне Средиземноморья, на глубине двух с половиной тысяч метров, – след их деятельности.

Шестижаберная довольно долго ходит вокруг нас, это позволяет нам снять ее. Вот она опять толкает «блюдце» – должно быть, нечаянно; во всяком случае после этого столкновения акула, словно испугавшись, сильно взмахивает хвостом и исчезает в темной пучине. Увы, ее глубоководное царство пока что недосягаемо для «ныряющего блюдца». Задержавшись на краю второго уступа, мы с Фалько направляем лучи фар в пустоту внизу, надеясь еще раз приманить исполина. Полчаса тщетного ожидания, и Фалько сбрасывает 25-килограммовый груз, и мы идем вверх. Через двадцать минут «Калипсо» извлекает нас из воды.

Но еще много недель мы с Фалько вспоминаем и грезим об этом необычном погружении и о нашей встрече с шестижаберной. акулой, властелином пучин, в которые нам пока доступа нет.

Не всегда сосуществование акул и подводных колонистов протекает так уж мирно. Это наглядно подтвердил один драматический эпизод, который произошел около рифа Шаб-Араб в Аденском заливе.

«Калипсо» стояла на якоре у крайней северной оконечности рифа, он здесь отвесно обрывается на глубину около трехсот метров. Мы с Фалько решили совершить ночное погружение в «ныряющем блюдце». Как только его спустили на воду, мы увидели в лучах наших фар крупных акул. Чем глубже, тем больше их становилось, и вскоре вокруг «блюдца» собралось не меньше четырех десятков хищниц. В их поведении была заметна повышенная активность. Мы посадили «блюдце» на илистый грунт на глубине около ста двадцати метров, чтобы провести положенный контроль приборов и отрегулировать плавучесть, прежде чем продолжать рекогносцировку. Надежно защищенные металлическим корпусом, мы видели через иллюминаторы кружившие совсем рядом зловещие силуэты. Волшебный и редкостный спектакль! К сожалению, кинокамеры «блюдца» Могли запечатлеть лишь маленькие фрагменты этого безумного хоровода. Мы решили вернуться на поверхность и организовать погружение кинооператора с «акулоубежищем», чтобы он снял вместе эту небывало многочисленную акулью орду и наших подводных пловцов.

Через полчаса, укрепив на клетке мощные светильники, ее опустили на воду – как обычно, без людей – и погрузили на глубину тридцать метров. Кинооператор Пьер Гупиль, его ассистент Пьер Дюхальд и два аквалангиста – Христиан Бонничи и Раймон Коль – пошли следом, вооруженные камерами и дубинками. Ярко освещенная клетка служила отличным ориентиром, и они быстро направились к ней, не испытывая особого страха. На полпути в лучах своих светильников они увидели зеленые блики – глаза полутора десятков акул. Подводники спокойно приступили к съемкам, но орда тотчас затеяла хоровод вокруг них. Кольцо акул становилось все уже, а численность их возрастала. Скоро на небольшом участке их собралось не меньше семи десятков. И аквалангисты вдруг поняли, что сейчас надо думать не о съемках, а о самообороне.

Перед Гупилем стояла непростая задача. «Акулоубежище» вмещало только троих, значит, четвертый останется один во власти хищной орды. Гупиль несколько раз посигналил наверх, чтобы клетку поднимали на «Калипсо», потом схватил своего

ассистента, наименее опытного аквалангиста, и толкнул его внутрь «акулоубежища». После этого Гупиль, Бонничи и Коль примостились на клетке сверху и сели спина к спине, готовые отбивать атаки.

Акулы тотчас прекратили хоровод и, явно сознавая свое численное превосходство, совсем по-волчьи ринулись вперед, прямо на людей. Подводники отбивались чем попало – дубинками, камерами, светильниками. Между тем на «Калипсо» еще не поняли, какая опасная возникла ситуация.

После сигналов Гупиля аквалангист, управлявший лебедкой, решил поднимать клетку не спеша, чтобы лучше проходила декомпрессия. Чем ближе к поверхности, тем яростнее атаковали акулы, но все же тройке каким-то образом удавалось их отгонять. Вся группа вернулась на борт невредимой. А рассвирепевшие убийцы затеяли такую пляску, что поверхность моря казалась изрытой штормом.

Не успел Гупиль прийти в себя после шока, как тут же предложил совершить новое погружение, но вдвоем и забраться в клетку еще над водой. Мол, «ныряющему блюдцу» акулы не страшны, так лучше снять среди хищниц сам аппарат, чем рисковать жизнью людей. Его идея нам понравилась, мы переставили светильники на клетке, и Пьер Гупиль вместе с Даниелем Томаси заняли места в «акулоубежище», где им ничто не угрожало. Мы с Фалько погрузились в «блюдце» на глубину около двадцати пяти метров, прямо в гущу акул. Естественно, на этот маневр понадобилось некоторое время, и когда «блюдце» наконец подошло к «акулоубежищу», мы с удивлением увидели, что Гупиль и Томаси, бросив кинокамеры, затеяли в клетке какой-то нелепый танец. Они скакали, прыгали и били себя ладонями по лодыжкам. А вокруг них, отчетливо видимые в ярком свете прожекторов, метались тысячи белых комочков – ну прямо стая комаров или мотыльков, окруживших фонарь в саду летней ночью. Силуэты людей в «акулоубежище» судорожно извивались во все стороны, словно наши друзья вдруг потеряли рассудок. Кинокамеры и акулы были забыты. Ни Фалько, ни я не могли понять, что происходит. Но вот клетка пошла вверх, и стало очевидно, что на палубе второй раз за эту ночь прозвучал сигнал тревоги.

Через полчаса «блюдце» вернулось в свою люльку на борту «Калипсо». На корме – никого, но на палубе заметны следы крови. Я ринулся в офицерскую кают-компанию: Гупиль и Томаси с искаженными болью лицами лежали на столах, и их лодыжки были обмотаны бинтами. На полу, на столах, даже на переборках алели пятна крови. Доктор был озадачен и сильно встревожен.

Мы услышали, что наши друзья, едва войдя в воду, были атакованы полчищами «морских москитов» – совсем крохотных, почти не видимых простым глазом равноногих ракообразных, которые свирепостью вполне могут сравниться со знаменитой амазонской пираньей. Клешни этих малюток отщипывают маленькие кусочки кожи. Наши товарищи потеряли по четверти литра крови каждый.

Неопреновые гидрокостюмы в общем-то надежно защищали Гупиля и Томаси, оставалась открытой лишь узкая полоска кожи между резиновыми ластами и штанами. Пока клетку поднимали наверх, друзья были настолько поглощены схваткой с мини-чудовищами, что им было совсем не до ходивших кругом акул. А тут еще Морис Леандри, дежуривший на лебедке, остановил клетки в нескольких метрах от поверхности для обязательной пятиминутной декомпрессии.

Гупиль рассказывал мне:

— Во время этой остановки «москиты» меня так извели, что я готов был открыть дверцу и выйти наружу к акулам...

После эксперимента «Коншельф-2» в Красном море мы вернулись в родную гавань, накопив немало данных об акулах и обитаемых подводных станциях. Можно было более конкретно думать о будущих поселениях на дне моря и о том, как будут складываться отношения между людьми и акулами.

Не откладывая в долгий ящик, мы начали готовить эксперимент «Коншельф-3», в котором океанавты должны были провести двадцать семь дней на глубине ста десяти метров в Средиземном море. Опыт должен был начаться только через два года, но мы сразу же приступили к разработке долгосрочной программы, занимались конструктивной частью, физиологией, прикидывали, какие подводные работы можно осуществлять.

В Марселе были созданы установки, позволяющие моделировать погружение до глубины полутора тысяч метров. В таких камерах можно определить разумные пределы погружения с газовой смесью гелий-кислород, а также проверить сложные комплексы приборов, необходимые для глубоководных шельфовых станций будущего.

Был разработан проект совершенно автономной 300-тонной подводной лодки на десять человек, способной служить кочующей базой для четырех океанавтов, работающих на глубинах до шестисот метров. Этот передвижной подводный дом, получивший название «Аргиронет», уже строится.

Мы представили в ЮНЕСКО проект международного центра подготовки ученых-океанавтов, который был одобрен Межправительственной океанографической конференцией.

Акула набила рот так, что кусок кальмара еще торчит наружу. А вверху видно ее отражение. Кальмары легко меняют окраску, и глаза их светятся в темноте, будто звездочки

Рассматривались возможности применить подводные дома

для таких дел, как разведение рыбы, добыча руды, разведка и добыча нефти, геологические и биологические наблюдения и исследования. Даже для отдыха и развлечения.

Выработана долгосрочная программа формирования человека-амфибии – Гомо акватикус.

Перспективы обитаемых станций на шельфе и глубже почти неограниченны. Разумеется, я отнюдь не думаю, что люди когда-нибудь вовсе переселятся на дно моря; мы слишком зависимы от своей естественной среды, и вряд ли возникнут веские причины, чтобы отказаться от всего, что нам так дорого: от солнечного света, свежего воздуха, лесов и полей.

Однако в науке и в промышленности неизбежно будет множиться число важных проблем, требующих временного пребывания больших коллективов под водой для многомесячной работы на морском дне. Обреченные декомпрессией на долгое заточение, подводники нуждаются и в медицинском обслуживании, и в развлечениях, как это бывает, скажем, с разведчиками нефти, которые на полгода уходят в пустыню. Понадобятся мощные сооружения и огромные капиталовложения. Но до тех пор надо еще разрешить целый ряд проблем. И одна из них – защита от акул.

У нас сложилось впечатление, что акулы предпочитают уходить из районов, где сооружаются подводные дома. Но мы уверены, что они уходят недалеко. Взрывы и другие звуки – лязг, звон – могут привлечь их обратно в обитаемый район. К тому же нельзя поручиться, что акулы, преодолев свой страх, через некоторое время не пойдут большими стаями в атаку на изолированные малочисленные группы подводников. Нужно еще исследование и исследование. При этом полезно принять в качестве рабочей гипотезы, что мир рыб вообще и акул в частности – не столько зрительный мир, сколько мир звуков и волн сжатия. Смотришь, окажется, что в малоизученном диапазоне частот найдутся не только такие, которые привлекают акул, но и такие, которые будут отгонять их от подводных поселений.

МИРОЛЮБИВЫЙ ИСПОЛИН

Встреча с китовой акулой.

Рассказывает Филипп Кусто:

Только в мае 1967 года мы наконец встретились с китовой акулой. Неделю подряд «Калипсо» шла в Индийском океане курсом норд-норд-вест, от Диего-Суареса в сторону Таджурского залива. С февраля, когда началось плавание, стоянка в Диего-Суаресе, этом важном порту Мальгашской Республики, была нашим первым большим заходом, и нас, как всегда, чудесно принимали. «Калипсо» на время перешла в руки рабочих военной верфи, и они целую неделю трудились, приводя судно в порядок после почти четырех месяцев непрерывного плавания и напряженной работы.

После долгих вечеров, когда мы беседовали на террасе отеля, мечтая о будущих проектах, слушая шорохи леса и отдыхая от непрестанного колыхания палубы под ногами, от неумолчного плеска волн и рокота всевозможных корабельных механизмов, нас опять неудержимо манили новые дали и новые дела. И хотя мы с тоской смотрели, как земля уходит за горизонт далеко за кормой, в душе уже рождалась тихая радость, которая всегда сопутствует новому начинанию.

Всю эту неделю после выхода из Диего-Суареса мы конструировали всевозможные новые ловушки и разрабатывали планы новых экспериментов, надеясь с их помощью лучше узнать акул. Но эта удивительная встреча застигла нас врасплох.

Китовая акула, несомненно, самая крупная рыба в мире. Она достигает в длину двадцати с лишним метров, а десятиметровые экземпляры вполне обычны. Люди редко наблюдали этого исполина, и нам не известно, мигрирует ли китовая акула, подчиняясь каким-то своим закономерностям, или ведет оседлый образ жизни. Питается она, как киты, планктоном и мелкой рыбешкой; вполне возможно, что это заставляет акулу держаться глубоко водных океанских течений, в которых сосредоточен ее корм. За все годы, проведенные в море моим отцом, он только дважды видел это могучее животное.

Китовая акула относится к селахиям, у нее пять жаберных щелей, латинское наименование – Rhincodon typus. Спина и бока бурые; тело и хвост покрывают круглые белые или желтоватые пятна, на голове они поменьше и расположены гуще. Через спину идут поперек тонкие, извилистые полосы желтого или белого цвета. Брюхо белое или желтоватое. Рот почти всегда открыт, ширина пасти около двух метров, высота от 30 до 50 сантиметров; челюсти окаймлены твердыми пластинами,

вероятно предназначенными для того, чтобы крошить излишне крупную добычу.

Несмотря на чудовищные размеры, китовая акула считается безопасной для человека. Плывет она неторопливо, скорость не больше трех узлов. Часто она обвешана множеством прилипал и окружена полчищами лоцманов: одни толщиной с большой палец человека, другие – с рукоятку теннисной ракетки. Мы очень много слышали про этого исполина морей, но до сих пор никто на борту не встречался с ним близко.

Как это у нас заведено, когда «Калипсо» идет по курсу, два человека непрерывно ведут наблюдение и докладывают обо всем, заслуживающем внимания. Будь то фонтанирующий кит или просто кусок плавающего дерева – мы ничем не пренебрегали. Неутолимое любопытство моего отца ко всему, что происходит в море, передалось команде. Достаточно малейшего загадочного пятнышка на поверхности моря, чтобы мы отклонились с курса.

Огромен хвост китовой акулы. Аквалангист плывет изо всех сил, стараясь не отстать от идущего не торопясь исполина

Подводный пловец все-таки отстал, тогда его подобрали на катер и снова догнали китовую акулу

Рассказывает Жак-Ив Кусто:

Воскресенье, 7 мая, 11.30. «Калипсо» идет со скоростью десяти узлов между Момбасой и Джибути. В это время года Индийский океан в части, прилегающей к африканскому побережью, еще спокоен. Знаменитый юго-западный муссон пока только собирается с силами. Поверхность воды отражает зловещие тропические тучи, но никаких признаков жизни, которые заслуживали бы нашего внимания, со вчерашнего дня не видно. Ни бонит, ни летучих рыб, ни фонтанирующего кита. Море, словно пустыня, однако вода не совсем прозрачная. Поверхностный слой насыщен планктоном, настолько крупным, что его видно с палубы. Утром мы долго рассматривали через иллюминаторы подводной обсерватории на носу поток этих беспорядочно движущихся крохотных созданий. С виду – белые комочки, тонкие нити и хрустальные кубки, а на самом деле – целый мир веслоногих, медуз и сальп. Естественно, вся эта мелюзга борется за существование, подчиняясь тем же простым и жестоким законам, что рыбы на рифах или звери в джунглях. Правда, планктон лишь в очень малой степени властен над своей судьбой, он подчинен воле течений, которые носят его по свету. Он в изобилии размножается и в изобилии погибает, в зависимости от колебаний температуры или солености. В это утро тропическое море настолько загустело от взвешенной живой массы, что напоминало гигантскую миску с горячим супом, приготовленным для неведомого Гаргантюа. Это сравнение

родилось как шутка в нашем разговоре, но совершенно неожиданно оно оправдалось.

В 11.35 Пьер Ли, наблюдавший с левого борта, заметил что-то на воде и доложил на мостик. Через несколько секунд капитан Роже Маритано скомандовал «лево руля», и «Калипсо» направилась к загадочному предмету. Издали можно было различить только два больших плавника на изрядном расстоянии друг от друга, но мы понимали, что речь идет об очень крупном животном. Вскоре стало ясно, что это не млекопитающее, а огромная акула, дремлющая у поверхности воды. Но какая – гигантская или китовая Мы одинаково мало знали о той и о другой. Гигантская акула – внушительная тварь, достигающая в длину десяти и больше метров. Она появляется в Средиземном море весной, чаще всего в апреле. Маленькие группы гигантских акул лениво плавают у поверхности. Потом гости исчезают, и никто не знает точно, где и как они проводят остальную часть года. Но конечно, китовая акула и длиной, и весом превосходит всех живущих ныне рыб. (Напомним, что кит не рыба, а млекопитающее, тогда как китовая акула – самая настоящая рыба, а китовой ее назвали только за величину). Этот великан любит теплые моря и предпочитает держаться глубоко, лишь очень редко всплывая к поверхности, так что встреча с ним – из ряда вон выходящее событие.

На борту «Калипсо» царил ажиотаж. В два счета был спущен на воду «Зодиак», в него прыгнули два кинооператора – Барски и Делуар, и два аквалангиста – Фалько и Коль. Лодка бесшумно подошла к сонной рыбине, и аквалангисты скользнули за борт. Длинный-предлинный хвост с высоченным плавником, мощный, округлый спинной плавник – точно, китовая акула! «Зодиак», видимо, заинтересовал ее, и она принялась медленно описывать круги под ним. В ней было около одиннадцати метров. Делуар подплыл к акуле поближе, задумав снять ее широкоугольным объективом. Чудовище сперва позировало в профиль, затем пошло на камеру. Его разинутая пасть напоминала сопло реактивного двигателя на самолете. Метрах в полутора от Делуара акула вдруг нырнула и прошла как раз под оператором. Коль захватил свое знаменитое копье, которым уже пометил столько других акул. Он нырнул и поплыл вдогонку за исполином. Но как он ни напрягался, акула легко его опережала, и ему приходилось снова и снова взбираться на «Зодиак», чтобы догнать ее. Поднявшись из воды в последний раз, Коль с присущим ему лаконизмом так описал увиденное:

— Полный размах хвостового плавника два метра. Спинной плавник – около полутора метров в основании и почти столько же

в высоту. Глаза круглые, чуть скошенные, очень живые. Зрение отличное. Дважды акула возвращалась, чтобы взглянуть на «Зодиак», и каждый раз, как мы подходили к ней в лоб, она слегка наклоняла голову и проходила под нами. Несколько раз мы видели, как она ныряет: плавно наклонится вниз и идет вглубь наподобие подводной лодки, но уже через несколько минут опять всплывает чуть поодаль. Когда ей надоело играть с нами, она повернулась вертикально и ушла отвесно вниз, как кит ныряет. Я несколько раз брал ее за хвост, а она никак не реагировала, не пыталась ни атаковать, ни защищаться. Кожа у нее жесткая, вся в круглых пятнах, их плохо видно. Со всех сторон акулу облепили прилипалы, особенно густо позади жаберных щелей. Там есть ямка, они то зайдут в нее, то опять выйдут. А лоцман был только один, полосатый такой. Метку воткнуть около спинного плавника было очень трудно, кожа страшно жесткая, я даже погнул острие копья.

Через несколько минут появился второй экземпляр, еще более крупный, метров двенадцать-пятнадцать. «Номер два», как мы его окрестили, пробыл с нами не так долго, но Колю удалось его пометить. Потом китовая акула ушла в пучину, и Коль, держась за спинной плавник, сопровождал ее до глубины около пятидесяти метров.

— Она ничего не делала, чтобы уйти или избавиться от меня, — рассказывал он мне после. — Вообще она реагировала только тогда, когда мы оказывались в ее поле зрения. Тут она проявляла любопытство...

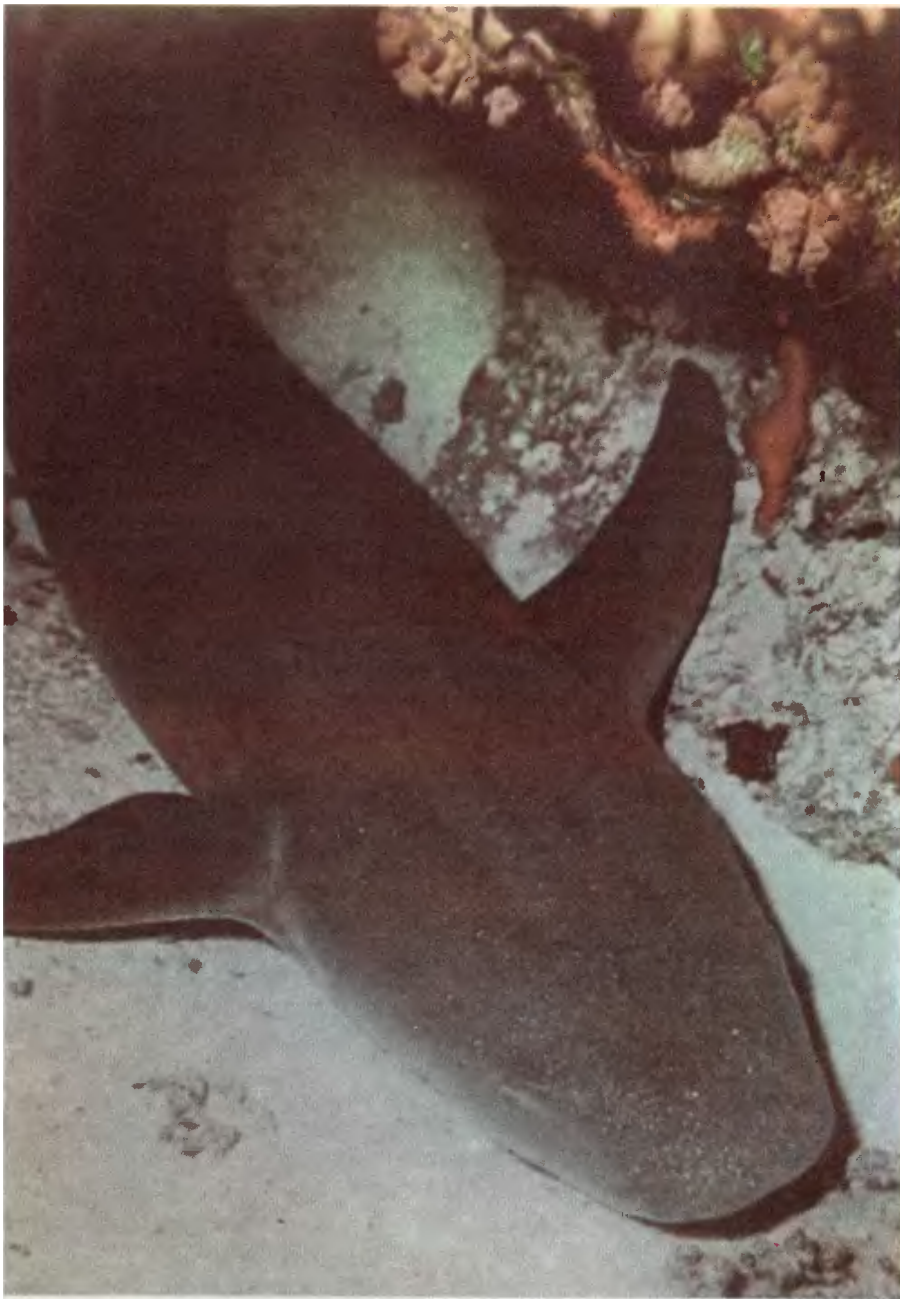
Увидеть и снять двух китовых акул – это было, несомненно, большой удачей. Почему их так редко встречают? Очевидно, потому, что они поднимаются к поверхности лишь в особых случаях – например, когда при благоприятной погоде течение выносит в поверхностные слои планктон определенного, особенно ценимого ими состава. Недаром, когда нам посчастливилось наблюдать под водой двух представителей этого племени великанов, в их разверстых пастях исчезали огромные порции планктона.

Усатые киты тоже кормятся только планктоном и мелкими морскими животными, причем они способны погружаться за кормом ночью на глубину до двадцати пяти, а днем и до ста метров. Ведь глубина, на которой держится планктон, зависит от освещенности. Киты поднимаются к поверхности лишь за воздухом. Китовые акулы, не нуждающиеся в воздухе, всплывают куда реже, можно сказать, ненароком.

Может быть, одинаковый способ кормления обусловил еще одну общую черту в поведении китовой акулы (холоднокровной

рыбы) и кита (теплокровного млекопитающего). Мы своими глазами смогли убедиться, что китовая акула уходит в пучину не отлого – в отличие от всех других акул она ныряет вертикально вниз.

Больше всего наших аквалангистов поразила могучая пасть китовой акулы, которую они, как вы помните, сравнили с соплом реактивного двигателя. У этой акулы совсем маленькие зубы, но они могут быть опасными. Наш американский друг Конрад Лимбо получил однажды серьезное повреждение, нечаянно угодив рукой в пасть китовой акулы. Хотя рыбина не сомкнула челюсти, у Конрада осталась памятка в виде множества ссадин и кровоподтеков.



Англичане называют «акулой-нянькой» эту родственницу песчаных акул. Она плавает, извиваясь, почти как змея. Акулы-няньки прячутся в щелях. Их можно без особого риска для себя выгнать, дернув за хвост

Рассказывает Филипп Кусто:

Вполне естественно, что такое фантастическое существо, как

акула, дало пищу для всевозможных легенд и суеверий среди народов, населявших морские берега. Куда менее естественно, что во многих преданиях акула выступает в роли благодетеля. То она Кама-Хоа-Лии – живое воплощение какого-нибудь горячо любимого предка, то бог изобилия, то покровитель рыбаков, потерявшихся в море. В далеких, глухих уголках океана, где жизнь людей тесно связана с морем, я ни разу не слышал, чтобы в местных преданиях говорилось об акуле как о злокозненном существе. Это тем поразительнее, что у большинства народов приморья сравнительно безобидные киты обычно слывут злодеями. Есть и другие представители морской фауны, дурная слава которых вовсе незаслуженна, так как они просто неспособны причинить вред человеку, если не считать какой-нибудь маловероятной случайности. Наглядным примером может служить гигантская манта; ее еще называют морским дьяволом. Франсуа Поли рассказывает в своей книге «Акул ловят ночью» о суеверном страхе, который манта внушает кубинским рыбакам. Некоторые из них даже уверяют, будто гигантский скат их гипнотизирует. Хорошо известны рассказы о том, как манты будто бы увлекали в пучину шхуны вместе со всей командой или же подпрыгивали высоко в воздух и падали сверху на рыбачье судно, сокрушая его своим чудовищным весом.

Средневековые книги о путешествиях и отчеты морских экспедиций полны рассказов о грозных морских чудовищах, которые оплетали корабли своими щупальцами и давили их, как ореховую скорлупу. Эти небылицы, естественно, помогали морякам выглядеть героями в глазах окружающих, впрочем, героический ореол был ими вполне заслужен, если вспомнить, какими хрупкими были тогдашние суда. Очень может быть, что люди моря именно в погоне за популярностью распространяли такие версии. Конечно, гигантский кальмар и впрямь достигает больше пятнадцати метров, но встречи с такими монстрами исключительно редки. В течении Гумбольдта члены экспедиции «Кон-Тики» много ночей подряд наблюдали кальмаров, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Самый яркий из известных мне примеров незаслуженно дурной славы – тридакна. Легенды сообщают об этом огромном двустворчатом моллюске тропических вод, будто он способен зажать руку или ногу ныряльщика и держать, пока жертва не захлебнется или не отсечет себе пойманную конечность. Что ж, известны тридакны весом в сто с лишним килограммов, однако просвет между открытыми створками так мал, что просунуть между ними хотя бы кисть может разве что циркач.

А вот акулы в самом деле представляют собой вполне

реальную угрозу, и ведь они водятся практически во всех морях мира. Тем не менее – возможно, для поднятия собственного духа – там, где акул особенно много, люди предпочитают считать их добрыми божествами.

Капитан Янг и другие авторы сообщают, что на Гавайских островах акула была в ряду самых могущественных богов. Король акул Кама-Хоа-Лии, которому были подчинены все прочие акулы, мог по желанию принимать человеческий облик. Согласно преданию, он обитал в огромном, под стать его размерам, гроте где-то под Гонолулу. Вместе с могущественной акулой Калахики он выручал рыбаков, терпящих бедствие. Кама-Хоа-Лии предвидел все опасности и готов был прийти на помощь мореплавателям в случае урагана, встречного ветра или штиля. Попав в беду, команда лодки зажигала большой факел и выливала в море сок растения ава. Как только призыв доходил до Кама-Хоа-Лии, он немедленно посылал акулу из числа своих подданных (сам король не показывался), чтобы она провела рыбаков в родную гавань.

Кроме того, – для этого требовались определенные заклинания и соответствующие жертвоприношения – Кама-Хоа-Лии выступал также в роли защитника угнетенных и карателя тиранов и ревнивых мужей.

Способность акульих богов принимать человеческий облик, естественно, легла в основу многих фантастических историй.

Некоторые из этих всемогущих существ пользовались своим волшебным даром, чтобы обольстить и взять себе в жены юных красавиц на островах. Рожденные от такого союза мальчики наследовали от отца его волшебные свойства, но единственной видимой приметой их божественного происхождения был знак акульей челюсти на спине, между лопатками. Отец предупреждал всех родных, чтобы ни в коем случае не давали молодому богу мяса, не то он к нему пристрастится, и начнутся всякие ужасы. Разумеется, какой-нибудь сердобольный дедушка нарушал этот запрет, после чего мальчик, отправившись вместе с другими жителями деревни к морю, прыгал в воду, обретал облик акулы и тотчас принимался пожирать своих товарищей. Если молодой бог почему-либо терял плащ – «капу», закрывавший грозную метину на спине, ему надлежало плыть на какой-нибудь другой остров поблизости, где его никто не знал и он мог продолжать свои кровавые акции.

Несмотря на такие страшные предания, возродиться в последующей жизни в облике акулы считалось такой высокой честью, что ее удостаивались только мудрейшие из всех гавайских мудрецов. Они пользовались великим уважением;

главный жрец острова самолично наносил им на спину татуировкой изображение челюсти акулы. Простолюдины обязаны были кормить этих будущих богов, которые поселялись обособленно, на берегу моря, у рубежей своего будущего царства.

Впрочем, на этих островах акулы играли важную роль не только в легендах. Археологи обнаружили следы древних обычаев, в которых акула выступала как вполне реальное действующее лицо. Недалеко от Пирл-Харбора найдены остатки морских арен. Из камней выкладывался круг с выходом в море, и в таком театре, напоминающем древнеримский, местные гладиаторы сражались с акулами. На глазах у критических зрителей – короля и простых смертных – обнаженный пловец с одним только коротким кинжалом в руке вступал в единоборство с океанической акулой. Сделанное специально для таких поединков оружие представляло собой всего-навсего деревяшку, к которой крепился акулий зуб. Остроумнейшее решение, ведь у акул очень жесткая кожа, ее не так-то просто пропороть. И на Гавайских островах в ту пору еще не знали металла. Правда, археологи не могут нам сказать, чем кончались такие поединки, кто чаще побеждал – человек или акула и какими празднествами в честь всемогущего и милостивого Кама-Хоа-Лии сопровождались эти игры.

Но если наше любопытство насчет исхода гавайских подводных коррид не может быть удовлетворено археологами, то в другой точке земного шара мы сами можем найти ответ. Островитяне Вест-Индии, как и жители тихоокеанских островов, с морем «на ты», здесь искони много превосходных моряков и рыболовов. Вест-индские воды тоже изобилуют весьма активными акулами, о которых сложено немало легенд, хотя они не стали предметом такого поклонения, как в Тихом океане. На острове Санто-Доминго мне рассказывали про двух негров, регулярно выходивших на поединки с акулами. Никакой особой арены у них не было, просто мелкая лагуна, соединенная с морем проливом, который перегораживали камнями и ветвями. И негры пользовались не акульим зубом, а настоящими кинжалами из лучшей стали. Запрут в лагуне крупную акулу, затем гладиатор получает условленную сумму денег, входит с кинжалом в руке в воду, и начинается смертельный бой. Как правило, уже через несколько секунд кинжал вонзался в бок животного. Судя по тому что опасный спорт был главным источником существования этих двух негров, можно заключить, что поединки устраивались часто и счастье было на стороне гладиаторов. Что ни говори, для того чтобы в мутных водах лагуны сражаться с акулой, нужно либо обладать редкой отвагой, либо быть в полном неведении о том,

чем грозит встреча с хищницей.

В Центральной Америке мы опять встречаем веру в акулу, как в доброжелательное существо; местами она даже считается неприкосновенной. В уже упомянутой книге «Акул ловят ночью» Франсуа Поли рассказывает, что индейцы, живущие на берегах озера Никарагуа, когда им предлагали принять участие в лове акул, воспринимали это чуть ли не как святотатство. Пресноводные акулы в этом озере – потомки морских селахий, постепенно приспособившиеся к новым условиям. По одной из гипотез, здесь в далеком прошлом образовалась горная гряда, она отрезала морской залив – так возникло озеро. За много веков вода опреснилась, и акулы к ней приноровились.

В таком предположении нет ничего противоестественного, достаточно вспомнить про некоторых акул Южной Африки, которые часть своей жизни проводят в солоноватых водах эстуариев. Акулы даже поднялись на сотни километров вверх по реке Замбези и обитают там в пресной воде. Установлено родство акул озера Никарагуа с замбезийскими.

Франсуа Поли рассказывает также о древнем обычае индейцев приозерья приносить в жертву акулам тела покойных, украшенные драгоценностями. Узнав про этот обычай, один голландский авантюрист задумал нажиться на суеверии местных жителей. Обосновавшись рядом с тем местом, где происходило жертвоприношение, он после каждой погребальной церемонии отправлялся ловить акул. И будто бы накопил целое состояние, но затем индейцы его разоблачили, и сам голландец был убит, а дом его сожжен дотла.

Отношения индейцев с озерными акулами обостряются только в том случае, когда кто-нибудь из них в неудачном столкновении с акулой лишается руки или ноги. Тогда виновницу нещадно преследуют, ведь потерянную конечность непременно надо найти и похоронить рядом с погибшим, без этого он не попадет в рай.

Зимой 1967 года мой брат Жан-Мишель прибыл в порт Тулеар а юге Мадагаскара, чтобы подготовить все для захода «Калипсо». Прибыл он заблаговременно, и, пока ожидал нас, ему представился случай поговорить со многими местными жителями. Одна маленькая девочка рассказала ему, что люди ее племени совсем не боятся акулы, так как считают ее земным воплощением своих предков.

— А ведь дедушка не станет причинять мне вред, правда же? — заключила девочка.

Недаром эти люди относятся к тем, кто верит, что акулы указывают путь к берегу своим «родичам», терпящим бедствие в

море. Естественно, никто здесь не охотится на акул, за исключением нескольких «васа» – белых чужеземцев, на которых смотрят как на святотатцев.

Под водой много красивых картин. Например, эта Кархаринус обскурус, которая стремительно пронеслась мимо кинокамеры

Во всем районе Мадагаскара только на крохотном островке в Мозамбикском проливе, к северо-западу от главного острова, ведется акулий промысел. Один старый араб, не разделяющий суеверий мальгашей, ставит на ночь ярусы около берега и регулярно берет неплохой улов. Еще несколько лет назад он брал также ремор (одно из названий прилипалы, присасывающегося к акулам), которых продавал живыми рыбакам на других островках пролива. А рыбаки привязывали ремор за хвост на длинную лесу и пускали в воду около рифа. Глядишь, присосется к другой рыбе покрупнее, а то и к морской черепахе (их в этих водах очень много), после чего остается только извлечь из воды облюбованного прилипалой нового «хозяина» и тащить его на рынок. Но теперь этот восхитительный способ почти не применяется, и ловец акул лишился славного источника дохода. Что же до акул, то араб дубит их кожи, а из печени выжимает жир. Эти занятия, хотя и далеко не столь романтические, обеспечивают ему жизнь спокойную и безбедную, несмотря на тяжелый запах. от дубильни и косые взгляды соседей, считающих его чуть ли не колдуном.

В Полинезии отношение к акулам меняется от острова к

острову, даже от племени к племени. Отнюдь не везде их считают богами, а кое-где акул и вовсе ни во что не ставят. В некоторых племенах все меры предосторожности сводятся к тому, что старшие отлавливают некоторое количество бестий и пускают их в широкие мелкие лагуны, где каждый день играют дети. И юные островитяне с малых лет познают ухватки акулы и учатся справляться с ней. Когда они, став взрослыми, встретятся с акулой во время рыбной ловли, они уже будут знать, как себя вести, не потеряют голову со страха. Надо ли говорить, как это важно для людей, питание которых больше чем наполовину состоит из продуктов моря.

По собственным наблюдениям я знаю, что на очень мелкой воде акула передвигается с трудом, а полинезийские дети отличаются поразительным проворством, так что риск несчастных случаев в лагуне сведен до минимума. Словом, мудрость древнего обычая очевидна, ведь он устраняет столь типичный для встреч человека с акулой фактор паники и опрометчивых поступков. Американский ученый Уильям Мерфи собирается провести углубленное исследование психологических факторов, которые заявляют о себе, когда человека атакует акула; его цель – увеличить безопасность купальщиков и подводных пловцов. Мерфи считает – по-моему, справедливо, – что безрассудный страх при встрече с акулой превращает человека из достойного соперника в легкую добычу. Если это исследование в самом деле позволит лучше разобраться в психологии взаимоотношений человека и акулы, оно, вероятно, поможет разработать действенные способы защиты.

В основе многих религий на Филиппинских островах лежит сочетание анимизма и веры в переселение душ, и нередко диких животных, вместо того чтобы убивать их и употреблять в пищу, одомашнивают и откармливают. Любые животные, от птиц до речных угрей, могут оказаться в роли любимцев, потому что их считают земным воплощением предков.

К счастью, запретными для каждой филиппинской семьи являются только один-два вида. Кто-то поклоняется змеям, кто-то – дикой свинье, кто-то – попугаю, а животных, являющихся священными для соседа, можно со спокойной совестью убивать и есть. Иными словами, ешь на здоровье земное воплощение предка, только бы это был не твой предок.

Я уже называл некоторые из ролей, которые приписывались акульему богу на Гавайских островах, когда они еще назывались Сэндвичевыми. Хочу остановиться на той из них, которую, пожалуй, можно считать первостепенной. Во всех деревнях каждый род выбирал себе тотем, и одним из самых почитаемых

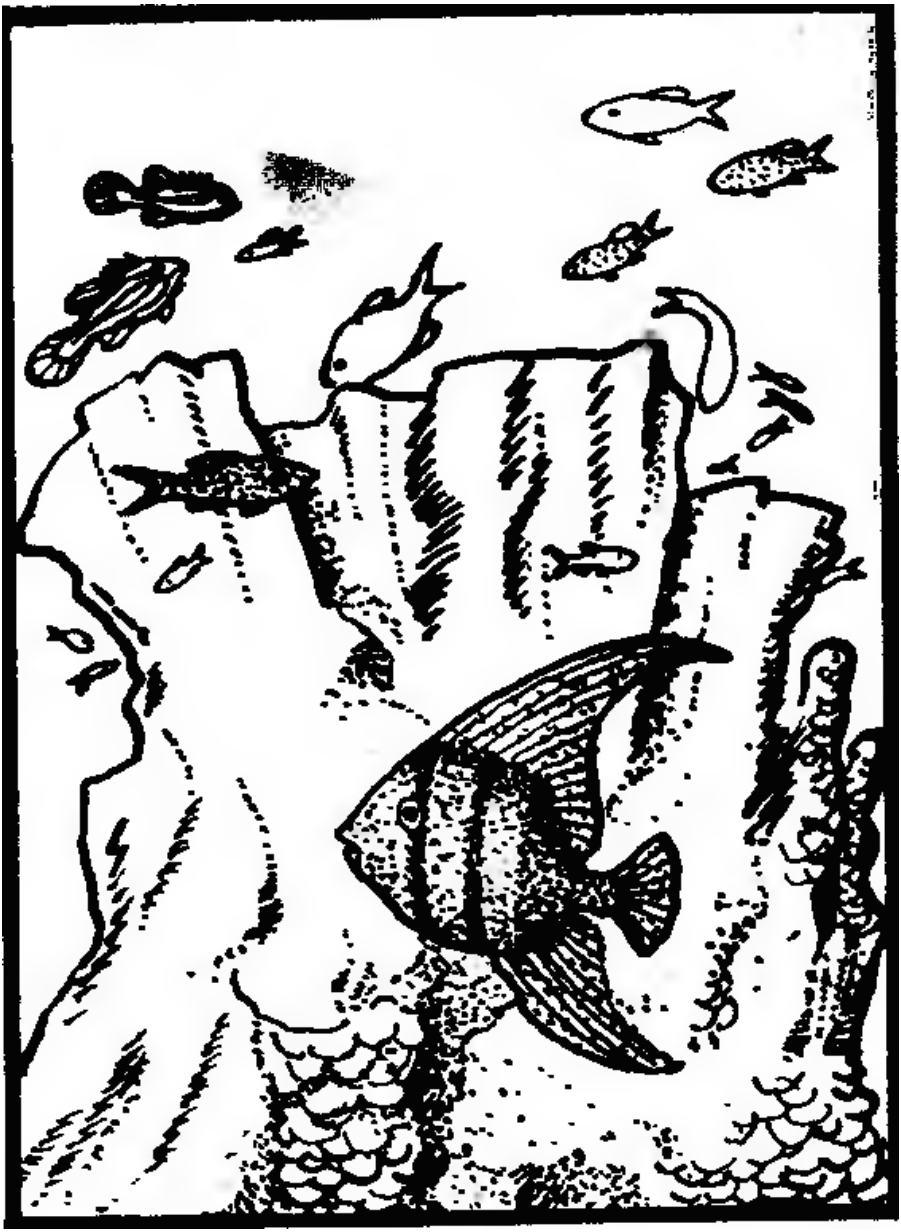
был тотем акулы. Если женщина из рода акулы рожала мертвого ребенка, отец прибегал к магическому ритуалу, стараясь переселить душу бедняжки в тело акулы. Он заворачивал в ритуальную циновку вместе с тельцем ребенка жертвоприношения в виде плодов и священных кореньев, произносил положенные молитвы и заклинания и, наконец, опускал драгоценный дар в море, уповая на то, что он будет благосклонно принят богом. Потому что в этом случае бог потом не разрешал своим слугам нападать на членов этого рода.

В горном храме, посвященном акульему божеству, обитали жрецы-прорицатели, которые обливались раствором каменной соли, чтобы казалось, что кожа их покрыта чешуей. От них можно было узнать, когда именно бог принял жертву и превратил младенца в акулу. И когда они возвещали, что долгожданное событие состоялось, осчастливленный род ликовал и устраивал для жрецов пир.

Многие обычаи и суеверия первобытных народов отражают их страх и бессилие перед лицом явлений природы и опасных животных. Вулканы и землетрясения, тигры и змеи – наверное, всюду к ним относились с благоговением и страхом. Точнее, перед ними благоговели, потому что боялись их. Но грозные, неодолимые силы природы воплощались в облике недобрых богов. А вот акула, одно из самых опасных животных на земле, похоже, являет собой исключение из этого правила. Люди, преклоняющиеся перед могущественным акульим богом, обычно считают его добрым божеством, своим защитником и покровителем. И только современный цивилизованный человек видит в акуле отвратительное чудовище, внушающее омерзение и безрассудный страх.

Оба взгляда, надо думать, одинаково неверны. И преклонение, и страх вредны, когда они выливаются в самоуничижение; это тем более справедливо, если предмет страха или преклонения – животное. Снова и снова я думаю о мудрости тех полинезийцев, которые не прививают своим детям слепое преклонение или слепой ужас, а учат их понимать опасность, чтобы они могли ее избежать и, если понадобится, одолеть.

ИЗУЧЕНИЕ АКУЛЫ



Акулья школа.

В открытом море.

Филипп Кусто продолжает:

В морской лаборатории на мысе Хейз во Флориде доктор Юджини Кларк провела опыт, чтобы выяснить, можно ли приучить акул реагировать на сложные стимулы. (Почти десять лет спустя, находясь на борту «Калипсо», доктор Кларк осуществила следующую фазу экспериментов.)

В первом опыте изучались представители двух видов – две лимонные акулы Negaprion brevirostris (самец и самка длиной около метра) и три акулы-няньки (все самцы, такого же размера). Лимонных акул поймали в мае 1958 года, за пять месяцев до эксперимента, они хорошо освоились в заточении, были вполне здоровы, вели себя активно. Остальные, хотя и не такие подвижные от природы, тоже были здоровы. Эксперимент проводился **в** загоне из деревянных брусков, вбитых через каждые пятнадцать сантиметров в грунт на мелководье. Площадь огороженного участка составляла примерно 12×21 метр; кроме акул здесь же содержалось несколько крупных морских черепах.

Пока шел опыт, акул кормили пять раз в неделю, с понедельника по пятницу включительно, в одно и то же время – 15.15. Прежние опыты показали, как важно кормить животных регулярно. Поэтому в течение полутора месяцев, что продолжался эксперимент, точно в установленный час в бассейн погружали белый квадрат из фанеры со стороной 37,5 сантиметра. После кормления квадрат вынимали, никогда не оставляя его в воде. Он крепился на деревянном брусе так, что его можно было поместить в нужной позиции у самой поверхности, при любом уровне воды. За квадратом, в пяти сантиметрах под водой, помещался звонок. Если нажать на фанерную мишень, звонок срабатывал, и сигнал продолжался все время, пока мишень оставалась в этом положении.

Как только давление на белый квадрат прекращалось, упругие ленты возвращали его в исходное положение.

В первые два дня опыта – 22 и 23 сентября 1958 года – корм бросали в воду все ближе и ближе к квадрату. На третий день корм подвесили на короткой, слабой леске в центре мишени. Теперь, чтобы взять его, акулы должны были нажимать рылом на белый квадрат. В первую неделю сигнал звучал очень тихо, зато на вторую неделю раздавался так громко, что его было слышно даже над водой. Корм был уже на месте, когда квадрат опускали в воду загона; как только акула съедала его, сверху к центру мишени спускали на проволоке другой кусок рыбы.

В течение второй недели длительность кормления сократили с сорока до двадцати минут; этот срок затем выдерживался до

конца тренировки или, вернее, обучения.

Чтобы оценить эффективность системы и проверить результаты, в начале седьмой недели квадрат опустили без приманки, а когда акула нажимала на него достаточно сильно, чтобы сработал звонок, сверху к белой мишени опускали кусок рыбы. Акуле давалось десять секунд на то, чтобы взять награду. Если она за это время не успевала схватить рыбу, корм извлекали из воды. Это делалось, чтобы в памяти акулы звонок сочетался с кормлением. С каждым днем корм опускали чуть дальше от мишени.

Что же показал эксперимент? Если первое время акулы пугались, когда в воду опускали квадрат, то вскоре они к нему привыкли. За полтора месяца лимонные акулы брали корм и нажимали звонок пятьсот двадцать два раза, нажимали звонок и не взяли приманку сто шестнадцать раз. Всего лимонные нажали звонок шестьсот тридцать восемь раз. Акулы-няньки взяли рыбу и нажали звонок семьдесят девять раз, не сумели взять приманку десять раз. Благодаря тому что они лучше умеют стоять в воде на одном месте, акулы-няньки ухитрились семьдесят пять раз схватить рыбу, не нажимая звонка.

К концу обучения, 3 ноября 1958 года, квадрат опустили в воду без приманки. Меньше чем через тридцать секунд лимонная акула (самец) пошла к мишени с открытой пастью. Подойдя к квадрату, она замедлила ход, сомкнула челюсти и коснулась рылом мишени, однако недостаточно сильно, чтобы сработал сигнал. После десяти попыток она наконец надавила на фанеру так, что раздался звонок. Тотчас в воду был брошен кусок рыбы. В конце первой недели этого цикла обе лимонные акулы научились включать сигнал нажатием рыла на пустой квадрат и подходить за наградой. Акулы-няньки устремлялись к белому квадрату после того, как появлялась приманка; со второго раза они стали красть вознаграждение у лимонного самца. В ходе первого такого опыта, длившегося сорок минут, акулы-няньки присвоили три порции рыбы, и даже удары по голове сверху их не останавливали.

Весь ноябрь и первые две недели декабря, как только в воде появлялась мишень, лимонные подходили и нажимали на квадрат. Потом температура воды упала ниже двадцати градусов, и они отказались от еды. Это продолжалось два с половиной месяца.

Подводя итог, можно сказать, что в описанном эксперименте акулы-няньки не проявили склонности связывать мишень с кормом. Самец лимонной стремился первым подойти к мишени; часто самка, даже находясь вблизи от белого квадрата, не

прикасалась к нему, пока самец не съедал три-четыре куска рыбы. Более чем в девяноста процентах случаев акулы уходили от мишени по часовой стрелке. Поскольку корм опускали слева от квадрата, быстрее всего схватить его можно было бы, повернув влево, против часовой стрелки. А пока акула заходила с противоположной стороны, другие часто успевали перехватить корм. Самцу поворот влево как будто давался легче.

9 февраля 1959 года температура воды поднялась до двадцати двух градусов, и 18 февраля акулы снова начали брать корм. 19 и 20 февраля опыты были возобновлены, и акулы сразу же вспомнили старые навыки. За два дня лимонный самец надавил на белый квадрат двенадцать раз, самка – четыре. После краткого похолодания, когда они опять отказались от пищи, эксперимент продолжался до середины лета. Когда доктор Кларк разъединила мишень и звонок, акулы после некоторого замешательства снова стали нажимать белый квадрат и получать привычное вознаграждение. Это позволяло заключить, что отсутствие звукового стимула не влияло на их реакции, можно было обойтись без него.

Эксперимент показал, что при описанных выше условиях можно научить лимонных акул связывать нажатие на мишень с получением корма. В очень редких случаях первый звонок немедленно привлекал лимонную акулу, плавающую в другом конце бассейна. Иногда лимонный самец, нажав на мишень недостаточно сильно, разворачивался и снова шел прямо на квадрат. На этот раз, конечно, звонок срабатывал, после чего акула спешила туда, где опускали в воду корм.

Тот факт, что самка, прежде чем самой подходить к мишени, выжидала, пока самец несколько раз возьмет корм, позволяет предположить, что они общаются между собой каким-то неизвестным нам способом.

Обычай некоторых акул во время охоты тереться головой о плавающие предметы – причем таким предметом может быть и человек – можно объяснить описанной мной выше удивительной способностью акулы воспринимать вкус объекта через прикосновение

к нему. Не исключено, что именно поэтому подопытные акулы сравнительно легко научились связывать мишень с кормом.

Приведу, наконец, один факт, который вроде бы плохо согласуется с легендами, посвященными этим морским чудовищам. Похоже, что акулам не чуждо понятие игры. Насытившись, подопытные экземпляры порой принимались плавать туда и обратно, нажимая на мишень, но вовсе не стараясь

схватить брошенный им кусок рыбы. В ряде случаев самец нажимал квадрат, а вознаграждение оставлял самке. Мне это кажется самым поразительным во всем эксперименте: у такого убийцы и вдруг джентльменские повадки.

Следующий цикл опытов доктора Кларк был призван выявить, позволяет ли зрение акулы различать неоднородные мишени. Этот эксперимент мы и собирались провести на «Калипсо», причем на свободно плавающих акулах.

И когда мы 23 сентября 1967 года вышли из Джибути, Юджини Кларк находилась на борту «Калипсо». Мы взяли курс на север, к островам Суакин у берегов Судана; тамошние акулы нам уже были знакомы.

Судно бросило якорь посередине пролива между островком Даль-Гхаб и маленьким, не помеченным на картах рифом, которому мы присвоили имя Калипсо. Открыли мы его чисто случайно, и это открытие могло скверно кончиться для нас, ведь мы чуть не пропороли себе днище, но в итоге все обернулось как нельзя лучше. Риф Калипсо служил естественной преградой против сильного наката с юго-востока, получилась зона почти полного затишья: и стоянка хорошая, и можно использовать все лодки, и даже самую хрупкую технику. Предстоящий эксперимент должен был стать заключительным и самым важным на этом этапе экспедиции. Обстановка для работы была почти идеальная. Последние несколько дней стояла исключительно благоприятная погода; отсутствие ветра и волнения на море позволило воде достичь чуть ли не кристальной прозрачности.

Я часто замечал: чем чище вода и чем дольше держится штиль, тем интенсивнее и ярче жизнь рифа. Можно подумать, что волны относят несметные полчища робких рыбок прочь от их коралловых убежищ. Почти всем обитателям рифа нужна, чтобы выжить, какая-нибудь норка, щелка, трещина или ветка в этом каменном лесу. Мелкие твари, не столь быстрые и не так хорошо вооруженные, как более крупные хищники, всецело зависят от расстояния, которое отделяет их, с одной стороны, от пасти преследователя, с другой – от убежища среди камней или кораллов. Когда враг приближается, мелюзга жмется к своим норкам, чтобы успеть юркнуть внутрь раньше, чем ее схватят.

Кальмары сбиваются в плотную массу, черные пятна – глаза, тела почти прозрачные

Когда море неспокойно, каждая волна рождает какие-то неожиданные течения, и мелкие рыбки предпочитают не уходить далеко от укрытий, поэтому риф не производит такого оживленного, красочного, яркого впечатления, как в штиль. Несомненно, рыбы отлично приспособились к среде, они знают,

что в плохую погоду с их запасом силенок лучше не рисковать, и по-настоящему активно ищут себе корм на склонах рифа, лишь когда царит полное затишье. Правда, действие волн сильно сказывается только на глубинах до десяти-двенадцати метров, а глубже этот фактор уже не играет такой роли.

Намеченный нами эксперимент как раз и должен был происходить в десятиметровой зоне. Благодаря устойчивой хорошей погоде жизнь в коралловом царстве била ключом. Из более глубоких вод поднялись хищники и занялись обычным промыслом. Естественно, акулы были тут как тут, готовые в любую секунду молниеносно схватить раненую или зазевавшуюся рыбу.

Доктор Кларк подготовила снаряжение для экспериментов, которые так удались с акулами в неволе. Но теперь ей предстояло работать с вольными акулами в их родной среде; совершенно отпадали такие факторы, как поимка, непривычное заточение, принужденное голодание, которые могут отразиться на поведении. Мы тщательно продумали каждую деталь, и нам не терпелось приступить к делу.

Из пластика вырезали два жестких квадрата, которые раскрасили желтыми и черными полосами шириной два с половиной сантиметра. Получились одинаковые мишени, но одну из них мы собирались повернуть так, чтобы полосы шли горизонтально, другую – вертикально. Квадраты прикрепили на концах двухметровой деревянной рейки. Посередине горизонтальной мишени поместили маленький шкив, и соединили его прозрачным найлоновым шнуром с поплавком на поверхности. Шнур, невидимый в воде, предназначался для того, чтобы подавать вниз приманку в виде кусков свежей рыбы на кольце из гальванизированной проволоки. Это устройство позволяло нам опускать приманку точно в центр мишени. Рейку с квадратами мы намеревались прочно закрепить в подводной части кораллового барьера – ее еще называют основанием рифа, – которая представляет собой стену, обрывающуюся отвесно вниз на глубину до трехсот метров. У внешней стороны рифа обитают глубинные хищники, они поедают организмы, населяющие коралловое плато, которое простирается вровень с поверхностью моря.

Похоже было, что акулы, ходившие вблизи рифа, оседлые. Если так, наши шансы на успех намного возрастают. Работая изо дня в день с одними и теми же особями, можно будет обучить их и подтвердить гипотезу доктора Кларк. Большой стальной болт со скобой и короткий железный прут – приспособление для звукового сигнала. Как только акула схватит приманку в центре

горизонтальной мишени, аквалангист ударит прутом по болту; этот звук должен сочетаться в мозгу акулы с представлением о пище.

Но на сей раз эксперимент отличался от проведенного во Флориде наличием двух мишеней; мы хотели определить, смогут ли акулы различать их. Прежде акулу обучали только нажимать на квадрат, чтобы получить корм, и выяснилось, что некоторые виды без труда усваивают урок. Теперь же акулам надо было научиться не просто нажимать на горизонтальную мишень, но и выбирать между двумя квадратами: ведь если они нажмут на вертикальную мишень, никакого вознаграждения не последует.

Первый этап опыта должен был проходить так: в центре горизонтальной мишени помещаются куски свежей рыбы, после чего аквалангист звонит в импровизированный звонок. Мы рассчитывали, что акула научится связывать с кормом рисунок на квадрате и звуковой сигнал. Второй этап: горизонтальная мишень без приманки. Акула должна нажать на квадрат, после этого аквалангист ударит по звонку, и она будет вознаграждена куском рыбы. Если акула нажмет не тот квадрат (то есть с вертикальными полосами), звукового сигнала не последует, и награды не будет. Словом, был задуман довольно сложный эксперимент с двумя стадиями обучения.

Через два дня после прибытия «Калипсо» к рифу все было подготовлено, мы с Каноэ погрузили снаряжение в одну из лодок и отправились искать наиболее подходящее место для опыта. Требования были довольно жесткие: во-первых, нужен такой участок рифа, чтобы можно было как следует закрепить мишени, во-вторых, рядом должно быть надежное укрытие в виде расщелины. Мы пошли на разведку без аквалангов; нас страховал Хосе Руис на «Зодиаке».

Под водой нам открылась удивительно прекрасная и внушительная картина. Кромка плато, вдоль которой я шел, воспринималась мной как рубеж между двумя мирами. Слева простиралась тревожная, загадочная пучина, со всеми оттенками синевы, от голубого до почти черного. Там ходили очерченные серебром силуэты, одни побыстрее, другие совсем медленно. Это были тунцы, здоровенные, могучие, все в метинах от былых схваток. Подгоняемые любопытством, они из глубины направлялись к нам. Приблизятся, остановятся в нерешительности и снова уходят. Не знаю почему, но это сочетание мощи и безмолвия неизменно чарует меня. В уме возникает давняя и, я бы сказал, несколько ребяческая мысль о том, что волей природы эти великолепные рыбины годами непринужденно плавают и яростно сражаются в этом мире, где я

только временный неуклюжий гость. Меня кольнула не то зависть, не то ревность, и я свернул в сторону, чувствуя себя этакой косолапой лягушкой.

Справа была совсем иная картина. Лучезарный мир, полный жизни и красок. От полчищ копошащейся мелюзги в воде стоял непрерывный шум, подобно тому, как насекомые наполняют леса Амазонки своим вездесущим стрекотанием. Поглядишь – мир света и безмятежных мистерий, а ведь на самом деле здесь идут схватки не менее жестокие и яростные, чем те, которые развертываются в пучине. Край головокружительного обрыва прямо передо мной был окаймлен коралловой бахромой, и казалось, над пучиной из массива плато торчат огромные окаменелые цветы. Снующие над каждым выступом стайки робких рыбок напоминали марево над дорогой в жаркий день.

Каноэ сделал мне знак, и я тотчас подошел к нему. Он медленно кружил над вертикальной впадиной в ровной поверхности скалы. Глубина этого желоба не превышала трех, ширина – двух метров, а вверху его словно окаймляли две толстых каменных губы. Изборожденный внутри извилистыми трещинами, этот желоб мог служить отличным укрытием для человека. Упруго изогнувшись, Каноэ нырнул и быстро пошел вниз вдоль уступа. Около торчащей ветви коралла остановился, показал мне знаком, что это место вполне подойдет, и не торопясь вернулся к поверхности.

Участок в самом деле отлично подходил для наших целей, и мы тотчас приступили к работе. На глубине около восьми метров прочно укрепили мишени, а выше и правее мишеней приготовили укрытие для Каноэ, которому предстояло непосредственно вести эксперимент. Я должен был снимать и не мог себя связывать каким-то одним убежищем. В крайнем случае что-нибудь найду.

Как только все было сделано, Каноэ подстрелил чересчур любопытного каранга. И тотчас явились акулы, словно материализовались из пустоты. Как всегда, это было похоже на чудо: внезапно в воде рядом с нами стремительно пронесся сперва один, потом второй зловещий силуэт. Эта кажущаяся игра природы в какой-то мере объясняется серо-голубой окраской акул, которая совершенно сливается с цветом воды. Вероятно, они давно незримо для нас ходили поблизости, наблюдая за нами, а подошли только после того, как уловили вибрации от предсмертных судорог каранга. Это были две белоперые Carcharhinus albimarginatus, быстрые и дерзкие. Одна длиной около трех метров, другая намного меньше, от силы полтора метра, зато куда более нервная. Им явно не стоило большого труда отыскать рыбу, которую мы поместили в центре мишени, но

прошло три часа, прежде чем они взяли приманку. Древний инстинкт предписывал им осторожность, наше присутствие еще больше их настораживало, наконец, сервировка отнюдь не свидетельствовала об изысканности нашего вкуса. Им не нравились краски, не нравилась вся обстановка.

Все время, пока они примерялись, мы с Каноэ не покидали своих постов. Акулы уходили и пропадали из виду, иногда надолго, но все же возвращались и снова принимались ходить перед мишенью. Внезапно на сцене появилась третья акула, чуть побольше второй. Это заставило самую крупную решиться. Она круто развернулась и пошла прямо на мишень. Я нажал спуск камеры, но явно поторопился: в метре от квадрата акула опять свернула в сторону, на миг словно призадумалась, потом снова начала лениво плавать туда и обратно перед нами. Сдается мне, акул сбивал еще с толку запах других кусков рыбы, которые мы поленились убрать в плотный мешочек; он мешал им взять точный прицел на приманку. Как бы то ни было, вскоре ожидание кончилось. Самая большая акула, которую легко было опознать также и по плавнику, разорванному чуть ли не пополам в какой-то давней потасовке, пошла на цель и на этот раз почти с ходу схватила приманку. Звук нашего самодельного «колокола», в который Каноэ принялся бить, как только хищница схватила добычу, явно никак не повлиял ни на эту акулу, ни на двух других, подошедших вплотную к мишени, едва первая взяла приманку.

Дальше за два часа та же акула четыре раза схватила рыбу и столько же раз промахнулась. Самая маленькая акула взяла только одну порцию, третья – ни одной. После шести часов утомительного наблюдения мы вышли из воды усталые, но довольные. Начало положено!

На следующее утро операция была повторена, но с меньшим успехом. Правда, сеанс начался довольно бурной сценой. Когда Каноэ подстрелил намеченную нами для приманки рыбу, большая акула с рваным плавником тотчас явилась из пучины и торпедой пошла на моего товарища. Он отступил в разведанное нами укрытие. Тогда чудовище рывком изменило курс и с открытой пастью ринулось ко мне. Здоровенная акула шла на уровне моей головы, а я не мог ни отступить назад, ни отойти в сторону. Сжавшись в комок, я попробовал отбиться кинокамерой. Последовал сильный толчок, внезапным завихрением воды у меня сорвало маску с лица, и камера выскочила из рук. Прижатый к коралловой стене, без маски, я силился различить могучую тушу, которая должна была находиться где-то передо мной. Я чувствовал, что акула повторит атаку. И только, когда

размазанный силуэт впереди приблизился ко мне вплотную, я узнал Каноэ. Он подобрал мою камеру и принял на себя вторую атаку. Ему удалось увернуться, затем он нашел мою маску и подал ее мне. Я мигом надел маску и выдохом освободил ее от воды. Теперь я снова видел все отчетливо. Акула неторопливо ходила в метре-двух от нас, играя роль равнодушного наблюдателя.

Каноэ вернулся на свой пост около мишеней, я проверил камеру. Только бленда пострадала, так что можно было продолжать эксперимент.

Нас удивило поведение этой акулы, уж очень оно было непохоже на то, к чему мы привыкли. Я ни разу не видел, чтобы акула тотчас повторно атаковала цель, по которой только что промахнулась. К тому же ей как-никак достался сильный удар камерой. И мне снова вспомнились слова моего отца в книге «В мире безмолвия»: «... чем ближе мы знакомимся с акулами, тем меньше знаем о них... никогда нельзя предугадать заранее, как поведет себя акула».

Эксперимент продолжался несколько дней, и хотя первые результаты показались нам очень многообещающими, пришлось все-таки его прервать. Радиограмма из Парижа сообщила, что прибывает новый врач и еще два члена команды, поэтому мы вынуждены были сняться с якоря и взять курс на порт Массава на берегу Эритреи.

Подводя итоги, следует сказать, что в конце опыта акулы регулярно подходили за кормом к мишени с горизонтальными полосами. За все время я ни разу не видел, чтобы акула касалась вертикальной мишени. Если сравнить эти итоги с результатами прежних экспериментов доктора Юджини Кларк, похоже, что акулы на воле – во всяком случае Carharhinus albimarginatus – обучаются быстрее, чем их сородичи в неволе.

ВЫВОДЫ О ПОВЕДЕНИИ АКУЛ

Акулы среди кальмаров.

Что мы поняли.

Филипп Кусто продолжает:

Океан разведан человеком на смехотворно маленькую глубину, мы только-только пересекли магический рубеж. Пленники воздуха, мы прикованы к поверхности моря и можем лишь ненадолго прорваться в его толщу. Марсель, Мессина, Порт-Саид, Массава, Мальдивские острова, Диего-Суарес, Дар-эс-Салам, Джибути, мыс Доброй Надежды, Гваделупа, Нассау, Панама, Кальяо, Седрос – где только мы не побывали. Словно сказочный великан с чудовищным аппетитом, мы не успеваем даже, как говорится, оценить вкус наших открытий. Слишком много впечатлений поражало наш взор, ошеломляло душу. Остались одни лишь воспоминания, трепетные и зыбкие, как мираж, неопределенные, как сон. Странная вещь знание – руками его не пощупаешь, но завтра я применю все, что постиг, применю, как делаю это каждый день, инстинктивно, не отдавая себе в этом отчета. Так что же мне известно об акуле? Несравненная красота изящного силуэта... Ощущение затаенной угрозы... Упоение битвой, которой управляют неведомые мне законы... А что еще? Я ничего не узнал о себе: страх нельзя измерить, а действие безотчетно.

И все-таки через год с лишним после моей последней встречи с акулой новый случай еще раз показал мне, что опыт – вещь стойкая и полезная. В конце марта 1969 года «Калипсо» стояла на якоре у западного берега Калифорнийского залива. Тихая, прозрачная вода, глубина – почти пятьдесят метров, ночь. Позади был напряженный день: мы снимали серых китов, даже прыгали с наших катеров прямо на белесые от морской пены спины. Утомленный обилием впечатлений, я спал как убитый.

Часов около одиннадцати вахтенный офицер, наш штурман Бернар Шовеллен, разбудил меня и сказал, что судно окружили миллионы кальмаров. Казалось, со всех сторон лежит снег; свет судовых огней падал на живой ковер; беспорядочные на первый взгляд движения животных рождали сложный узор ряби, от которой в воздухе стоял шелест, как от листьев на ветру. Вода многократно отражала каждую из льнущих друг к другу особей, и эта масса колыхалась туда и обратно, словно некая исполинская гидра, переливаясь всеми цветами радуги. Как будто «Калипсо» вмерзла в ожившую льдину. Но в толще этой льдины стремительно метались в разные стороны темные силуэты, оставляя за собой борозды, напоминающие трещины в теле горы.

Этот рисунок смерти в живом сиянии вокруг судна чертили

десятка полтора синих акул разной величины; распахнув пасть, они пронизывали толщу кальмаров. Набьют рот, остановятся, чтобы судорожным движением всего тела протолкнуть через глотку густое желе, и плывут дальше, спеша воспользоваться неслыханным угощением.

В этой живописной и жестокой ночной сцене было что-то от сокровенного ритуала. Мы чувствовали себя чужаками, которые ненароком оказались причастными к великой тайне, недосягаемой для их разума. Мы молча стояли на мостике «Калипсо», боясь единым словом нарушить очарование величественного зрелища.

Но оцепенение не могло длиться вечно. И вот уже мы готовим камеры, налаживаем подводные светильники. Как назло, наиболее опытные аквалангисты на борту были простужены, поэтому было решено, что я пойду под воду вместе с Бернаром Шовелленом и Жаком Делькутером. Они возьмут прожектора, чтобы освещать сцены, которые я рассчитывал снять. Бернар участвовал в нашей «акульей» экспедиции, но его еще нельзя было считать опытным подводным пловцом, а Жак и вовсе присоединился к нам совсем недавно, по сути дела это была его первая экспедиция. Бернар несколько раз погружался среди акул в Красном море, но только днем; Жак, хотя мы с ним дружили уже пятнадцать лет, лишь теперь окончил курсы аквалангистов.

В этой холодной мерцающей каше даже самый опытный аквалангист мог ожидать любых сюрпризов от акул, тем не менее мои товарищи облачились в подводное снаряжение молча, не выказывая никаких чувств. И вот, как всегда, подводники неуклюже шествуют через палубу. На минуту-другую мы уподобились ковыляющим по суше уткам.

Вода приняла меня в свои объятия, и я ощутил дрожь во всем теле; сквозь резиновую оболочку мою кожу обожгло холодом, от которого у меня на миг перехватило дыхание. Бернар, а за ним и Жак последовали за мной. Верно ли я поступил, взяв их с собой на такую встречу? Глядя на акул, плавающих туда-сюда через густое облако кальмаров, я ощутил тревогу. Но тут внезапно как бы включился инстинкт, проснулась память, и что-то сказало мне: 157 акулы не нападут, во всяком случае нападут не сразу. Совсем как во время наших погружений в Красном море год назад, я не столько умом, сколько чутьем уловил окружающую нас атмосферу. Акулы поглощены охотой на кальмаров. Они сейчас, как говорится, настроены лишь на одно. Только реакция на вкус, вид, прикосновение кальмаров может заставить сомкнуться эти грозные челюсти. Это уже не стая волков, выслеживающая добычу. Цель достигнута, ко́рма много, он дается легко, и акулам

больше ничего не нужно.

Мы вошли в зону, освещенную прожекторами корабля, и нам стал понятен смысл такого чудовищного скопления кальмаров. У них была брачная пора. Пары медленно плавали вместе «лицом» друг к другу, по прозрачным телам пробегало мерцающее свечение, щупальца свивались в многократном объятии. Иногда за одного кальмара цеплялись двое-трое других, как утопающие за плот. Отдельные, более прыткие экземпляры метались во все стороны между группами, ловя щупальцами наши маски и руки, камеры и светильники. Кальмары сбились так плотно, что видимость ограничивалась каким-нибудь полуметром, и мы то и дело встречались с акулами нос к носу. Натолкнувшись нечаянно на кого-нибудь из нас, акула тотчас сворачивала в сторону, не переставая пожирать головоногих, которыми кишело море.

Мы погрузились на глубину около пятнадцати метров. Здесь вода была темная и прозрачная, а белая масса кальмаров над нами напоминала курчавые облака. Светильники Бернара привлекли к нам нескольких кальмаров, то ли движимых любопытством, то ли попросту ослепленных ярким светом. Брюхо синих акул выглядело снизу неожиданно белым, кожа казалась очень тонкой и слабой. Я доснял ленту и решил вернуться на судно. И на пути к поверхности вдруг ощутил, что атмосфера изменилась. Похоже было, что акулы наконец-то, когда прошло больше часа, заметили нас и начали реагировать. Толчки рылом стали сильнее, теперь акулы ходили вокруг нас и все чаще касались наших гидрокостюмов, словно надеясь определить сквозь резину наш подлинный вкус. Вот уже поверхность близко, видно лицо ожидающего нас Бернара Делемотта, он нагнулся через борт лодки и всматривается в воду. Одна из акул прошла напролом через тучу кальмаров и с ходу боднула камеру. Отступила, собралась было повторить атаку, но передумала и скрылась. Вовремя мы вышли из воды! Пока Шовеллен и Делькутер снимали аквалангн, Делемотт деловито сообщил мне, что мы всплыли в ту самую минуту, когда дело начало принимать серьезный оборот.

Ведь сколько месяцев прошло после наших приключений в Красном море, многое забылось, а вот опыт не забылся. Несколько секунд мной владело смутное чувство, что я что-то постиг, но чувство это тут же исчезло. Многие аквалангисты, пловцы и просто пытливые люди расспрашивали нас про акул. Правда ли, они опасны? Какие виды всего опаснее? Что может сделать человек против акулы? Какие способы защиты лучше всего?

Могу сказать, что для нас при встречах с акулами лучшей

защитой были предельная осмотрительность и подлинное уважение к этому хищнику и его вооружению. Позже добавился еще опыт и инстинктивная оценка опасности при каждом погружении.

Сами понимаете, такое знание, такое чутье нельзя передать, это чисто личное. И все-таки даже отрывочная информация может помочь подводному пловцу или хотя бы подготовить его к встрече с акулой, если встреча окажется неизбежной. Жак-Ив Кусто комментирует:

До сих пор большинство научных опытов производилось с акулами, которых держали в неволе. Они помогли получить кое-какие интересные данные о поведении акул, но мало что говорят о том, как себя ведут акулы на воле.

Статистика несчастных случаев, в которых повинны акулы, по-прежнему очень ненадежна. Чаще всего в беду попадают купальщики, а в роли не очень-то надежных источников информации выступают рыбаки или люди, знающие о случившемся понаслышке.

Наблюдения аквалангистов более интересны, но их мало и они подчас противоречивы. К тому же авторы сообщений нередко стремятся выставить себя героями. Вот почему и эксперименты, и статистику, и наблюдения надо оценивать осторожно. Я убежден, что сейчас еще преждевременно делать какие-либо выводы об опасностях, грозящих подводному пловцу при встрече с акулой.

Но если в этой книге нельзя сообщить окончательные выводы, то можно во всяком случае поделиться личными соображениями.

Для пессимистов

Любые акулы, даже самые смирные, в силу своего анатомического строения представляют грозную потенциальную опасность. Если судить по литературе, всего страшнее большая белая акула (Carcharodon carcharias), оснащенная огромными челюстями и большими треугольными зубами. Но ведь она встречается очень редко. Гораздо большую опасность представляет акула Carcharhinus longimanus, огромные закругленные плавники которой украшены белым пятном на краю. «Князья Долгорукие» встречаются повсюду в теплых водах, правда, только в открытом море. Это единственная акула, которая никогда не пугается аквалангистов, и ее надо считать самой опасной.

Молодые – а значит, самые мелкие – акулы всего нахальнее. Даже совсем маленькая акула, длиной с полметра, может серьезно ранить человека.

Акула издалека чует раненую рыбу и спешит с ней расправиться. Во-первых, конвульсии рыбы вызывают особые вибрации, которые доходят до акул. На близком расстоянии акулы, кроме того, исключительно восприимчивы к запахам, особенно запаху крови. По этим двум причинам подводному рыболову не следует привязывать свой улов к поясу.

Акулы бесстрашно атакуют все, что плавает на поверхности моря. Они способны наброситься на винт подвесного мотора. Эта черта акульего нрава делает их опасными для пловцов, тем более если человек плывет с плеском и шумом. Подводный пловец подвергается наибольшей опасности, когда входит в воду и выходит из нее. Даже самый маленький укус акулы очень опасен и может стать роковым, ведь хищница отрывает изрядный кусок мяса. Добавьте сюда действие шока, пропорциональное размерам раны. Человек, на которого напала акула, может умереть от шока, хотя бы укус не задел жизненно важных органов.

До сих пор нет действенных способов отгонять акул от участков, где вы погружаетесь, – ни химия, ни звуковые волны, ни электрическое поле не дают гарантии.

Ночью и в мутной воде опасно погружаться без мощных средств защиты, скажем, без прочной клетки, особенно если акулы ходят в пределах видимости.

Опасно проявлять страх при встрече с акулой: она инстинктивно чует его и может воспользоваться вашим страхом.

Опасно провоцировать акулу на оборонительные действия, атакуя (подводным ружьем, винтовкой, взрывчаткой, электрическим разрядом) или хотя бы пугая ее (например, загоняя ее в такое место, откуда нет выхода).

Когда акулы собираются в стаю, предсказать их поведение невозможно. Неведомые нам причины могут внезапно вызвать у них приступ коллективного бешенства.

Для оптимистов

Настоящие «людоеды» всегда водятся «где-то в другом месте». В Европе считают опасными воды у берегов Сенегала (Западная Африка). А в Дакаре вам посоветуют остерегаться Красного моря и Джибути. В Джибути с гордостью расскажут, что здесь не было ни одного несчастного случая, а вот у Мадагаскара-де море

кишит кровожадными акулами. На острове Мадагаскар на западном побережье считают самыми грозными «восточных» акул, на востоке – «западных». По какому-то странному совпадению, самыми опасными слывут наиболее редкие виды. Это как-то нелогично.

Будь белая акула и впрямь такой грозной, она, наверное, была бы более широко распространена, и мы гораздо чаще встречались бы с ней. Белые акулы, которых мы изредка встречали, обращались в бегство, явно испуганные нашим появлением.

Акулы никогда не атакуют подводного пловца немедленно. Некоторое время, более или менее продолжительное, они ходят вокруг человека, то отступят, то опять осторожно приблизятся. У вас есть время спокойно решить, оставаться ли под водой или выходить. Днем в прозрачной воде подводный пловец при встрече с акулой не подвергается прямой угрозе. Звено из двух аквалангистов без труда может уследить за двумя акулами. Но сколько бы ни было под водой пловцов, если акул три или больше, лучше позаботиться о том или ином укрытии.

Твердый предмет длиной от полуметра до метра – скажем, кинокамера или «акулья дубинка» – надежно защитит от одной-двух акул. Конец дубинки должен быть оснащен короткими шипами или гвоздиками, чтобы он не скользил по акульей коже. Дубинка позволяет оттолкнуть акулу и сохранять безопасную дистанцию. Но чтобы не вызвать у акулы оборонительной реакции, нельзя ударять дубинкой противника и тем более ранить его.

Многие пловцы и жертвы кораблекрушений были укушены или убиты акулами – это неоспоримый факт. Однако я не знаю ни одного документально подтвержденного случая, чтобы аквалангисты без всякого повода подверглись нападению акул; другое дело, что подводные пловцы иной раз сами ведут себя неосмотрительно. Лучшая защита заключается в том, чтобы мягко входить в воду, плавать осторожно, не спеша, не делать резких движений под водой. Почаще оглядывайтесь на свои ноги, ведь они обычно находятся вне вашего поля зрения. Если на вас идет акула, не пытайтесь спастись бегством. Встречайте ее спокойно, выставив вперед дубинку. Акула свернет и начнет описывать круги, прежде чем снова подойти к вам. Теперь благодаря испытанным нами в Красном море «ведрам» Джонсона даже жертвам кораблекрушений акулы уже не так страшны.

Итак, я рассказал об уроках, которые мы извлекли за двадцать лет работы среди акул в разных морях земного шара. А теперь можно поделиться и своими личными ощущениями. Акулы

– неотъемлемая часть подводной среды. Они относятся к самым совершенным и самым красивым творениям природы. Мы всегда предвкушаем встречу с ними у коралловых рифов или в открытом море, хотя они и внушают нам тревогу. Нет акул – аквалангист разочарован, есть акулы – аквалангист настороже. Когда вдоль кипящих жизнью кораллов скользит грозный силуэт акулы, это не вызывает паники среди рыб, они просто освобождают дорогу господину и внимательно следят, за ним. И мы так делаем.

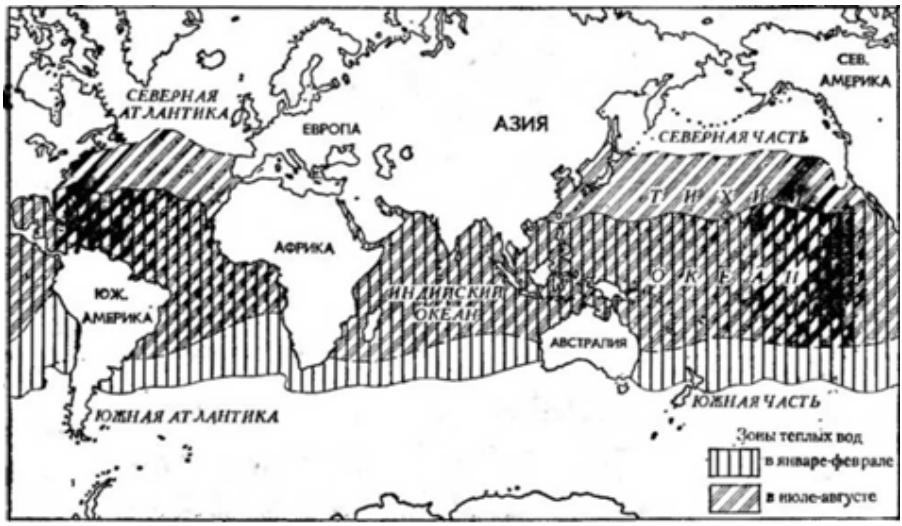
ПРИЛОЖЕНИЕ

Наш корабль.

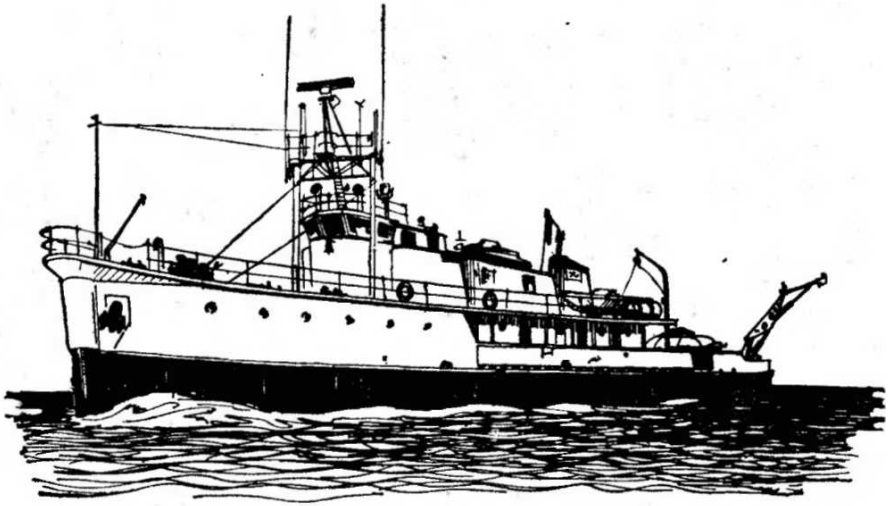
Наши маршруты.

Акулы.

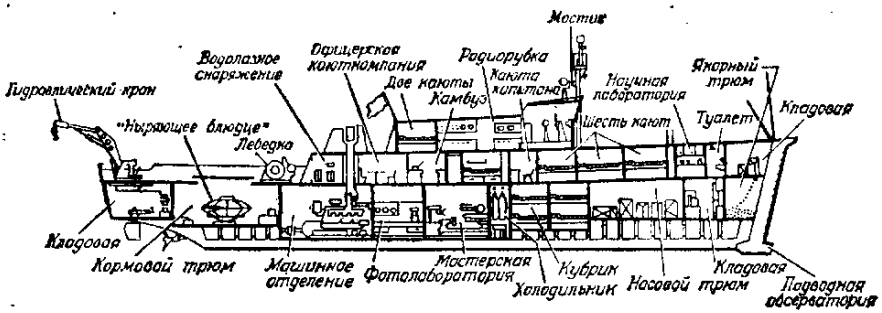
Подводное снаряжение.



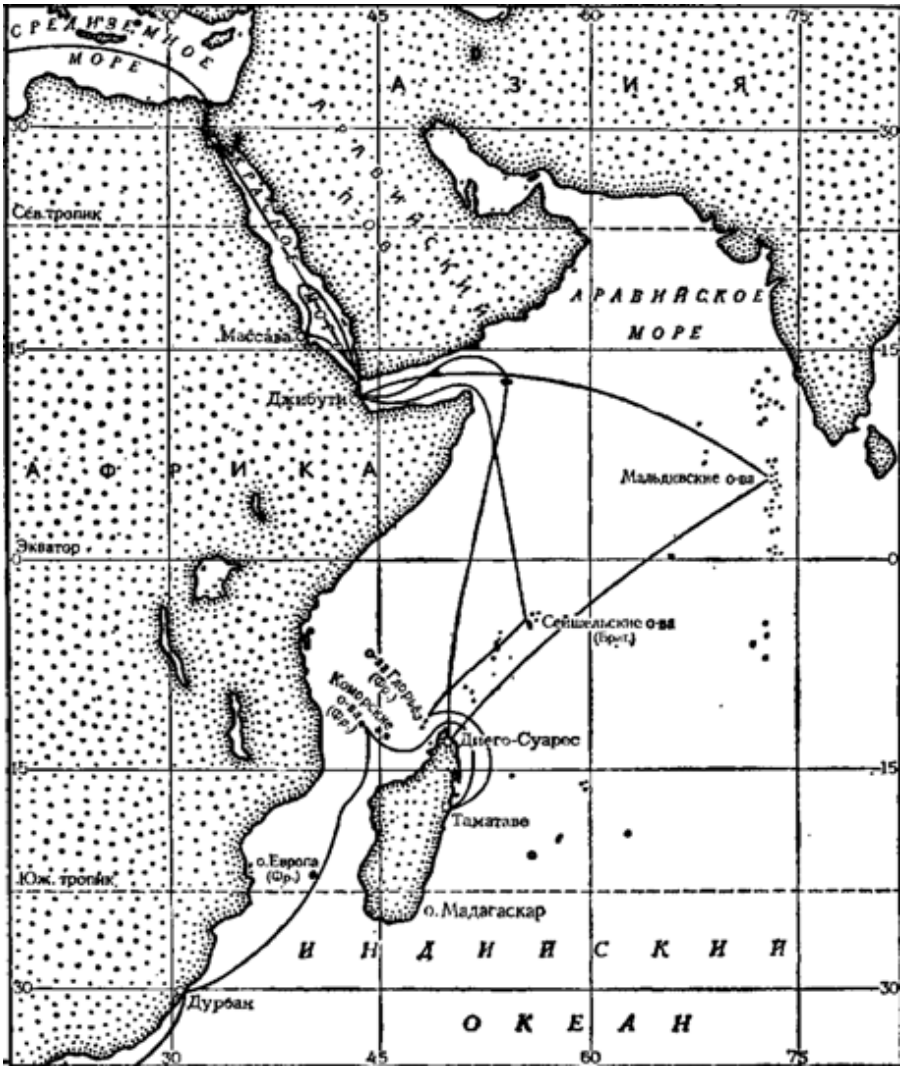
Карта показывает размещение зоны теплых вод зимой и летом. Именно в этой зоне происходит большинство несчастных случаев, связанных с акулами. Акула – преимущественно тепловодная рыба; исключение составляют некоторые виды, которые водятся в холодных морях на севере. В теплых водах больше купальщиков и подводных пловцов; это, естественно, увеличивает вероятность опасных встреч. В основу схемы положены данные, собранные Смитсоновым институтом и другими научно-исследовательскими учреждениями



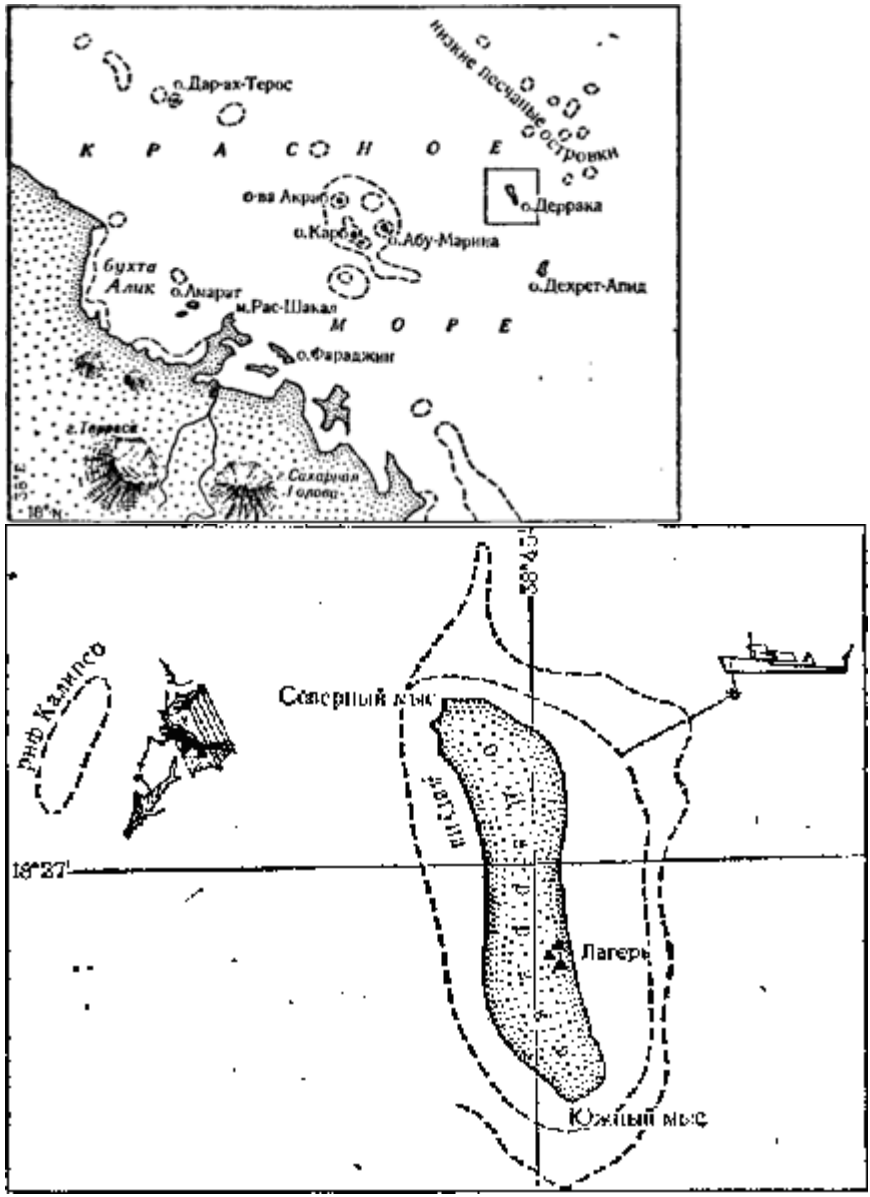
«Калипсо»



Разрез «Калипсо». Так выглядело наше судно после того, как его переоборудовали для новой экспедиции



Маршрут экспедиции для исследования акул в Красном море и Индийском океане. «Калипсо» вышла из Марселя в феврале 1967 г., прошла через Красное море в Индийский океан и покинула Дурбан летом 1968 г. Работа продолжалась больше года.



Карта Суакийского архипелага у берегов Судана в Красном море. Внизу выделен остров Деррака, здесь проводилось большинство наших экспериментов. Показан лагерь и стоянка, где укрывалась «Калипсо» в плохую погоду. С другой стороны виден небольшой риф, названный нами Калипсо (его нет на обычных картах); около него мы пометили особенно много акул. У Северного мыса мы наблюдали самых крупных акул и наибольшие скопления рыбы.

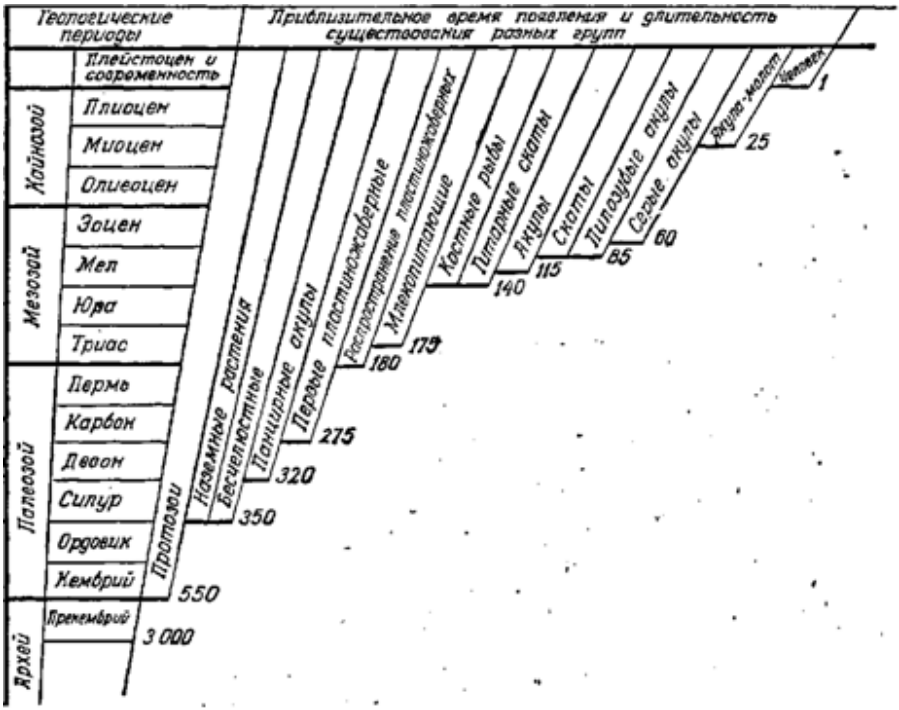
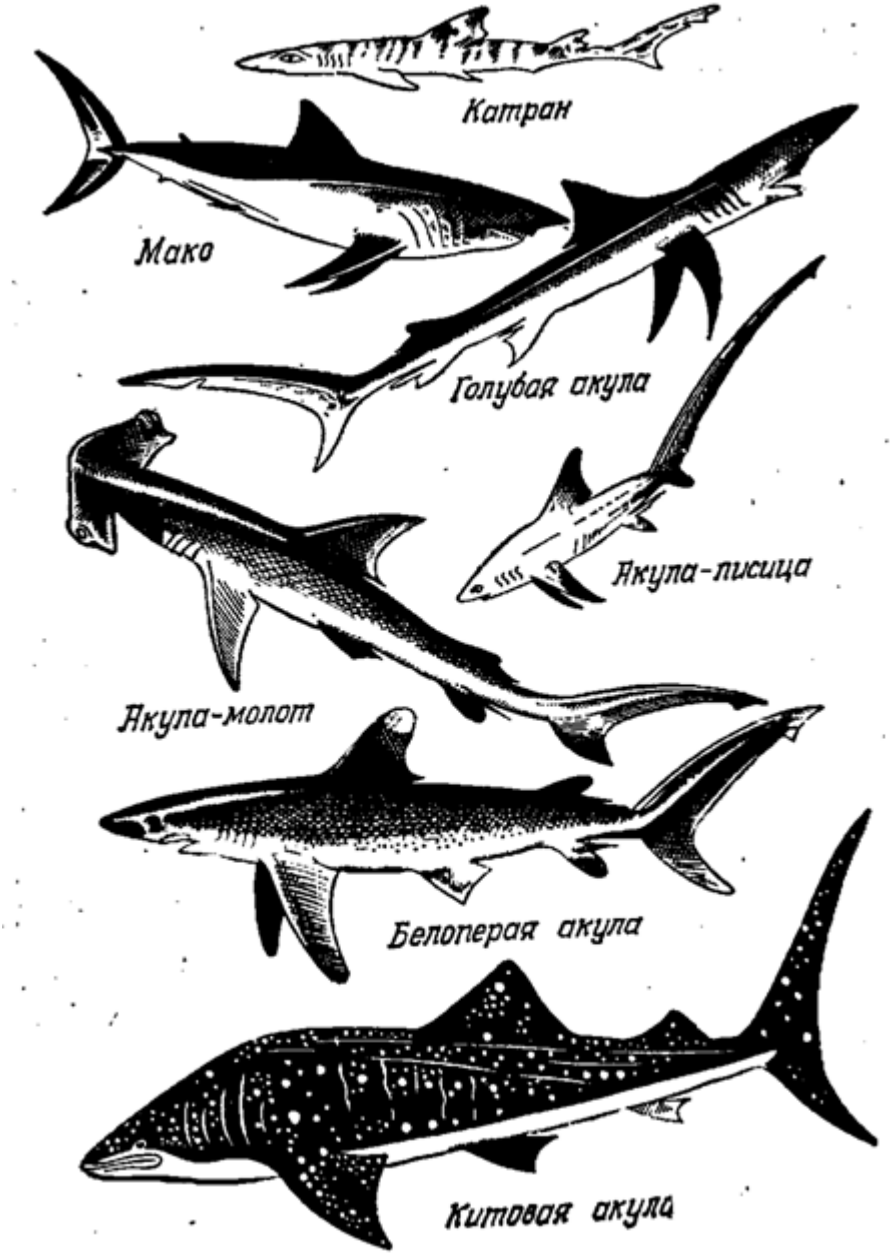
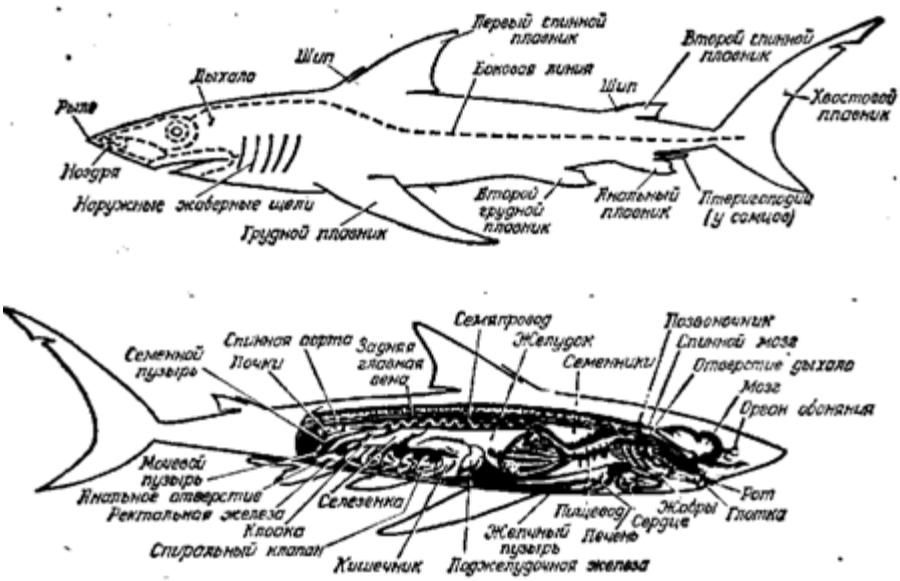


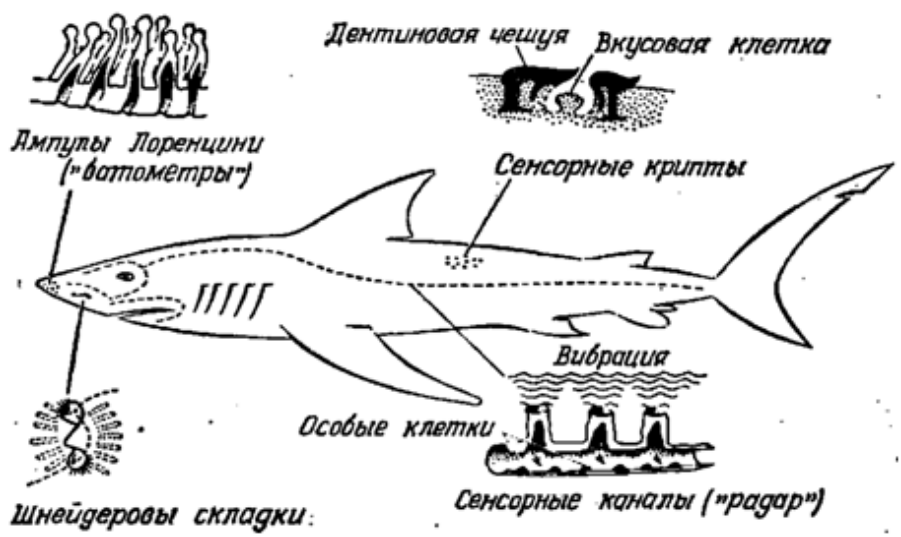
Схема примерного возраста некоторых видов фауны, в миллионах лет. (Периодизация, принятая в советской литературе, выглядит несколько иначе).



Силуэты некоторых наиболее распространенных акул. О сравнительных размерах можно судить по рисунку. Катран не считается опасной акулой, но она может содрать кожу с руки или ноги. Мако, несомненно, одна из самых опасных, то же можно сказать о голубой акуле, акуле-молот и белоперой акуле. Морскую лисицу и китовую акулу не считают опасными, хотя челюсти первой из них вполне могут причинить серьезные раны.

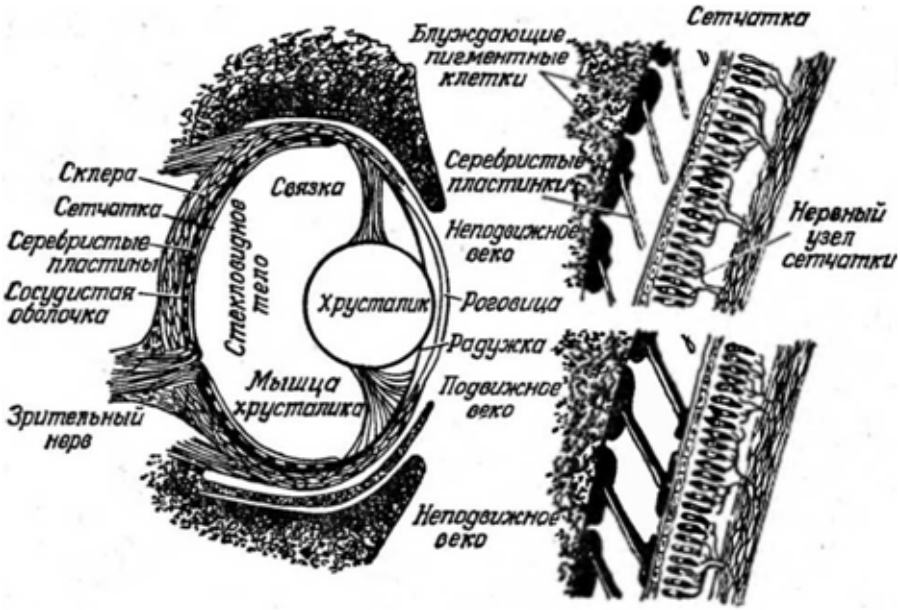


Вверху показано расположение боковой линии и большинства органов чувств. Внизу видны короткий кишечник, большой желудок, огромная печень. Органы в брюшной полости не поддерживаются связками, в этом одна из главных слабостей акулы. Ректальная железа – небольшой сосудистый мешочек неизвестного назначения в конце кишечника рыб.

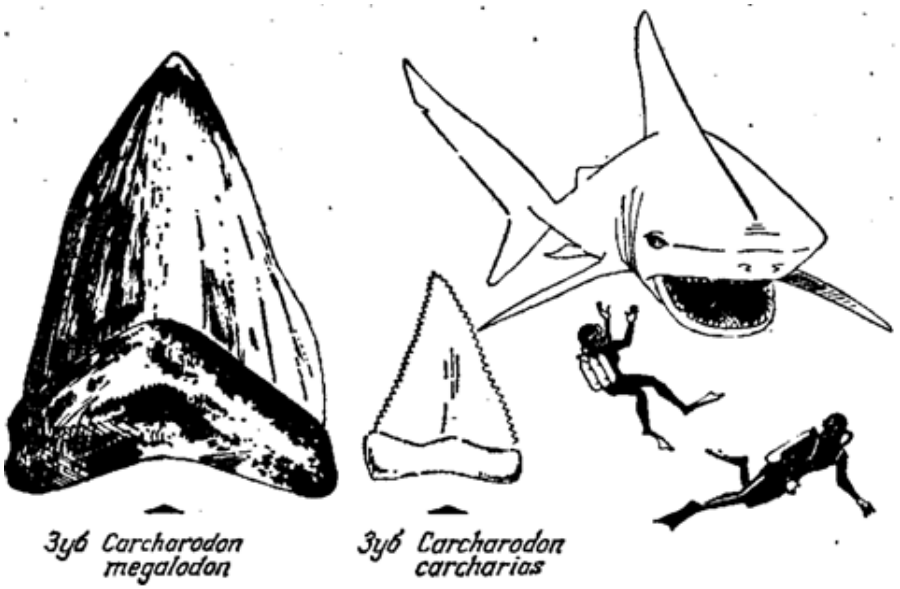


Органы чувств акулы. Сенсорные каналы вдоль боковой линии воспринимают вибрацию и волны сжатия. Ампулы Лоренцини позволяют различать колебания давления. Шнейдеровы складки в ноздрях омываются водой. На коже акул есть сенсорные крипты для исследования воды и плавающих

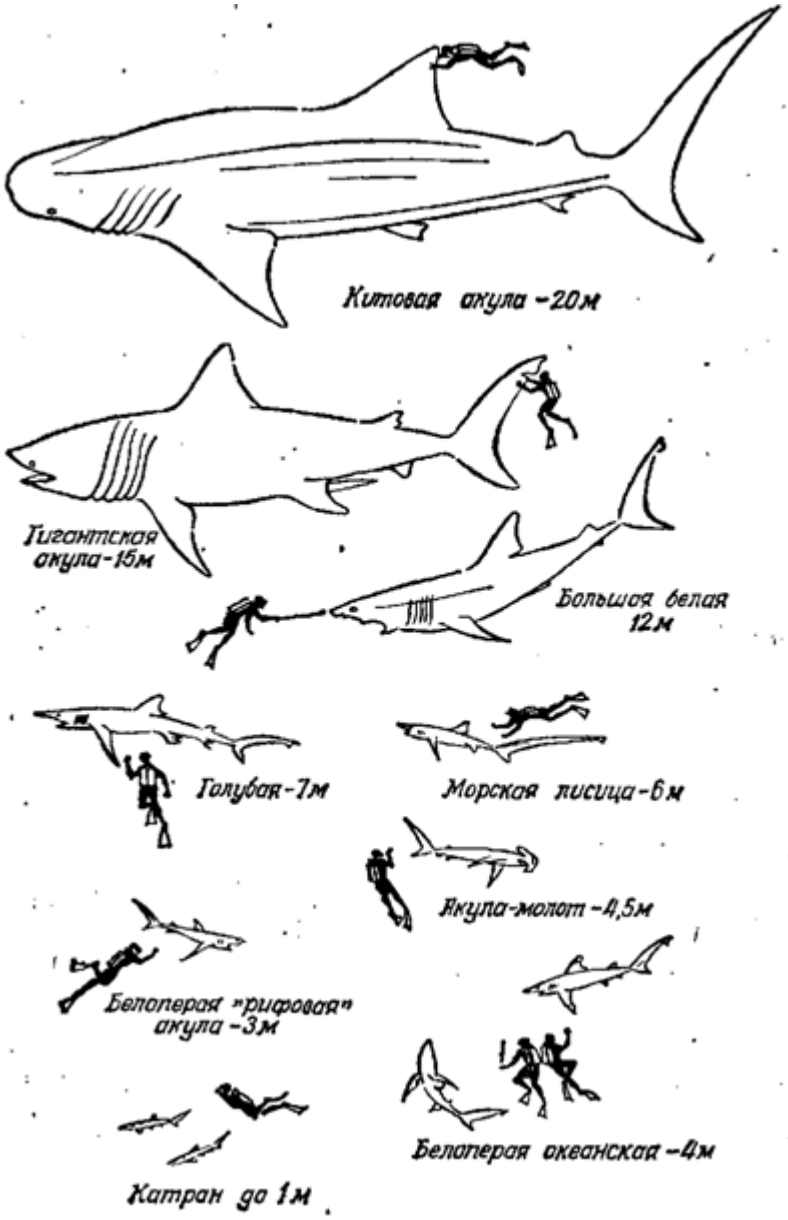
предметов. Большинство этих крипт сосредоточено на голове. Сочетание всех названных органов чувств объясняет высокую приспособленность акулы к своей среде



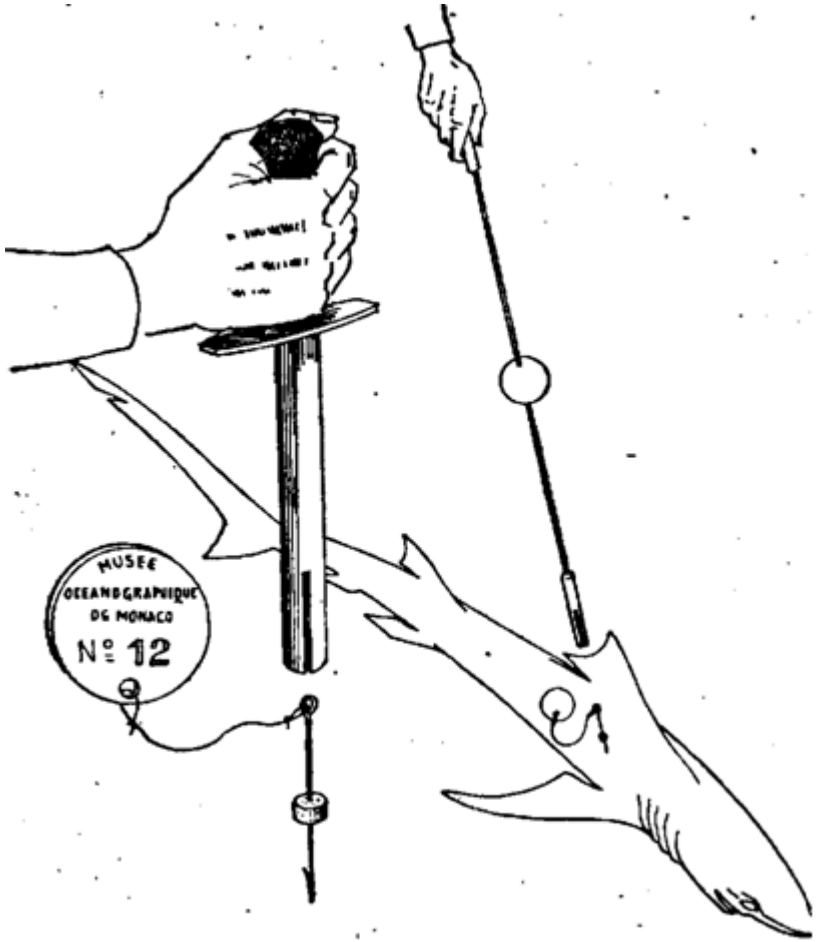
Замечательное строение глаза акулы. Слева показан круглый хрусталик. Чтобы фокусировать зрение, хрусталик не меняет форму, а подается назад или вперед. Вверху справа показано, как tapetum (серебристые пластинки) отражают свет обратно через сетчатку, которая таким образом дважды раздражается одним лучом. Блуждающие пигментные клетки в основании пластин закрывают их при ярком свете, как показано внизу справа. Строение глаза акулы обеспечивает его широкую аккомодацию как при сильном, так и при слабом свете



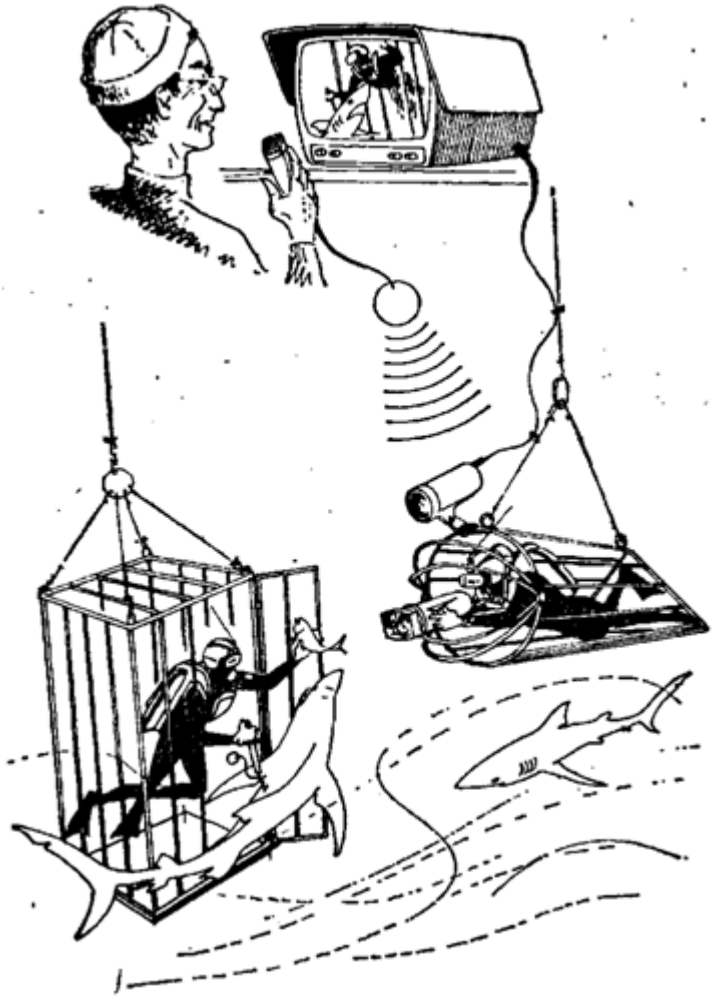
Ископаемый зуб Carcharodon megalodon. Хранится в Океанографическом музее Монако. Очевидно, он принадлежал огромной акуле, вроде той, которая условно нарисована рядом с человеком. Второй зуб принадлежит белой акуле Carcharodon carcharias. Белую считают одной из самых кровожадных и опасных акул. Разница в величине зубов позволяет судить о чудовищных размерах Carcharodon megalodon. Не очень-то приятно было бы подводному пловцу встретиться с такой бестией



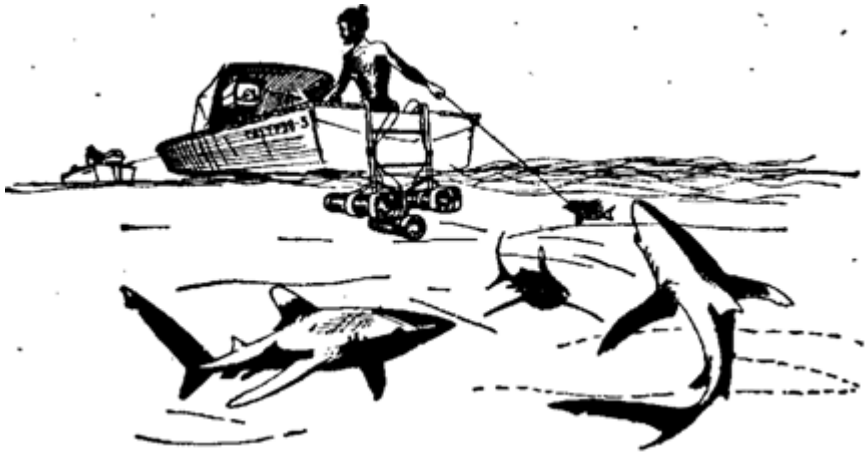
Сравнительные размеры некоторых видов акул.



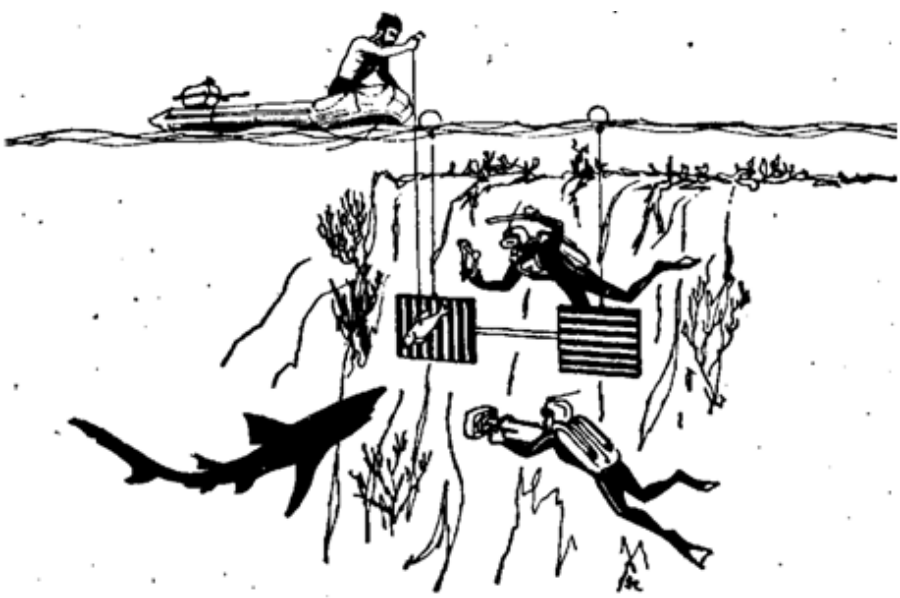
Наши приспособления для мечения акул. Короткие «кинжалы» мы применяли при мечении возбужденных акул, когда «копья» оказывались несподручными. «Копье» применялось в открытом море, когда акул было мало (одна-две) и они не подпускали нас близко. Показан образец метки. Такая бирка – ненадолго, потому что стальная бандерилья выталкивается кожей акулы через четыре-пять месяцев



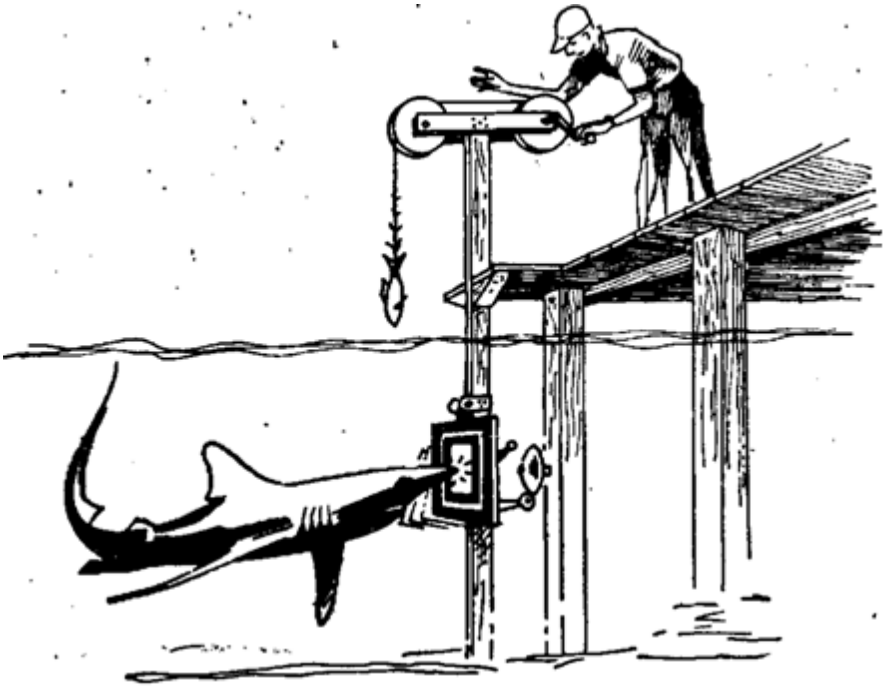
«Акулоубежище» для экспериментов с акулами и клетка для кинооператора. Система связана телевидением с поверхностью, что позволяет Жак-Иву Кусто или другим членам экспедиции давать советы и указания оператору и подводнику в «акулоубежище». Такая схема помогает ученым (как это было с доктором Юджини Кларк) собирать нужные данные, находясь на борту; одновременно она обеспечивает полную безопасность, ведь наблюдатель сразу видит угрозу, и клетки могут быть немедленно подняты.



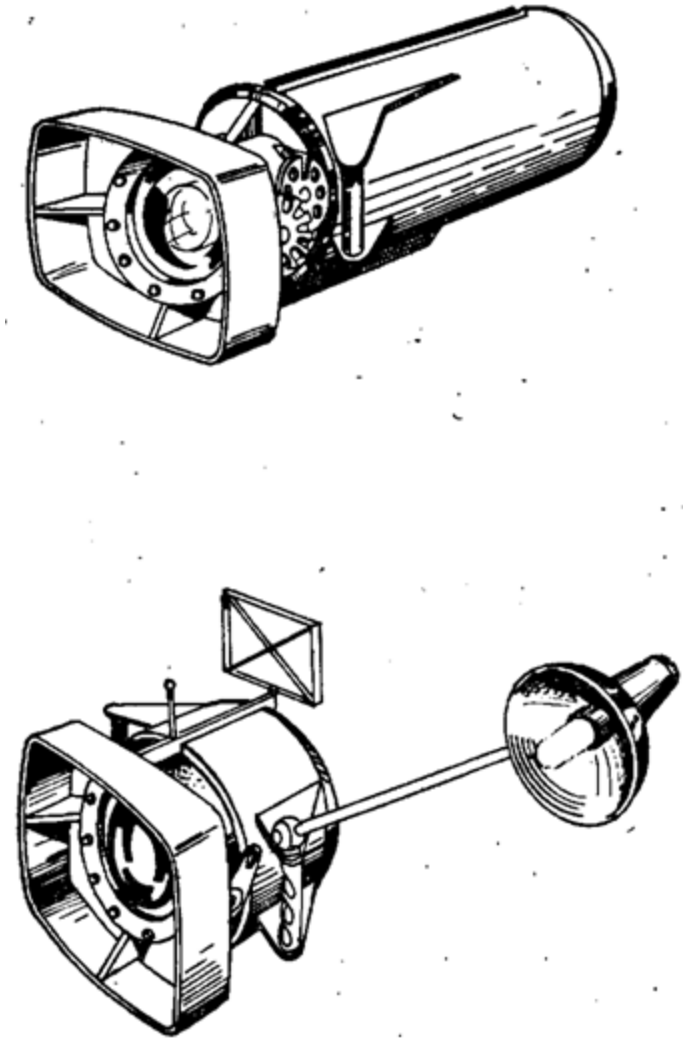
Здесь показано, как мы снимали акул, которые хватали буксируемую приманку (Красное море). Под кормой шлюпки «Калипсо-3» помещались две кинокамеры и одна телевизионная камера. Оператор в шлюпке следит по телевизору за происходящим и включает спуск кинокамер



Опыт, поставленный доктором Юджини Кларк в Красном море. Подводный пловец держит стальную скобу с болтом; ударом по болту вызывался звуковой сигнал, к которому приучали акул. Второй подводник снимает эксперимент. По сигналу человек в лодке спускает вниз рыбу



Такое устройство придумала доктор Юджини Кларк для своих опытов с акулами во Флориде. Видна мишень и звонок , который срабатывает, когда акула нажимает на мишень. Тотчас сверху подается вознаграждение – свежая рыба

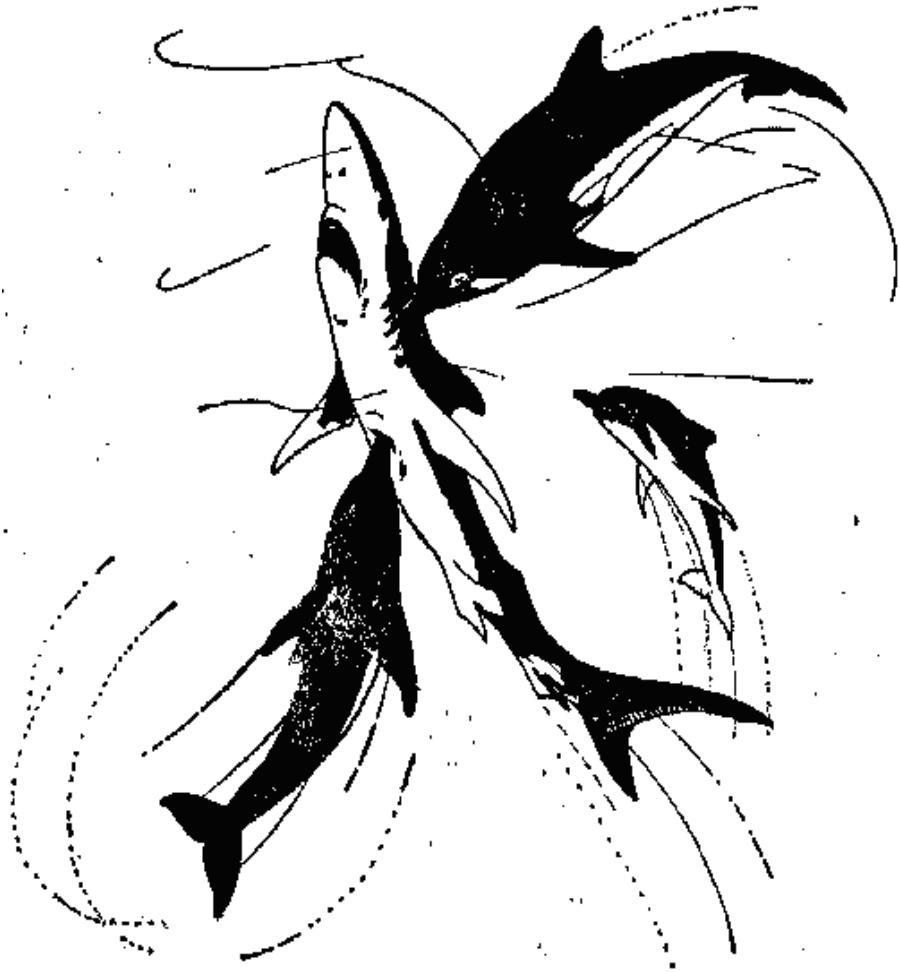


Вверху – типовая кинокамера нашей экспедиции. Управление вынесено около рукоятки слева. На другой рукоятке помещается спуск. Все камеры собраны из готовых частей в нашей мастерской. Внизу – фотобокс, рассчитанный на «Никон» с 21-миллиметровой линзой. Предусмотрена фотовспышка

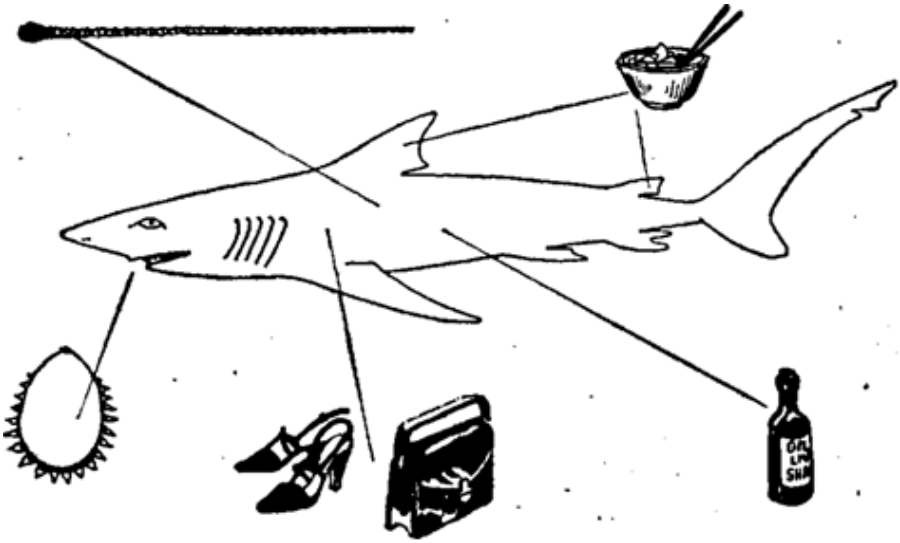
Враги акулы.

Самый опасный враг акулы – человек. Многие охотятся на нее исключительно для развлечения. В тропических водах немало акул гибнет под винтами моторных судов. Мы сами видели, как винты наших катеров или подвесных моторов калечат акул. Еж-рыба из жертвы превращается в убийцу: очутившись в пасти акулы, она раздувается, нарушает ток воды через жабры, и акула гибнет.

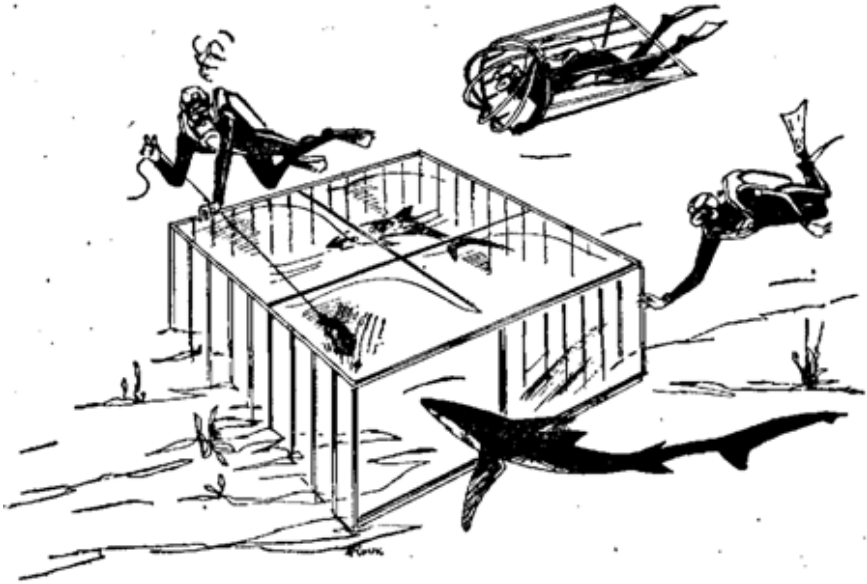
Большие кальмары в таких районах, как течение Гумбольдта, – грозные враги акулы. То же можно сказать об аллигаторах в устьях рек и о морских крокодилах. Косатка легко расправляется с крупной акулой; такой случай наблюдал профессор Тед Уокер поблизости от Сан-Диего. И конечно, как мы уже говорили, опаснейшим врагом акулы является дельфин



Дельфины атакуют акулу. На полном ходу они ударяют акулу в брюшную полость, разрывая ей внутренности. Они таранят также жабры, выводя из строя дыхательный аппарат акулы



Во многих странах пытались как-то извлечь выгоду из промысла акул. Такой промысел велся довольно широко, особенно в Южной Африке и Флориде. Главным продуктом был жир из печени акулы. У акулы очень большая печень. Богатый витаминами акулий жир продавался под названием «рыбий жир». Из плотной, прочной кожи акулы делали обувь, сумочки и прочие вещи. Зубы идут на украшения – ожерелья, браслеты, рукоятки для ножей и шпаг. Позвоночник, нанизанный на железный стержень, становится тросточкой; позвонки снаружи обтачивают. Рукоятку обычно делают из широко распространенного в Красном море черного коралла. Дубление кожи акулы – дело трудное и тонкое. Она склонна твердеть. Но это иногда даже к лучшему, так как увеличивает долговечность обуви, кошельков и других изделий. В Южной Африке кожу акулы используют и как наждак. На Востоке едят акульи плавники. На озере Никарагуа в Центральной Америке не так давно был организован государственный промысел пресноводных акул. (Эти пресноводные акулы – родичи мако.) Основным продуктом, который поставляли в китайские рестораны, были плавники. Теперь большинство акульих промыслов прекратило свое существование. Рыбий жир научились синтезировать, а спрос на кожу акулы упал. Ныне акул ловят преимущественно для производства сувениров



Сквалоскоп. Он был сконструирован Жан-Мишелем Кусто из пластика и алюминия; цель – изучение акул в неволе. Сквалоскоп годится только для кратковременной работы, он слишком мал, не позволяет акулам плавать достаточно быстро для вентиляции жабр, и акулы вскоре погибают из-за нехватки кислорода. Сквалоскоп применялся главным образом у рифа Шаб-Араб. Из-за хрупкости его было непросто опустить в воду, но он хорошо послужил, когда понадобилось проверить на акулах действие транквилизаторов и некоторых других веществ.

Над сквалоскопом показана одноместная клетка, приводимая в движение ногами подводного пловца. Это укрытие обеспечивает полную безопасность даже в окружении взбешенных акул. Обе клетки были изготовлены в наших мастерских на юге Франции под руководством капитана Брено

Фотографии Филиппа Кусто и других членов экспедиции

Рисунки в приложении Жан-Шарля Ру

ПРИМЕЧАНИЯ

Актинии – одиночные шестилучевые коралловые полипы.

Барракуды, или *морские щуки (Sphyraenidae)*, широко распространенные в тропических водах хищные рыбы. Некоторые виды достигают значительных размеров (свыше трех метров), обитают у берегов Африки и Азии (Sphyraena jello). В наших водах встречаются Sphyraena sphyraena в Черном море и Sphyraena pinguis в Южном Приморье на Дальнем Востоке. Обычно держатся небольшими стаями. Мясо их высоко ценится. Крупные тропические виды опасны для человека.

Батипелагиаль, или *дисфотическая зона* – сумеречная зона морских глубин ниже 200 и до 3500 м.

Бентос – совокупность донных организмов, обитающих на грунте и в грунте морских и материковых водоемов.

Биоценоз – совокупность растений и животных, населяющих участок среды (моря, суши) с более или менее однородными условиями.

Боковая линия, или *орган боковой линии* – орган ориентировки в водной среде у круглоротых (миноги), рыб, а также у личинок земноводных. Обычно ветвится на переднем конце тела и тянется в виде линии по бокам вдоль тела.

Брахиоподы (Brachiopoda), или *плеченогие* – класс из типа щупальцевых. Включает морских животных с двустворчатой раковиной, в которой имеется спинная и брюшная створка. Характерная особенность брахиопод – так называемые руки: отходящие по бокам рта, спиралью закрученные кожные лопасти, усаженные щупальцами. Ведут прикреп-ленный образ жизни. Известно около 250 видов.

Брюхоногие (Gastropoda) – класс типа моллюсков. Раковина обычно цельная, одностворчатая, спирально завитая. Есть формы без раковины. Наиболее крупный класс моллюсков (около 88 000 видов). Морские, пресноводные и наземные формы.

Веслоногие (Copepoda) – отряд подкласса низших раков. Главным образом морские формы, многие из которых играют большую роль в питании рыб (например, калянусы). Среди пресноводных форм – циклоп.

Гринда (Globicephanus melas) – из семейства дельфиновых, длина тела у самцов – 6, 5 м, у самок – 5 м. Окраска тела черная, на брюхе узкая белая полоса. Встречается во всех морях и океанах от тропиков до Арктики и Антарктики.

Гумбольдта, или *Перуанское течение* – холодное течение в Тихом океане у западных берегов Южной Америки, идущее с юга

примерно от 45˚ ю. ш. Это течение обусловливает относительно низкие температуры воздуха на побережье Чили и Перу. В Гумбольдтовом течении встречается много рыбы и головоногих моллюсков – кальмаров, в том числе и гигантских.

Дельфины – многочисленная группа морских млекопитающих из подотряда зубатых китов, входящих в отряд китообразных.

Морские змеи относятся к семейству гидрофиидов. Включают виды, никогда не покидающие море и даже рожающие в воде детенышей, и виды, которые раз в году выползают на берег откладывать яйца. Существует более 50 видов морских змей, и все они ядовиты. Укус смертелен. Яд морской змеи действует как яд кобры: он парализует центральную нервную систему и останавливает работу органов дыхания.

Длина змей в среднем 1-2 м, но встречаются виды до 3 м. Это типично прибрежные животные с очень красивой окраской.

Зубатые киты (Odontoceti) – подотряд отряда китообразных, характеризующийся наличием зубов. К ним относятся кашалоты, достигающие 18 м, и дельфины разного размера (от 1-1, 5 до 10 м).

Каранги – рыбы из семейства ставридовых. Широко распространены (свыше 200 видов) в тропических водах. Питаются зоопланктоном и мелкой стайной рыбой.

Китообразные (Cetacea) – одни из отрядов высших, или плацентарных, млекопитающих. Характеризуются веретенообразным телом с относительно большой головой. Передние конечности превращены в ласты, задние – отсутствуют. Морские животные, все жизненные отправления которых происходят в воде.

Два подотряда – беззубые киты (гренландский, японский, синий и др.) и зубатые киты (кашалот, косатка, гринда, белуха и разные мелкие дельфины).

Косатка (Orcinus orca), кит-убийца, или морской волк, из семейства дельфиновых (Delphinidae). Самцы до 10-11 м. Самки до 8-8,5 м. Спинной плавник самца достигает 2 м, у самок до 1 м. Хищник, питается стайной рыбой, головоногими моллюсками и иногда теплокровными животными – дельфинами, тюленями. Нападает на крупных акул.

Лангусты (Palinurus) – род беспозвоночных животных отряда десятиногих ракообразных. Длина тела – до 75 см. Обитают в морях на небольших глубинах у берегов Австралии, Африки и Южной Европы. Они очень вкусны и служат важным объектом промысла. Всего 5 видов.

Морские ежи (Ecchinoidea) – класс типа иглокожих. Объединяет формы, имеющие сплошной известковый панцирь,

снаружи покрытый подвижными иглами различной длины – от 0,5 до 30 см. Тропические ежи имеют обычно ядовитые иглы, которые легко ломаются и при уколе остаются в теле человека, причиняя сильную боль.

Морской слон южный (Mirounga leonina L.). Самый крупный представитель отряда ластоногих (самый крупный тюлень). Длина самцов – до 6,5 и самок – до 3,5 м, вес самцов – до 3,5 т и самок – 900 кг. Распространен в субантарктических и умеренных водах. Отличительный признак этого тюленя – наличие у самцов в носовой части кожного выроста или хобота, который достигает 40 см длины.

Мурены – морские угри семейства Murenidae, обитающие в тропических и субтропических водах. Своими острыми зубами способны наносить серьезные рапы. Типичные хищники. Могут быть опасны для людей.

Мшанки (Bryozoa) – класс животных из типа щупальцевых. Объединяет очень древних вторичнополостных мелких колониальных морских и пресноводных животных, ведущих сидячий образ жизни.

Олуши (Sulidae) – семейство морских птиц отряда веслоногих. Встреча-ются в прибрежных участках морей тропических и субтропических стран. «Поставщики» гуано, в частности у побережий Перу.

Планктон – совокупность мелких организмов, обитающих в толще воды и не обладающих способностью к быстрым, активным передвижениям.

Полипы – сидячие формы кишечнополостных животных. Имеют мешковидное тело. Вокруг рта расположены щупальца.

Раки-отшельники (Paguridae) – семейство морских десятиногих ракообразных. Длина тела – до 17 см. Брюшко нежное, помещено в пустую раковину брюхоногих моллюсков, иногда в трубку многощетинкового червя. Вся передняя часть тела рака-отшельника обычно прячется в устье раковины, защищающей рачка от врагов (отсюда рак-отшельник). Широко распространены в морях и океанах земного шара, особенно в тропиках.

Рыба-лоцман (Naucrates ductor) принадлежит к семейству ставридовых рыб (Carangidae). Рыбы-лоцманы обычно сопровождают крупных пелагических акул в тропических морях. Для облегчения передвижения держатся в «слое трения», окружающем тело акулы. В наведении акул на добычу никакого участия не принимают.

Рыбы-попугаи (семейство Scaridae) – обширная группа ярко окрашенных тропических рыб, встречающихся преимущественно у

коралловых рифов.

Рыба-хирург (Acanthurus chirurgus) у основания хвоста с обеих сторон имеет острые шипы, которыми может нанести глубокие раны. Обитатель теплых вод. В наших морях ее нет.

Сенсорная система – органы чувств, чувствительная сфера.

Сальны (Salpae) – класс подтипа личиночнохордовых, или оболочников. Свободно плавающие морские животные, как одиночные, так и колониальные.

Сепия – головоногий моллюск – каракатица. Сепией называют и темную жидкость, вырабатываемую чернильной железой каракатицы. Используется для приготовления туши и красок.

Скат-хвостокол, «морской кот», или *«тритон».* Крупная, до метра и даже более, плоская, серо-зеленая или черно-зеленая рыба, имеющая длинный узкий хвост, на конце которого зазубренная костяная игла 10-12 см длины. Раны, нанесенные этой иглой, опасны, долго не заживают. Водится во всех умеренных, теплых морях и океанах, в том числе в Черном, Азовском, Балтийском и Японском морях.

Спинороги (Balistoidei) – подотряд рыб отряда сростночелюстных. Тело покрыто костными пластинами. Спинной, брюшной и анальный плавники имеют мощные колючки.

Распространены преимущественно в водах субтропических и тропических широт, в прибрежной зоне. Питаются беспозвоночными (моллюски, коралловые полипы), раздавливая их своими мощными челюстями. Мясо ядовито.

Тридакны – семейство ракушек тридакн. Это самые большие раковины, достигают 1,5 м длины и весят до 400-500 кг. Распространены в тропических водах Индийского и западной части Тихого океанов. Из раковин тридакн полинезийцы изготовляли топоры и другие орудия. Сами раковины служили посудой.

Усатые, или *беззубые киты (Mystacoceti)* – подотряд отряда китообразных. Характеризуются наличием роговых пластин («китовый ус»), сидящих по бокам нёба и образующих цедильный аппарат. Среди них самое крупное из современных животных – синий кит, достигающий длины 33 м и веса 160 т. Почти истреблен промыслом. Остаток когда-то большого стада, около 1 тысячи голов; находятся под охраной.

Усоногие (Cirripedia) – отряд подкласса низших ракообразных, объединяет сидячие формы, имеющие снаружи раковину. Представители – морские желуди (их находят на крупных акулах и некоторых китах).

Физалия (Physalia phisalis) – португальский кораблик,

относится к отряду сифонофор, колония полипоидных и медузоидных особей. Физалия встречается иногда тысячами на поверхности тропических и субтропических морей. Многочисленные нити для ловли жертв достигают 30 м длины. Нити наполнены стрекательными батареями, ядовиты и могут быть опасными для человека.

Целакант, или *латимерия (Latimeria chalumnae)* – живое ископаемое, рыба, близкая к двоякодышащим, принадлежит к группе кистеперых рыб (Crossopterygii), от которых произошли наземные позвоночные.

Характерные черты – наличие длинной мясистой лопасти в основаниях парных плавников. Такие плавники напоминают конечности наземных позвоночных животных. Целаканты считались вымер-шими, и находка живого целаканта стала мировой сенсацией.

Целаканты сравнительно глубоководные рыбы и пока известны лишь в водах Коморских и Сейшельских островов. Длина их – около 2 м и вес достигает 100 кг.

Щупальцевые (Tentaculata) – тип животных, включающий вторичнолопастных представителей, ведущих сидячий образ жизни. К ним относятся три класса: мшанки, плеченогие, форониды.

Эйфория – повышенное настроение, характеризующееся беспечностью, чувством радости, ощущением довольства, безмятежностью. В данном случае – глубинное опьянение.

Ярус – крючковая снасть для лова донной, придонной и пелагической рыбы.

Ярус для лова трески и другой придонной рыбы состоит из хребтины, представляющей собой веревку, с которой соединены на расстоянии 2-3 м друг от друга поводки с крючками. Длина поводков – 0, 7-1, 2 м. Ярусы опускаются на дно или устанавливаются в придонном слое.

Плавные дрейфующие ярусы применяются для лова тунца, лосося, акулы. Эти ярусы дрейфуют вместе с судном, обычно моторным. Длина такого яруса – 70-90 км. Поводки в 20-25 м крепятся к хребтине с интервалами 30-50 м. Нижняя часть поводка, к которой прикреплен крючок с наживкой, делается из тонкого стального троса.

Хребтина яруса обычно капроновая.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Чтобы не было в море тайн» – четвертая книга Жак-Ива Кусто (написана вместе с сыном Филиппом), переведенная на русский язык. Книги «В мире безмолвия», «Живое море» (написанные также с соавторами) и «Мир без солнца» мгновенно разошлись и представляют сейчас библиографическую редкость. Все они посвящены подводному миру океана и его обитателям.

Мы знаем также и кинофильмы Кусто, снятые им самим, его помощниками и друзьями и тоже посвященные подводному миру тропиков. Мы знаем и публицистические статьи Кусто, не раз публиковавшиеся и в нашей периодической печати в защиту моря и морских животных.

И книги, и фильмы, и выступления Кусто в защиту природы сделали его имя известным и уважаемым в нашей стране, где привыкли ценить труд на благо людям, где хорошо понимают, что непосредственные наблюдения над жизнью в глубинах моря – это то новое направление, которому принадлежит будущее. Да, даже не будущее, а настоящее, ибо уже сегодня сотни ученых ведут такие исследования, работая под водой.

Исследователи, осваивающие толщу океана в хозяйственных целях на пользу народов мира, не могут не думать о животных, опасных в какой-то мере для человека.

Эта книга посвящена жизни моря и его обитателям, главным образом акулам, пожалуй, одним из самых интересных океанических рыб, которые до сих пор остаются для нас в чем-то еще загадкой. Книга Кусто читается как фантастический роман, хотя никакого вымысла в ней нет.

Наверное, ни одно животное на суше и в океане не возбуждает такого любопытства, страха и ненависти, как акула. Это один из самых древних обитателей океана, хорошо приспособленный к жизни в воде. У акул удивительно красивая обтекаемая форма тела, какой нет ни у одного другого вида рыб. Они движутся непринужденно, чуть шевеля хвостом, расставив грудные плавники и приоткрыв свои мощные, как капкан, челюсти, усеянные острыми зубами, которыми они способны перегрызть, перепилить толстые кости и даже перекусить человека пополам...

Акулы (и скаты), или, как их иногда называют, селахий, относятся к классу хрящевых рыб. В отличие от костных рыб в их скелете полностью отсутствует костная ткань, а тело покрыто шипообразной, так называемой плакоидной чешуей, представляющей собой не что иное, как самый примитивный

наружный скелет, известный у позвоночных. У многих акул концы шипов на чешуе острые и загнуты назад. Строение чешуи идентично строению зубов. Челюстные зубы большинства акул с трудом отличаются от плакоидных чешуй разве только большим размером.

У акул нет плавательного пузыря, и они имеют отрицательную плавучесть. Чтобы нормально дышать, получать необходимое количество кислорода, акула должна плыть с определенной скоростью, полуоткрывши пасть так, чтобы свежая вода непрерывным потоком омывала жабры. Поэтому акулы находятся в постоянном движении с первого до последнего дня своей жизни. Они отдыхают лишь изредка, лежа на дне и очень короткое время, буквально по нескольку минут. Акула, пробывшая без движения немного более часа, погибает от недостатка кислорода (асфиксии).

Многие ископаемые остатки акул и скатов, находимые в отложениях, возраст которых определен в 350-400 миллионов лет. и особенности строения этих рыб дают основание считать их чуть ли не самыми примитивными из всех ныне существующих рыб. Акулы, населяющие сейчас Мировой океан, мало чем отличаются от своих прямых предков, которые обитали на нашей планете около 160 миллионов лет назад. Говорят же, что наблюдать за акулой – то же самое, что смотреть сквозь коридор эволюции в отдаленное прошлое. Несмотря на эту примитивность в строении организма, сохранившуюся до наших дней, акулы являются процветающей и богатой формами (300-350 видов) группой рыб. Наряду с этим, как это ни парадоксально, у акул имеются и весьма прогрессивные черты развития: достаточно высокая организация нервной системы и органов чувств, а также особенности размножения. Эти прогрессивные черты имеют важнейшее значение для процветания названной группы.

По внешнему виду акулу нельзя спутать ни с одной другой рыбой. Рот акулы изогнут и расположен в нижней части головы. Хвостовой плавник асимметричен – верхняя часть его гораздо длиннее нижней. Плавники акулы упругие, плотные. Акулы не могут быстро двигать грудными плавниками так, как это делают многие костные рыбы. Расположение плавников у акул типично только для них. Брюшной плавник самцов снабжен придатками, которые называют птеригоподиями. Эти придатки являются копулятивными органами. С помощью большого хвоста, работающего как кормовое весло, акула быстро двигается вперед, развивая скорость до 45-50 км в час. Хвост служит ей также и рулем поворота. Поскольку грудные плавники у акул жесткие и малоподвижные, они не столь маневренны, как у многих других

рыб. Акулы могут тормозить, но не в состоянии сразу остановиться или дать «задний ход». Обычно, чтобы избежать препятствия, акула сворачивает в сторону.

Акулы обладают способностью внутреннего оплодотворения, тогда как многие костные рыбы извергают половые клетки прямо в море. Большинство акул – живородящие. Развитие яиц внутри тела у акул происходит в течение 7-12 месяцев. Но есть и такие виды, у которых икра (яйца) развивается 21 месяц. Акулы приносят от одного-двух до 50-80 акулят. Чаще – 10-15. Икромечущие акулы откладывают такое же количество икринок. Только одна акула – полярная – откладывает в сезон размножения около 500 икринок.

Темпы размножения акул очень невелики. Большинство из них становятся способными к воспроизводству (созревают) только на 15-18-м году своей жизни. Акулы не охраняют ни отложенную икру, ни появившихся на свет малышей, которые рождаются вполне сформировавшимися, умеющими плавать, добывать себе пищу и спасаться от врагов, то есть способными к самостоятельной жизни. Находясь еще в утробе матери, до появления на свет, маленькие, но уже полностью сформировавшиеся акулята иногда поедают своих братьев и сестер, что было несколько раз подтверждено при вскрытии таких акулят, извлеченных из беременных акул-самок.

Как же охотятся акулы? Как отыскивают они свою жертву? Это стало известно сравнительно недавно.

Акулы обладают исключительной чувствительностью к малейшим колебаниям воды. Они ощущают эти колебания на достаточно далеком расстоянии от центра их возникновения, во всяком случае когда их слабое зрение еще бессильно. (Утверждение Ф. Кусто о том, что акулы обладают достаточно острым зрением и способны видеть свою жертву на относительно большом расстоянии, не подтверждается многочисленными экспериментами, проведенными в океанариях.)

Акулы очень тонко чувствуют и изменения давления воды, возникающие при движении морских животных. По-видимому, они могут определять если не вид, то во всяком случае размеры животных, вызывающих колебания и изменения давления воды. Эти изменения воспринимаются «боковой линией», расположенной по обеим сторонам тела рыбы (от головы до хвоста).

У акул чрезвычайно остро развито также и обоняние. Например, если растворить 1 см3 крови в 600 тыс. литрах морской воды, то акула быстро устанавливает, откуда распространяется запах крови, и идет туда прямолинейно со всей

скоростью, на которую способна.

Воспринимать звуки от 20 до 1000 герц (1 герц – одно колебание звуковой волны в секунду) акула может в радиусе до 25-30 м, когда она не видит еще свою добычу. На таком же расстоянии она воспринимает движение, а также малейшее изменение давления воды. На расстоянии трех метров акула способна видеть. Причем она различает форму и цвет предмета. Как показали опыты, на расстоянии 10-15 см акула способна обнаружить очень слабый источник электро-импульсов, порядка 0, 02 мв/см.

Обладая перечисленными выше чувствительными органами, акула довольно быстро обнаруживает животных, которыми она питается, пользуясь сперва «дальней наводкой» – обонянием, затем более близкой – воспринимая боковой линией и ампулами Лоренцини на голове движение и колебания воды, а также изменение давления, затем при приближении к жертве акула пользуется зрением и в последнюю очередь – электрорецептором (например, проходя над самым дном, акула обнаруживает электрополе, создаваемое дыханием камбалы, закопавшейся в песок, и хватает ее «без осечки»).

Существует много легенд, малоправдоподобных историй, различных преувеличений, анекдотов и даже фантастических вымыслов о питании акул, их невероятной прожорливости и жадности. Все они представляют акул в неверном свете.

Основная, главная пища акул – это стайные мелкие и средние рыбы и стайные кальмары. Многие акулы питаются у дна. Здесь они добывают донных рыб, осьминогов, крупных ракообразных (крабов, омаров, лангустов). Некоторые акулы едят раковинных моллюсков, разгрызая раковины, как скорлупу орехов. Не беда, если при этом сломается несколько зубов – на их месте быстро вырастают новые. Едят акулы и себе подобных, и не только акул других видов, но собственных братьев и сестер. Предпочитая свежую пищу, акулы не брезгуют и падалью – мертвой рыбой, а также мясом китообразных и других морских млекопитающих. Поэтому акул в какой-то мере можно назвать «санитарами моря». Они активно охотятся и за тюленями. Дельфинов, которые являются стайными животными, акулы боятся. Но никогда не упустят случая добыть отбившегося от стада молодого, больного или раненого одиночного зверя. Иногда акулы нападают и на крупных рыб, например тунцов или парусников. Однако, учитывая скорость движения этих «живых торпед» (тунцы – свыше 100 км/час, меч-рыба – около 130 км/час), подобные случаи наблюдаются редко.

Таким образом, за 300-400 миллионов лет своего

существования акулы приспособились к питанию различными морскими животными. Что же касается человека, то лишь немногие акулы нападают на него и всегда в особых условиях. Известно всего 25-27 видов акул (из 350!), повинных в нападении на людей. Остальные в этом «преступлении» не замешаны. Нападают только голодные акулы при температуре воды от 18 до 22°С. Нападения происходят лишь в летнее время, так как зимой акулы, по-видимому, не питаются вовсе. В Мировом океане существует всего несколько акулоопас-ных районов: прибрежные воды полуострова Флориды (США); воды, омывающие Багамские острова и отдельные участки побережий в Карибском море; прибрежные воды юго-восточной Африки, омываемые Индийским океаном; юго-восточное и восточное побережья Австралии и Тасмании считаются особенно опасными районами Мирового океана; нападения акул на людей отмечались не раз также у берегов Южной Калифорнии. Именно в перечисленных выше районах и было зарегистрировано наибольшее число случаев нападения акул на людей.

Прожорливость и жадность акул не подтверждается опытами, проведенными в океанариях.

Для сравнения питания различных животных между собой ученые признали удобным выражать вес съеденной пищи в живом весе тела данного животного. Например, морская выдра, или калан, съедает в день столько пищи, сколько весит часть ее тела. Значит, за 4 дня она съедает количе-ство пищи, равное одному весу своего тела, а за годы она съедает 90 своих весов.

Насекомоядная птица съедает за год 300 своих весов, а маленькая землеройка – 600 своих весов. Но это все теплокровные животные, которые затрачивают много энергии на теплоотдачу. Холоднокровные же животные, к которым относится и акула, съедают значительно меньше. Например, хищные рыбы, в том числе и щука, съедают за год не более 8 своих весов, чаще меньше восьми. Акулы же, как показало их содержание в океанариях, едят еще меньше. Трехметровая песчаная акула, прожившая в океанарии десять лет, съедала в течение года от 77 до 90 кг рыбы, что составило всего 0,6 веса ее тела. Некоторые виды акул, содержавшиеся в разных океанариях, ели немного больше: один-два веса в год, но никогда больше трех своих весов в год.

Акулы могут долгое время сохранять в желудке пищу «про запас», которую затем они постепенно расходуют. Способность поистине удивительная!

Таким образом, акулы, в противоположность широко распространенному мнению, едят очень мало. Достаточно

крупная акула, длиной в 3 м и весом в 152 кг, в среднем за день съедает от 200 до 250 граммов пищи, и это количество является совершенно достаточным для того, чтобы она была сыта и компенсировала бы все затраты энергии.

В желудках более 300 акул, вскрытых нашими рыбаками – охотниками за акулами в Атлантическом океане, не было обнаружено ни одного постороннего предмета: никаких консервных банок или старых резиновых сапог, или другой обуви, никаких бутылок, кокосовых орехов, резиновых или иных перчаток и других предметов туалета, словом, ничего, кроме кальмаров и рыб – естественной пищи акул. Это подтвердило и вскрытие акул, добытых нашими рыбаками в Тихом океане. В желудках акул были найдены: камбалы, мелкие палтусы, минтай и разные бычки. Таким образом, разрушаются легенды о необыкновенной жадности и прожорливости акул.

Опровергаются также легенды и о крайней опасности акул как людоедов. Жак Кусто на основании своих многолетних исследований, а также наблюдений и экспериментов своих сотрудников и прежде всего сына Филиппа Кусто приходит к определенному выводу, который образно можно подытожить так: «не так страшен черт, как его малюют».

Книга командора Жак-Ива Кусто и его сына, проникнутая любовью к морю и его обитателям, объективно оценивающая образ жизни и поведение пока еще не полностью разгаданных акул, хороший подарок для любителей природы и особенно для тех, кто посвятил свою жизнь морю и исследованию его богатств.

Б. А. Зенкович С. К. Клумов

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АКУЛАХ И О ЖИЗНИ В МОРЕ

Анго М. Жизнь тропических морей и эксплуатация их ресурсов. М., 1964.

Богоров В. Г. Жизнь моря. М., 1954.

Дювиньо П. и **Танг М.** Биосфера и место в ней человека. М., 1968.

Куиличи Ф. Приключения на шестом континенте. М., 1958.

Константинов К. Г. Акулы (Жизнь, промысел и использование). Мурманск, 1968.

Кроми У. Обитатели бездны. Л., 1971.

Кусто Ж.-И., Дюма Ф., Даген Д. В мире безмолвия. Живое море. М., 1966.

Кусто Ж.-И. Мир без солнца. Л., 1967.

Кэррингтон Р. Биография моря. История Мирового океана, его население и его влияние на историю человечества. Л., 1964.

Мак-Кормик Г., Аллен Т. и **Янг В.** Тени в море (Акулы и скаты). Л., 1968.

Мартинсен Г. В. Акулы Мирового океана. М., 1966.

Определитель акул Мирового океана. Составитель В. И. Пинчук. М., 1972.

Перес Ж.-М. Жизнь в океане. Л., 1969.

Соул Г. Морские приключения (Наука изучает морские глубины). Л., 1971.

Тарасов Н. И. Море живет. М., 1949.

Уэбстер Д. А. Акулы-людоеды (Факты и легенды). М., 1966.

Хейердал Т. Экспедиция «Кон-Тики». «Ра». М., 1972.